Л.М. Моро-Кристоф

МИР МОШЕННИКОВ

Физиология мира мошенников
Соч. Л.М. Моро-Кристофа

Перевод со второго французского издания Д. и Л.

Москва.
Типография С. Орлова.
Никитская ул., Д. Черневой.
1867.

Федерация
1993

Предисловие от издателя

Ниже всех классов общества, составляющих мир честных людей, существует самый низкий класс, самый ненормальный, неподчиняющийся в своих действиях правилам, которыми руководствуются все честные люди; этот класс людей составляет совершенно особенный мир, который Виктор Гюго называет le troisieme dessous, а Моро-Кристоф – *Миром мошенников* (le Monde des coquins).

Моро-Кристоф, узнавший этот темный мир через продолжительное изучение и частые наблюдения, может дать нам весьма ясное понятие о *мире мошенников*, который у В. Гюго изображен только с одной стороны (intus et in cute). Моро-Кристоф, изучавший мир мошенников во всех тюрьмах Франции и в главных тюрьмах Европы, поставил себе задачей выставить в рельефном виде этот малознакомый публике мир во всех его формах; он желает начертать нам малейшие фибры и черты его сложной физиономии, грязной, кровавой, мрачной физиономии...

В издаваемой нами книге Моро-Кристоф мастерски исполняет свою задачу, столь важную для изучения нравственности и терапевтики настоящего общества. Он решает эту задачу способом столь же новым, сколько искусным; столь же остроумным, сколько серьезным, и притом со всем свойственным ему пылом ума и слога.

Предлагая свою книгу публике, Моро-Кристоф может сказать, как говорил Монтен: «Никогда никто не изучал с таким усердием, как я, предмета, за который он брался; никто не знал изучаемого предмета лучше меня; поэтому в данном случае я имею сведений больше всех других современников моих. Никогда никто не вникал глубже меня в свой предмет, не рассматривал его старательнее меня и не достигал предположенной себе цели точнее и полнее меня. Для решения заданного себе вопроса я руководствовался одной только истиной».

Мы надеемся, что публика по прочтении предлагаемой ей книги подтвердит наше суждение о ее достоинстве.

Издатель.

Дозволено цензурой.
Москва, 8 июля 1867 года

Вместо предисловия от автора

Мнения критиков о «Мире мошенников»

Первое издание «Мира мошенников» разошлось с такой быстротой, что едва критика успела высказаться о нем. Однако многие журналы говорили об этой книге и возбудили к ней любопытство публики. Вот некоторые замечательнейшие статьи, которые послужат превосходным предисловием ко второму изданию моего сочинения.

В настоящую минуту у меня в руках книга Моро-Кристофа под заглавием *«Мир мошенников»*, и эта книга, кажется, пришла к нам прямо из *страны бедности*. При чтении ее с самого начала чувствуются холод, голод, беспомощность, нужда, уединение, смрадный воздух; воображению нашему представляется какая-то преисподняя, какой-то омут, где гнездятся мелкие преступления вместе с мелкими насекомыми, где совершенное царство мрака, где нет ни одного луча света, где все грязно, подло, отвратительно.

«Этот *омут* есть вывеска совести горсда. Здесь нет ничего скрытного, все ставится на очную ставку. В этом месте есть мрак, но нет секретов. Всякая вещь имеет свою истинную форму или, по крайней мере, определенную. Эта куча дряни имеет за себя то, что она не лжет. Здесь убежище наивности. Все грязности цивилизации поглощаются этой ямой истины. Они поглощаются, но не скрываются, а выказываются. Там нет ложной наружности, там невозможна штукатурка или маска; сволочь сбрасывает свое покрывало; здесь безусловная нагота; здесь нет мечты и призраков. Здесь одно дно бутылки уже свидетельствует о пьянстве, одна ручка корзинки для хлеба указывает на хозяйство; здесь господствуют полное равенство, полное братство...»

Мы идем далее автора *«Несчастных»*. Ниже омута существует еще клоака.

Знаете ли вы, однако, сколько совершается в этом *мире мошенников* преступлений против *собственности* каждый год? – 175600. А против *личности*? – 31900. В этот счет не вошли клеветы, пасквили, банкротства и мелкое воровство, которые забывают или которыми пренебрегают. Прибавьте к этому еще то, что ежегодно расходуется 146000000 франков на добровольную или вынужденную милостыню, да 70200000 франков, которые еже-

годно тратятся на содержание арестантов; примите также во внимание целую армию стражи: 35000 человек полевой стражи, 30000 особенной стражи, 30000 – таможенной, 15000 жандармов, 10000 – лесной стражи, 3000 полицейских комиссаров, 3000 дорожных агентов и их команда, разные другие стражи, министр юстиции, министр внутренних дел, префект полиции, 89 префектов, 379 субпрефектов, 38000 мэров, 3000 мирных судей, 2500 магистратов, президентов, вице-президентов, следственных судей, генерал-прокуроров, их помощников, секретарей, экзекуторов, 3500 ежегодных присяжных, 38000 полиции, 3000 жандармских казарм, 362 тюрьмы, 86 судов, 27 центральных исправительных домов, 86 палачей и их помощников, три галеры, 12 тюрем в Париже, дома призрения нищих, разные приюты, колонии молодых арестантов, тюремщиков, сторожей в достаточном количестве для 200000 арестантов во всей Франции! Прочитав этот перечень, честный человек содрогнется; ему покажется это невероятным.

Моро-Кристоф есть наблюдатель. Будучи инспектором тюрем, он много видел, много изучил, ничего не забыл. Он имеет чутье красного зверя. Он вполне знает все различные темпераменты: флегматический, лимфатический, желчный, сангвинический; он распознает их по черепу, по взгляду, рукам, по малейшим признакам. «А, – говорит он, – вот этот грустный и тот веселый – оба воры».

Только по одним бровям он так хорошо узнает качества человека, как немецкий философ. «На нижней границе лба, – сказал философ Гердер, – находится бровь – радуга мира в спокойном или веселом состоянии человека и натянутый лук раздора в гневе».

Глаза, нос, рот и уши служат верными признаками внутренних качеств человека. Между мошенниками можно заметить одних с львиными головами, других – с волчьими, свиными, птичьими, овечьими и т.д. «В этой голове есть доля телячьей и доля лисьей, но телячья преобладает», – сказал один физиономист, говоря о каком-то государственном человеке.

Терпеливый Моро-Кристоф изучал руки, плечи, бедра, колени, грудь и живот. Смотря по тем приемам, с какими кто снимает свою шапку, он скажет: «Этот человек мошенник... Потом, сказав об этих *признаках*, Моро-Кристоф рассказывает о знаменитых преступниках старого и нового времени: о маркизе Бринвилье, которую один кри-

миналист долго провозглашал воплощенной невинностью; о госпоже Тике, отравившей своего мужа, великой и прекрасной, которая носила имя Анжелики. В свою очередь мы встретим и славного преступника Леже, жившего в лесах Сены и Оазы. Однажды он съел 16-летнее дитя, изнасиловав его; нашли только кости жертвы. В той же книге вам расскажут о славном мошеннике Дома-Дюпене и о его достойном друге Роберте Сент-Клере, потом об убийстве вдовы Гуе ее зятем Бастианом.

Потом, наконец, мы найдем там странную личность, которая в одно и то же время принадлежала к миру честных людей и к миру мошенников. Он имел громкий голос, ум тонкий и замечательный; он был полон ненависти и злобы, изобретателен... *лев, дипломат, сестра милосердия*, говорил Фоссати, френолог, смотря на его широкий лоб и полные щеки. Глаза его были зеленые, круглые, маленькие, проницательные и блестящие, как алмаз.

Кто поверит, что этот преступник, странный человек по имени Видок, наблюдал за спокойствием Парижа, что он был *начальником* дневной и ночной стражи, что он сторожил уснувший город, равно как охранял его и днем! Этот наказанный преступник приобрел удивительную популярность; он был какой-то *тайной*, загадкой и действовал по всем закоулкам города. Он нападал на преступление или оргию с быстротой молнии. При его имени мошенниками овладевал страх, заставлявший их дрожать. Он на мостовой открывал кровавые следы; по тряпке, забытой на месте преступления, находил преступников. Он был *везде и нигде*. Когда он шел, то был уверен, что его никто не знает. В самом деле его видели только те, которые потом попадали на галеры или на эшафот.

Этот человек столько занимал места в области юстиции, сколько тюрьмы венецианской инквизиции, австрийские carcere duro и четыре башни Бастилии. Он получил известность, написав первую книгу на воровском языке, которой может похвастаться французская литература. Он из этого страшного языка сделал свой обыкновенный разговорный язык; он имел его акцент и жесты. Он был ловок, хитер, насмешлив, страшен. Его остроты заставляли бледнеть самых наглых. Удар его кулака сбивал всякого, самого сильного. Он с одинаковым успехом действовал с помощью хитрости и дерзости. Он был вполне тем, чем можно быть на его месте. Он казался добродушным человеком, обожаемым теми, кого он подводил под гильотину. Не один раз

мошенник, которого он предавал в руки палача, в последний час перед смертью призывал Видока, чтобы получить от него благословение в предсмертный час!

Когда же ему наскучил Париж, он переехал в Англию. Он имел целью познакомить англичан с подземным миром. Он так хорошо рассказывал об этом мире, что слушателям его казалось, будто они сами видят все его оргии, присутствуют на их праздниках. Для этого он привез с собой в Лондон цепи, ошейники, гвозди, молотки, пистолеты, мечи, ножи, воровские ключи и т.п. Прибавьте еще сюда маленькую гильотину, Консьержери в миниатюре, маленькую Бисетр и пр. Видевшие его в дороге принимали его за комедианта. У него всегда была целая толпа слушателей, в числе которых были лорды, герцогини, философы, государственные люди, мошенники высшего света, все привлекаемые одной и той же прелестью. Они удивлялись Видоку, слушали его рассказы про Жана Клике, Фарина или Гаффи. Он вполне отчетливо знал все подробности истории Иерусалимской улицы. Он рассказывал о происхождении и развитии воровского языка. Он знал все песни, которые пелись на воровском языке, с аккомпанементом ломаного железа. Он знал все поэмы на этом языке. Он говорил, что благодаря ему и доктору Гильотену искусство убивать людей сделало несомненные успехи. Он даже составил песню в честь изобретателя гильотины, д-ра Гильотена:

Ce savant medecin
Que l'amour du prochain
Fit mourir de chagrin!

Видок объяснял своим слушателям воровской язык, все красоты и тонкости которого ему были вполне известны. Потом рассказывал им о своих похождениях; этими рассказами англичане пленялись более, чем своими лучшими поэмами и трагедиями. Рассказывая о каком-либо преступлении, он показывал одежду жертвы и орудие убийцы, но особенно он был очарователен, когда рассказывал о прекрасном поле, любимом мошенниками.

«Милорды и господа! – говорил он тем же сладким и страшным одновременно голосом, – приблизьтесь без страха к этой блузе с несколькими кровавыми пятнами. Эта блуза была моей любимой одеждой. Я в ней был в тот день, когда арестовал моего друга Тусине и прекрасную Лизу, его любовницу. Вот ее перчатки!.. Это была единственная рука, которая могла войти в эту перчатку, и которая в ней так проворно вытаскивала золотые часы... Миледи, не трогайте это-

го платья католического священника. Оно мне оказало много услуг: я был в нем, когда поймал одного вора, обокравшего Palais-Bourbon. Я был одет священником, вор – полковником. Вот его крест Святого Людовика. Он был на нем, когда я остановил его лошадь. «Возьми его, – сказал он мне, – Видок. Теперь ты один достоин носить его».

«Что вы видите там? Эти цепи и замки изломаны и испорчены Габленом, великаном в пять футов с лишком. Однако я арестовал его однажды утром, когда его жена родила, и я был крестным отцом дитяти. Вы хорошо видите, господа, эту табакерку с прекрасной головкой на крышке ее. Это подарок Рауля в предсмертный его час. Рауль – это мой chef-d'oeuvre. Он убил одного несчастного путешественника... Что касается до этого *часослова*, то он принадлежал другу Серье, который позабыл отдать его уважаемому аббату Монте. Оба эти имени находятся на первой странице. Этот автограф хотел купить у меня лорд Спенсер. Странно, я думаю, встретить рядом с именем убийцы имя исповедника!» А все-таки Видок и после рассказов Моро-Кристофа остается для нас загадкой.

Все упомянутые до сих пор лица принадлежали к простому неученому классу народа.

Между учеными мошенниками первое место принадлежит Ласенеру. Он был нашим соучеником. Я еще и теперь вижу эту безумную голову рядом с поэтом Э. Кине, доктором Труссо, энергичным Э. Жеиром. Ласенер был послан в Париж по стараниям двух своих соучеников. Я вполне согласен с М.-Кристофом, когда он отвечает именем Ласенера на ту страницу *«Несчастных»*, где говорится, что недостаток образования есть истинная и единственная причина преступлений. Ласенер был даже писателем: он писал много песен.

Chantons, forcats en choeur le chant que nous aimons!
Libres et gaillards, un jour nous reviendrons!
Adieu, berceau de notre enfance;
Adieu, loin de votre presence,
A vous parfois nous penserons (bis).
Si dans vos coeurs gravee est notre image,
Gardez-nous parfois un soupir;
Nous vous promettons d'etre sages.

В сочинениях Ласенера есть трагедия, эпическая поэма, элегия и песни, печальные произведения дурного школьника. Его философия достойна его поэзии. Однако были люди, собиравшие мысли этого мошенника. «Добродетель, – говорил он, – это счастье. Преступление – несчастье. Другого мира

нет. Почему не едят людей, как быков? Женщина имеет лимфатический характер. Я бы лучше ел мясо мужчины. Я предпочитаю некрасивую женщину красивой». Немного далее автор прибавляет: «Ласенер любил хорошее бордосское вино, он был влюблен в шампанское». Он говорил: «Я рожден убийцей, как родятся поэтами». Он презирал *эшафот* и улыбался при имени *гильотины*.

Однажды он просил милостыню у Скриба, который дал ему денег. Впоследствии он убил своего благодетеля так же спокойно, с таким же бесстыдством, как убил вдову Шардон.

Однажды его посетил аббат Лакордер, а он едва стал слушать живую и горячую речь этого молодого аббата и сказал ему: «Я не хочу, чтобы меня изобличали».

Заметьте, что страх к этому преступнику появился после удивления его поэмам и разным шалостям. Он сперва был героем, о нем говорил весь город, желавший знать его молодость и любовные интриги. Его тюрьма была осаждаема сочувствующими ему любопытными. При его появлении ему аплодировали, к нему приближались, когда он был осужден на смерть, и *он говорил свои красноречивые комплименты*. С детским вниманием слушали каждое его слово, записывали его стихи. Книгопродавцам он отдал свои *записки*. Дамы посещали его в тюрьме. Дамы в бальных платьях провожали его на эшафот. Френологи осматривали его голову и нашли бугорки *воображения и благосклонности*; живописцы сняли его портрет, а скульпторы просили дозволения сделать его бюст! Его изучали, рассматривали, ощупывали до конца. Книгопродавцы нажились через него. Его превосходно изобразил адвокат его г. Брошан. «У этого человека мраморное сердце; душа его окаменела. Ни тени угрызений совести и раскаяния! Бесчувственный, он не имеет ни страха, ни надежды. Он убивал без малейшего колебания. Эта холодная бесчувственность при виде его жертв, это спокойствие перед вами, эта вечная улыбка на устах, эта свобода ума, которая позволяет ему сочинять стихи и песни накануне своего приговора... Наконец, это хладнокровие перед эшафотом. Все это поражает меня, возмущает и заставляет думать, что этот человек, считающий себя умным, есть больной, безумный, бешеный!..»

Изобразив жизнь мошенников, М.-Кристоф обращается к их языку, и в этом отношении книга его имеет весьма большой интерес. Интересная история этого интересного мира оканчивается перечнем древних казней, из которого видно, что и в древности не щадили мошенников. И тогда

существовали знаменитые мошенники: у нас Ласенер, в древности Картуш, и тогда был особый воровской язык...

Jules Janin (Indep, belge)

«Мир мошенников» – заглавие заманчивое, книга интересная. Автор ее, Моро-Кристоф, бывший главным инспектором тюрем, 20 лет провел среди мира мошенников. Чтобы изобразить этот мир в настоящем его виде, автору нужны были только воспоминания. Он посещал тюрьмы, галеры, исправительные и пенитенциарные дома. Всех лучше он мог заглянуть в самую глубь пучины, где господствуют нищета, разврат, низкие страсти, всякого рода преступления.

В первой части этой книги – самой важной, по моему мнению, – сущая правда. Автор разговаривал с осужденными, забыв свои официальные к ним отношения. Потом он собрал вместе эти разговоры и предлагает теперь публике свою жатву.

Выводы М.-Кристофа диаметрально противоположны положениям В. Гюго.

«Бедность – удивительное и тяжкое испытание, из которого сильный выходит великим, а слабый – бесчестным. Испытание, которому судьба подвергает человека, когда хочет сделать его полубогом или негодяем!» – так говорит В. Гюго.

Моро-Кристоф, напротив, убежден, что преступление рождает нищету, и что если бы каким-нибудь чудом бедность была уничтожена, то по прошествии нескольких лет преступления снова населили бы землю несчастными. По словам М.-Кристофа, голод не был причиной всех случаев воровства, которые ему приписываются, так как воровство съестных припасов составляет самую незначительную долю, а именно только 1% в общей массе всех случаев воровства, так как статистика доказывает, что три четверти украденных съестных припасов принадлежат к предметам роскоши.

По этому поводу автор ссылается на статистику краж в Англии. В ряду 43 категорий предметов, подвергающихся краже, 13-е место занимают роскошные съестные припасы. Хлеб же отнесен к последней категории.

Итак, поставщиком этого презренного мира людей служит не голод, а желание удовлетворить низкие страсти.

Есть ли теперь надобность определять мир мошенников, открытый для всех погибших, для всех заблудившихся? Этот мир подкрепляется *сухими плодами*, всеми пустыми людьми. Кто поскользнулся и не поднялся тотчас, тот навеки погряз в этом омуте, куда стекает через тысячи подземных каналов всякая дрянь, грязь, все отверженные обществом. Там кишат в беспорядке черное платье и рубища, шелковое и шерстяное грубое платье, городские и сельские жители, образованные в коллегиях и неумеющие читать, там все чины, сословия, занятия, там все пороки.

Более всех пороков увеличивает это гнусное население самый страшный порок, мать всех пороков – *леность*. Мошенники знают друг друга, воздают каждому должное уважение.

Мошенники не стоят неподвижно. Они меняют походку, привычки, способ *работать*, смотря по времени и обстоятельствам. Промышленник, грабивший прежде дилижансы на больших дорогах, переселяется в город, довольствуясь мелкими мошенничествами. Разные случаи делают из убийцы вора. Одним словом, они делают все, что могут.

Когда в Париже были перестроены до основания все грязные кварталы с узкими улицами, мошенники также произвели у себя разные улучшения. Это требовало издержек, но они не скупились, так как все улучшения они сделали на счет своих врагов, т.е. честных людей.

Все моралисты с изумлением останавливались над этим вопросом и пытались его разрешить. Одни требовали просвещения, другие жандармов.

По нашему мнению, следует соединить оба эти средства, чтобы излечить зло. Edmond Texirt. (Le Siecle).

Книга М.-Кристофа может испугать все сердца, растроганные *«Несчастными»*. Все несчастные, выведенные на сцену В. Гюго, могут при хорошем направлении их способностей, сделаться честными людьми. Его мрачные натуры могут сделаться героями. Моро-Кристоф, к сожалению, не разделяет этих благородных надежд.

Нам кажется, было бы лучше, если бы М.-Кристоф опирался только на собственные наблюдения, которые он делал, посещая главные европейские тюрьмы. Но он был вовлечен еще в намерение разыскать *признаки*, по которым можно узнать мошенников.

Et ne devaut-on pas, a des signes certains,
Reconnaitre le coeur des perfides humains?..

М.-Кристоф подвергает анализу лоб, глаза, брови, волосы, нос, уши, щеки, зубы, губы, подбородок. Никогда нигде не бывало точнейших паспортов, разве только в Италии, где в паспорте обозначается даже голос, что особенно характеризует музыкальный народ.

Кому придет в голову, что даже колени могут служить признаком тех или других качеств? Так, например, мясистое колено свидетельствует о слабой силе и мягкости характера.

Припомним здесь Гландвилля, который приписывает человеку звериные лица, подобно тому, как Лафонтен снабжает животных человеческим языком. Грандвилль был великий моралист, который старался предохранять нас от волков, лисиц, львов, тигров, сорок и т.п. в человеческом образе, которых мы часто встречаем.

Все эти аналоги открывают разные признаки наблюдателю, говорит Моро-Кристоф. Однако следует опасаться, чтобы описание это не произвело замешательства в обществе, и чтобы люди, имея в руках книгу Кристофа, не уверились, что есть много мошенников в числе их друзей и знакомых. Наконец, многим придет в голову мысль всматриваться с беспокойствием в свою физиономию, ища в ней разные роковые признаки!

О моралисты! Вы смотрите на людей только с дурной стороны, подобно полицейским комиссарам. Знаете ли вы, что, разделяя общество на два мира – честных людей и мошенников, – вы создаете антисоциальную армию, которая подобно римским гладиаторам всегда готова пожрать вас?

Я старался бы показывать людям, что они лучше, чем на самом деле есть. Я желал бы, чтобы не ставили резкой границы между падшими и честными, чтобы не ставили в подозрение никого только по каким-то гадательным признакам, чтобы не изгоняли из общества людей только по этим приметам, ибо подобные действия могут на самом деле сбить с пути и честного человека.

Но М.-Кристоф ответит нам, что он основывался на статистике, которая говорит, что во Франции ежегодно совершается до 200000 преступлений, и почти всегда в одинаковой пропорции.

Я преклоняю голову перед статистикой, не веря мнению Кристофа. Мной овладевает ужас при мысли об этих 200000 преступлениях. Я был на Марсовом поле в двухсоттысячной толпе, собравшейся смотреть шар Надара, и мне пришло в голову, что если бы здесь были собраны 200000 преступников М.-Кристофа, то я был бы очень рад улететь с земли вместе с Надаром.

Hippolite Lucas. (La Nation).

Гг. Morel, Sarcey и др. также высказали свои мнения о моем сочинении, но о них я скажу несколько слов во второй части этого сочинения, когда буду говорить и о мнениях многих других моих критиков.

Некоторые мелкие журналы прежде всех говорили о моей книге. Один из них, l e N a i n j a u n e, посвятил моему сочинению колкую статью, в которой между прочими читаем следующие строки:

«Можно ли по наружным признакам узнать здоровое или болезненное состояние души человека, как это удается при распознавании телесных болезней?

Можно ли по этим чувственным, осязаемым приметам отличить дьявола от ангела, Каина от Авеля, честного А., которого считают плутом, от бесчестного Б., который считается честным?

Да, можно, и Моро-Кристоф доказывает это рядом поразительных примеров. Смотрите в его книгу, вы все, которые... Но избегайте его взгляда: он вас узнает.

Всего любопытнее в этой занимательной книге то, что многие люди, которые не считались принадлежащими к *Миру мошенников*, однако встречаются там с именами мошенников...

Гг. Дюпанлу, Р.И. Прудон, Пелльетан, Виктор Гюго, Жувен, Теофиль и Леон Готье, Жюль Фавр, Мери, д-р Лелю, сенатор Дюпен, книгопродавец Гильомен и пр., и пр., и пр.., наконец, Эрнест Кристоф, племянник автора, и Аврелиан Шолль, редактор журнала l e N a i n j a u n e!

Неужели они там встречаются в ряду мошенников? О нет! Однако встречаются!..»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – ОТЕЦ, БЕДНОСТЬ – МАТЬ

«Бедность – удивительное и тяжкое испытание, из которого сильные люди выходят великими, а слабые – бесчестными».

Такова тема романа *«Несчастные»*, романа, шум которого утих, но заблуждения проводимой в нем доктрины оставили в умах следы, которые могли бы долго не изгладиться, если бы те, которые поняли эти заблуждения, не постарались истребить их, или по крайней мере, сгладить их, уменьшить влияние их.

Во главе заблуждений книги В. Гюго стоит мнение, по которому бедность служит почти единственным побуждением к преступлениям.

Как роман «Claude Gueux», изданный в 1831 г., как «Le dernier jour d'un condamne», изданный в 1832 г., так и роман *«Miserables»*, изданный в 1862 году, – все основываются на одном и том же роде воровства, во всех упоминается воровство *хлеба*.

Отчего повторяется воровство хлеба в течение тридцати лет и притом таких тридцати лет, которые ознаменованы столь различными причинами преступлений?

От того, что, по мнению Гюго и весьма многих других, воровство всегда имеет единственной причиной голод, и это мнение теперь приобретает тем большее значение, что автор *«Несчастных»* основывает его на будто бы компетентном авторитете английской статистики, «которая подтверждает, что в Лондоне четыре воровства на пять имеют непосредственной причиной голод».

От того, что голод, который выгоняет волка из леса, побуждает несчастного человека, который терпит голод, ограбить всякого, кто может попасть в его руки. Голодный может совершить воровство, единственно только желая удовлетворить чувство голода.

Но представляют ли официальные ежегодные статистики в Англии и во Франции постоянно известное количество воров съестных припасов? Заметим, однако, кража съестных припасов составляет весьма малую часть всех случаев воровства – едва 1%.

И что любопытнее всего в этом отношении, так это то, что те же самые статистики подтверждают, что только в

весьма редких случаях голод служит главной причиной воровства съестных припасов, между тем как все остальное количество краж подобного рода совершается вследствие желания полакомиться.

Может быть, вам угодно, чтобы я представил этому доказательство? Вот оно. Я заимствую его из официальных, довольно достоверных источников.

В Лондоне подвергаются краже 43 категории предметов разного рода. Только в 13-й категории мы встречаем съестные припасы, служащие предметом воровства, и то только предметы роскоши, а не предметы первой необходимости, а именно: говядину, живность, дичь, ветчину, сосиски, сыр и пр., потом, очень далеко, в 30-й категории встречаем чай, сахар, кофе, пиво, вино... Хлеб же относится к 43-й, т.е. к последней категории.

Советую Виктору Гюго справиться об этом в великолепном сочинении моего ученого друга Герри, корреспондента Парижского Института. Это сочинение носит следующее название: Statistique morale de l'Angleterre comparee avec celle de la France, по официальным источникам. Пусть В. Гюго, невзирая на английскую статистику, на которую он ссылается и которая есть произведение фантазии, как и многие другие статистики, составленные лишь по догадкам, без проверки встречающихся в них вычислений, убедится, что все случаи воровства, какого бы рода они ни были, в Лондоне, как и в Париже, – если не все, то, по крайней мере, четыре из пяти, – имеют своим источником действительно голод, не тот голод, который чувствуется при недостатке пищи, а голод, вызываемый прихотями и страстями, требующими для своего удовлетворения особой пищи.

Однако справедливо можно сказать, что когда мы посещаем тюрьмы или заседания уголовных и исправительных судов, то вид этих несчастных в рубище, которых мы там встречаем, может внушить нам мысль о том, что бедность – главная поставщица в тюрьмы и суды.

Но когда мы развернем эти рубища и посмотрим, что прикрывается ими, то придем к заключению, что рубища скорее служат признаком пороков и безнравственности, чем бедности. Сверх того, эти рубища не суть единственная одежда, которой прикрываются преступления. Весьма часто преступление, особенно воровство, совершается людьми, изящно одетыми.

Если вам угодно в этом убедиться, разверните отчеты уголовных французских судов и увидите там следующее.

Во-первых, *самые богатые* департаменты те, где больше совершается преступлений *против собственности*, т.е. воровства.

Во-вторых, что на 22000 ежегодно обвиняемых из девяти классов общества 21000 почти приходится на долю первых восьми классов, которые имеют *постоянные средства к существованию*. Между тем как только 1200 обвиняемых приходится на долю девятого класса, к которому причисляются бродяги, нищие, развратные женщины, *несчастные*.

В-третьих, что из *освобожденных* чаще всего впадают в новые преступления те, которые выходили из мест заключения с *наибольшим запасом денег* и которые во время заключения казались наилучшими работниками.

В-четвертых, что, наконец, наибольшее число преступлений *против собственности* и вообще всякого рода преступлений совершается в таком возрасте, когда преступник владеет всеми силами тела, ума и воли, одним словом, всеми средствами к честной жизни, т.е. в возрасте до 30 лет.

Итак, бедность не есть мать преступления, мать воровства. А если она и *делается таковой*, то только вследствие присоединения к ней безнравственных причин, необходимо соединенных с бедностью, вследствие стремления к роскоши, довольству или богатству.

Однако, скажете вы, всем известно, что число бедных воров бесконечно больше числа воров, которые имеют какую-нибудь собственность.

В самом деле, всем известно, что бедные совершают больше преступлений, чем богатые. Наши тюрьмы, населенные преимущественно людьми низшего класса общества, доказывают это.

Это справедливо, но не следует упускать из вида то, что те классы, которые называются низшими, составляют огромное большинство общества. Высшие классы так малочисленны и притом так рассеяны в пространстве, что они составляют едва заметную долю всего общества.

Отсюда такое громадное большинство пролетариев в списках рекрутов. Отсюда же значительный перевес пролетариев в списках заключенных в тюрьму над богатыми людьми, которые составляют только малую долю всех заключенных.

Количество бедных честных граждан несравненно больше числа честных богачей.

Поэтому-то и число заключенных бедных граждан необходимо должно быть выше числа богатых преступников.

То же отношение существует и между жителями сел и городов.

Первые совершают гораздо больше преступлений, чем вторые. Статистика преступлений и тюрьмы с арестантами служат хорошим тому доказательством.

Неужели это происходит оттого, что сельские жители безнравственнее горожан?.. Нисколько.

Причиной этому то, что они гораздо многочисленнее. В самом деле, из 32000000 жителей Франции только 7000000 живут в городах и местечках, в которых считается свыше 1500 душ. Остальные 25000000 составляют население деревень.

Итак, если число арестантов, принадлежащих к высшим классам общества, несравненно меньше числа арестантов из низших классов, то это происходит лишь оттого, что и число честных богачей бесконечно меньше числа честных бедных людей.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ОБРАЗОВАННЫЕ И НЕОБРАЗОВАННЫЕ

По мнению автора *«Несчастных»*, весьма правильно будет разделить все общество людей на *образованных* и *необразованных*. «Уменьшить число необразованных и увеличить число образованных – вот задача нашего времени. Вот почему мы кричим: просвещение! науки! Учить читать значит зажигать огонь» (VII. 389).

В этих строках есть своего рода поэзия. Но все это не больше, как мишура, блеск которой прикрывает одно из весьма распространенных заблуждений будто самые бедные и необразованные страны суть вместе с тем и наиболее обильные преступлениями.

В самом деле, статистика вполне опровергает это общее мнение, доказывая, что происходит совершенно наоборот, и что поэтому должно составить об этом предмете совершенно обратное мнение.

Между самыми образованными и самыми богатыми странами нового времени, бесспорно, Англия, Франция, Бельгия и Соединенные Штаты занимают первые места.

Однако доказано, что в этих странах преступление с удивительным постоянством и роковой правильностью следует прогрессивному движению промышленности и просвещения.

Что касается Франции, то в ту самую эпоху, про которую говорит В. Гюго, именно в период времени между 1825 и 1836 годами, ни в одной стране промышленность и просвещение не были в таком цветущем состоянии, как в ней. Однако в этот же самый период времени общее

число обыкновенных преступлений возросло здесь на 40% (вместо 57600 их было до 79900).

В то же время число *вторичных* преступлений почти удвоилось.

Если вам угодно теперь знать, шло ли прогрессивное развитие преступности параллельно с развитием просвещения и богатства в ту эпоху, которая прошла от того времени, о котором мы говорим, до наших дней, прочтите последний отчет канцлера, поданный императору*) и VI главу этого сочинения, служащую прибавлением к главе *о бюджете мошенников.*

Все это доказывает, что нравственная бедность идет шаг за шагом за прогрессивным развитием умственного и материального богатства данной страны.

Всего поразительнее в этом выводе то, что если мы обратимся к отдельным местностям государства, то убедимся, что самые бедные и необразованные местности в то же время отличаются наилучшею нравственностью, наименьшим числом случаев воровства; между тем как, наоборот, в богатейших и просвещеннейших частях государства наичаще встречаются преступления.

Однако мы должны сказать, что этот печальный результат много смягчается следующим другим: из цифр новейшей статистики видно, что на 100 обвиняемых, приводимых в ассизные суды, приходится 60, не получивших никакого образования, а 27 таких, которые только умеют читать.

Но что же можно заключить по этому факту о нравственности французского народа? Больше ничего, кроме того, что во Франции более невежд, чем людей сколько-нибудь образованных. Число преступлений, совершенных необразованными людьми, более числа преступлений, совершенных людьми образованными потому, что число необразованных людей значительно больше числа образованных. Вот и все. Чтобы предполагаемый численный вывод имел какое-нибудь значение, необходимо для этого доказать, что масса населения, из которой являются вовсе необразованные преступники, вообще более образована; чего, очевидно, сделать невозможно. Если бы три четверти арестантов, говорит статистик Герри, не умели ни читать, ни писать, если бы четыре пятых всего населения страны были неграмотны, то вышло бы, что арестанты, относительно наиболее образованная часть народа, и необразованность тогда не могла бы быть рассматриваема как причина преступлений.

---

*) Из этого отчета видно, что в последнее время число преступлений уменьшилось; причины этого лучшая полиция и большая строгость наказаний.

2 Зак. 37313

Сверх того, в тюрьме, а не в ответах, даваемых подсудимыми в ассизных судах на предлагаемые им вопросы о степени их образования, должно почерпать положительные сведения о степени их нравственного воспитания.

Наблюдения показали, что самые наглые арестанты суть те, которые получили какое-нибудь образование в школах.

То же замечаем и в парижских тюрьмах, где малое число *глупых* арестантов совершенно незаметно среди значительного большинства *смышленых*, как это можно заметить во всех парижских Colleges de Pantin*).

Все почти директоры центральных тюрем единогласно утверждают, что они, изучая влияние образования на нравственность арестантов, заметили вредное действие его на порядок и нравственность.

То же явление замечается и в среде сосланных на галеры.

Наконец, новейшая статистика доказала совершенно ясно, что чем более в совершенном преступлении предполагают безнравственности, тем более должно предполагать образованности в преступнике.

Конечно, мне трудно совершенно изменить мрачные и светлые краски, которыми теория раскрасила карту Франции 40 лет тому назад. Но я не виноват в том, что положительные выводы статистики фактов противоречат выводам a priori спекулятивной статистики идеологов и романистов.

Теперь следует ли из этого заключить, что невежество ослабляет наклонность к преступлениям, между тем как образование укрепляет и умножает эту наклонность?..

Сохрани Бог, чтобы я когда-нибудь произнес подобную хулу на Бога; ибо это значит хулить Бога, если бы я стал отрицать, что ум человеческий есть удивительнейшая, высочайшая способность, которую человек получил от чистейшего ума Божьего.

Даровав человеку ум, Бог сотворил его по своему образу и возвысил его над всеми другими животными.

Образовывать свой ум, совершенствовать и расширять его – значит исполнять назначение Бога, предопределенное человеку.

---

*) Название тюрем на воровском языке в Париже.

Невежество есть отрицание ума, и это отрицание может причинить столько же зла, как и всякое другое неразумное отрицание.

Если отрицание веры убивает в сердце человека нравственное чувство, сознание своих обязанностей; то отрицание ума похищает у человека сознание о его высоком достоинстве, внутреннее убеждение о его полезности.

Человек зол только потому, что он не знает ни счастья, ни интереса быть добрым.

Зло, происходящее от ума, есть только последствие дурного воспитания. Нынешнее французское воспитание портит или нейтрализует семя в зародыше и заставляет почву производить только бесполезные и опасные плоды.

В самом деле, все в наших нынешних школах посвящено развитию тела, памяти и ума; и почти ничего для развития способностей души и качеств добродетелей сердца.

Окончив курс в школе, можно сделаться искуснее, умнее; но, наверное, не сделаешься ни воздержаннее, ни скромнее, ни нравственнее, ни религиознее, ни добродетельнее, ни более сознающим обязанности человека в обществе.

Итак, что же такое знание, т. е. религия ума, без морали, т. е. без религии сердца?

Что это, особенно, за знание, которое для одних состоит лишь в умении читать и писать, для других – в слабых познаниях физики и химии, для третьих – в некотором понимании латинского и греческого языков!

Думаете ли вы, что эти молодые люди, которые получили в школе лишь начала какого-то бледного, слабого полузнания, будут достаточно сильны, чтобы устоять против пороков и дурных желаний, когда для них настанет пора страстей, нужд, честолюбия, стремлений к славе и т. д.?

Они тем менее будут такими, чем более будут думать, что они таковы, ибо, говорит Монтен, «убеждение в своем знании есть чума для человека». Их падение будет тем быстрее, чем приобретенные ими познания укажут им на новые неудовлетворенные нужды.

Только воспитание может дать образованию приличное направление и сделать это орудие ума орудием нравственности. «Нравы рождаются воспитанием, – сказал Роайе-Коллар, – одно лишь воспитание создает и поддерживает их, ибо оно одно научает обязанностям, показывая их на практике. Без воспитания образование есть только средство падения».

2*

У нас менее всего обращают внимание на воспитание. Везде учат хорошо говорить и нигде хорошо делать. Знание слов имеет свои степени, свои дипломы, своих великих учителей. Знание дел не имеет ничего этого. Под *именем* дел я разумею здесь не те, которые оставляют в мозгу только мертвые буквы, но те, которые в глубине сердца оставляют вечно живые впечатления о полезных принципах, всегда осуществляемых на деле.

Делание добра – плод истинного знания. Всякое другое знание без этого есть опасное неведение. Никакое другое знание, кроме этого, не может предохранить человеческий ум от вредных галлюцинаций эгоизма.

Это прекрасно выразил канцлер Делангль в своем рапорте императору в мае 1862 года. «Отчеты уголовной юстиции, – говорит этот министр, – указывают на большую или меньшую способность преступников к чтению и письму; но обладание этими знаниями в слабой степени, как это по большей части бывает, не может служить признаком их успехов в знании религиозных и нравственных истин, которые *одни* могут обуздать их преступные побуждения».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
НРАВСТВЕННАЯ БЕДНОСТЬ

Нравственная бедность – вот отгадка общественной загадки, которую без этого слова никто не сумел бы разгадать; вот решение задачи, которую никто не мог бы решить без этого слова.

Достойно удивления постоянное и редкое старание экономистов и философов, романистов и правительств, с которым они в продолжение целых веков стремились отыскать причину богатства и бедности там, где не могли ее найти.

Ни один из них не мог дойти до той истины, что общество бывает настолько богато или бедно в материальном отношении, насколько оно богато или бедно нравственно.

Самая богатая нация не всегда та, которая наиболее имеет вещественных богатств.

Посмотрите на Рим: никогда он не был в таком бедственном состоянии, как в то время, когда обладал богатствами всего почти мира; и, наоборот, никогда он не был богаче, как в то время, когда единственным его богатством была его бедность. Только благодаря бедности он обладал всеми добр-

одетелями, которые самую бедность обращают в добродетель; только благодаря богатству он погряз во всех пороках, которые самое богатство делают пороком.

Христос родился на Земле, чтобы открыть людям, что они не могут жить одним только хлебом, питающим тело, и что для них существует еще в ином мире другое богатство, кроме богатств, которыми они владеют на Земле.

Чтобы лучше убедить в этой истине человечество, Христос родился в бедности. Он проповедовал господство духа над телом и доказал это собственным примером; Он посвятил людей в великую тайну жертвы.

Он сказал богатым: «Царство небесное не для вас, пока вы будете небо считать землею».

Вот Его слова к бедным: «Царство небесное будет вашим, если вы, бедные телом, будете также нищи духом».

Это значило сказать, что богатство сердца есть истинное богатство, как истинное просвещение, и что все остальное – неведение и бедность.

Но слово Богочеловека не было понято людьми; и вот уже восемнадцать веков прошло с тех пор, как принесена в жертву плоть, а люди не перестают требовать от матери того, чего она не в силах им дать.

Правда, новейшие народы выше своей цивилизации, которой они во многих отношениях справедливо гордятся, поставили двойное светило: знание и религию, чтобы осветить и морализовать свои промышленные, материальные стремления.

Но в государствах наиболее просвещенных и богатых промышленность так машинальна, религия до того материальна, что везде вещественное занимает место духовного, выгоды заступают место совести, Плутус (бог богатства) – место Христа...

Вот почему нравственная бедность рождает бедность материальную, дочь делается матерью.

Не думайте, что это различие есть лишь произведение философской, чисто христианской доктрины; оно принадлежит также и доктрине социальной и правительственной политики.

Писатели говорят: «Что должно делать, чтобы победить бедность?» «Просвещение одно спасет от бедности, – говорят они. – Просветите низшие классы общества. Ни одна летучая мышь не выдержит силы света» (Miser., VI, 76).

Или: «Так как вы желаете быть экономными, сократите количество палачей; жалованьем 80 палачей вы заплатите 600 учителям. Итак, просветите головы, и не будете иметь надобности отсекать их». (Claude Gueux).

Правительства думали, что, так как источником большей части преступлений были материальная бедность и умственное невежество, легче всего высушить этот источник можно, помогая бедным и просвещая их ум.

И, действительно, везде правительства принялись открывать богадельни для бедных и школы для детей простого народа.

В этом отношении французское правительство превзошло все другие правительства; и здесь, как и во многом другом, оно стало во главе всех других.

Уж я не говорю о нынешнем правительстве, благодаря которому у нас процветают *общества взаимного вспомоществования, вспомогательные кассы, сиротские приюты, старческие приюты и т. п.*

Я говорю о прежних правительствах, которые наперерыв, каждое по мере сил своих, с таким жаром стремились к изгнанию из Франции невежества и бедности.

Я говорю об Июльском правительстве, которое одно сделало больше всех вместе для этого благородного дела, особенно для этой прекрасной исправительной реформы, так превосходно тогда обработанной, так печально кончившей свое существование; впрочем, должно надеяться, что она восстанет из своей могилы, где она лежит во сне, но не мертвая, а как куколка в коконе, настанет час ее нового рождения...

Каким же образом при бесчисленном множестве приютов, открытых в Париже для всех несчастных, приютов, убежищ и вспомогательных обществ, о которых я упомянул выше, каким образом в царствование Людовика-Филиппа Виктор Гюго мог бросить свою Фантину в омут, «за неимением», как он осмелился сказать, «благотворительного приюта», как справедливо замечает Леон Готье, в журнале *le Monde*?

И как по поводу помещения двух бедных детей, поднятых на улице, в отделение Бастилии, он мог написать следующие строки: «это значит сберегать невинных, отвергнутых обществом. Это помогало уменьшать недостатки общества. Это была *берлога, открытая для всякого, для кого были заперты все двери*»?

Закрыты все двери! Должно было сказать: *открыты*, часто весьма широко открыты. Это единственный «недостаток» общества, который должно стараться уменьшить. Ибо общество, далекое от того, чтобы «отвергать невинных», напротив, помогает им без расчета – щедро, с такой охотой, что оно часто переходит в слабость материнской нежности.

Не служит ли тому доказательством ежегодно увеличивающаяся сумма расходов на воспитание *подкидышей и детей, рожденных в воспитательных домах*?

Вот какова справедливость упрека обществу за его равнодушие к положению *несчастных*[*].

Впрочем, и то правда, что, как во Франции, так и в других государствах, бедность и преступления растут в той же пропорции, как и средства, употребляемые на искоренение или уменьшение их.

Это потому, что правительства в этом деле приняли действие за причину.

Это потому, что скорее должно считать бедность дочерью преступления, чем преступление – чадом бедности.

Это потому, что материальная бедность есть лишь результат бедности моральной.

Под именем моральной бедности я разумею отсутствие или потерю добродетелей и хороших качеств сердца, которые составляют силу и жизнь отдельных лиц и целых народов.

Здесь я должен упомянуть о потере христианских добродетелей; ибо, по моему мнению, эти добродетели составляют единственный якорь спасения, единственно надежный, чтобы спасти корабль общественный, равно как и лодку отдельного лица, от крушений вблизи или вдали от гавани.

Но в наше время христианство, и римский католицизм в особенности, переживает эпоху такого брожения идей, слов и действий, что его настоящее положение может лишь к моральной бедности духа и материальной тела прибавить двойную бедность, откуда произойдет «общественная чахотка», убивающая нас; потому что «от медленного истощения умирают так же хорошо, как и от внезапного поражения громом».

Перевороту счастья и власти, составляющему общественное и частное бедствие, всегда предшествует брожение идей и нравов.

Расстройству телесному всегда предшествует расстройство духа.

Оргия чувств, в сущности, есть не что иное, как оргия мыслей.

Действию всегда предшествует мысль об этом действии, и намерение только потому делает действие преступным, что оно ему предшествует и управляет им.

Я сказал в другом месте: преступление не создает преступника, а только обнаруживает его, и бедность не создает несчастных, а лишь обнаруживает их.

---

[*] В *Монитере* 14 сент. 1862 г. помещен отчет, из которого видно, что ежегодно воспитывается 26000 *оставленных* детей; что каждое дитя ежегодно стоит 1400 фр., и что в настоящее время таких детей до 148000.

Когда бедный ворует, то причина этого не в бедности, а в испорченности его.

«Бедность не порок» – пословица, которая тогда только перестает было справедливой, когда бедность есть последствие порока.

Тогда бедность, дочь порока, делается его матерью в свою очередь; тогда все, что от нее происходит, от нее, зараженной в своем источнике, бывает испорчено, заражено, порочно.

Но все-таки не бедность рождает пороки, а, напротив, порок бесчестит бедность; благодаря ему бедность рождает детей, подобных отцу, порочных.

Пусть Мальтус попробует противопоставить свою *теорию нравственности* этому взаимному рождению порока бедностью и бедности пороком, этому чудовищному, кровосмесительному союзу дочери с отцом, братьев с сестрами!

Какой Эдип найдет и откроет нам отгадку общественных вопросов, которые в настоящее время предлагает нам сфинкс новейшей цивилизации, под страхом смерти, со дна золотых грязей *Нового Вавилона*, так энергично описанных Евгением Пельстаном?

«Грозные, суровые вопросы, которые занимают в настоящее время все умы, которые тянут нас за полы нашего платья, которые когда-то так загромоздят нам дорогу, что мы должны теперь смотреть им прямо в лицо и узнать, чего они требуют от нас».

Автор *«Несчастных»* спросил только, чего требуют от нас эти вопросы, и оставил нам задачу без решения.

Но здесь не место говорить об этих важных вопросах.

Я хотел только при случае слегка затронуть их относительно того, что относится собственно к миру мошенников, о котором мы теперь намерены поговорить подробнее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ЧТО ТАКОЕ МИР МОШЕННИКОВ?

Что такое *омут*, осадок Парижа? Это вывеска совести Парижа. Здесь нет ничего скрытного, все здесь ставится на очную ставку. В этом месте есть мрак, но нет тайны. Всякая вещь является в истинной своей форме, или, по крайней мере, в определенной. Эта куча дряни имеет за себя то, что она не лжет. Здесь убежище наивности. Вся грязь цивилизации поглощается этой ямой истины. Она поглощается, но не скры-

вается, а выказывается. Там нет ложной наружности; там невозможна штукатурка или маска; сволочь сбрасывает свое покрывало. Там безусловная нагота; там нет ни мечты, ни призраков; там одно донышко бутылки свидетельствует о пьянстве; одна ручка от корзинки для хлеба - о хозяйстве. Там полное равенство, полное братство»... (IX, 231).

Рядом с этим материальным омутом открывается другой - омут духа, омут новой цивилизации, так ярко изображенный автором *«Несчастных»*.

«Всякое человеческое общество, - говорит он, - имеет в своей среде так называемую третью, низшую категорию людей».

«Общественная почва вся покрыта подкопами для добра или для зла, которые всегда существуют друг возле друга. Есть подкопы верхние и нижние, которые иногда обрушиваются под тяжестью цивилизации и которые наше равнодушие и наша беспечность часто топчут ногами, не замечая их».

Есть мины религиозные, политические, философские, экономические, революционные. В подземелье существуют всякого рода утопии. Общество едва догадывается о существовании этих подкопов, которые оставляют ему поверхность, получая взамен ее внутренность.

«Чем более углубляются, тем таинственнее работы. До известной степени, насколько может распознать общественный философ, работа хороша; далее же того она сомнительна и запутана; еще далее - страшна».

«Ниже, в самом низу, без всякой связи с верхними этажами, существует последний подкоп - i n f e r i. Это яма мрака, страшное место».

«Общественный Уголино живет в этой пучине. Это великий вертеп зла».

«Эта пещера ниже всех, и есть враг всех. Это отвращение абсолютное».

«Эта пещера не знает философов; ее меч никогда не чинит перьев. Ее чернота не имеет никакого отношения к черноте чернил. Никогда пальцы мрака, которые корчатся под этим удушающим потолком, не перелистывали книги и не касались ни одного журнала».

«Эта пещера имеет целью ломку всего, всего, включая туда и верхние подкопы, которыми она гнушается; она не только подкапывает общественный порядок, но и философию, и науку, и право, и мысль человеческую, и цивилизацию, и революцию, и прогресс. Она есть мрак и

представляет собой хаос. Поддерживающие ее своды суть произведение невежества».

«Ее имена - воровство, проституция, разбой, убийство».

«Ласенер - произведение этой пещеры».

Таким образом выражается и заключает автор *«Несчастных»* (IX, 55-64).

Здесь следует заметить, что это заключение в весьма ясном противоречии с предшествующими рассуждениями; ибо, если справедливо, что Ласенер вышел из этой пещеры, а это совершенно справедливо, то нельзя сказать, что «пещера эта поддерживается сводами невежества, что в ней нет философов, что ее меч никогда не чинил перьев и что ее чернота не имеет ничего общего с привлекательной чернотой чернил».

Это противоречит другому положению, высказанному автором *«Несчастных»*: «Уничтожьте пещеру - невежество, и вы уничтожите ее жителя крота - преступление».

Другое заблуждение Виктора Гюго состоит в том, что он не допускает «ничего общего между этим последним разрядом людей, между i n f e r i и другими высшими этажами».

Это очень сходно с тем, как Гранье в своей *«Истории знатных»*, говорит, что нищие, развратные, воры исходят прямо и исключительно из рабочих классов, происшедших от рабов, эмансипированных под влиянием христианства.

Тот класс людей, который у Виктора Гюго назван le troisieme dessous, и о котором говорит Гранье, есть не что иное, как то, что мы называем *Миром мошенников*, о котором мы намерены здесь говорить.

Мир мошенников состоит из всякого рода дурных людей, которые свергли с себя иго закона честных людей, и которые, не будучи в состоянии найти удовлетворение своим страстям при условии честной жизни, принуждены искать в преступлении то, что преступление *только* и может им доставить.

Неужели набор этих людей совершается только в рабочих, бедных и невежественных классах? Увы! Он находит также, и даже преимущественно, рекрутов и в блестящем, богатом и образованном классе людей.

Таким образом, *Мир мошенников* представляет собой нечто вроде *подземного мира*, ненормального, сбившегося с законного пути, состоящего из осадков мира нормального, стоящего выше его и льющего в него все свои нечистоты.

Итак, это подземелье есть приют всего безнравственного, вытекающего из разных классов общества, из разных общественных групп: великих и малых, богатых и бедных, ученых и невежественных, городских и деревенских, трудящихся руками и работающих мыслью, просачивающейся сюда из верхнего, лучшего мира.

Весьма замечательно то, что это смешение совершается без превращений, что здесь все соединяется, но не смешивается, не сливается.

В самом деле - все пороки сохраняют здесь свою природу, печать своего происхождения, сохраняют ранг, который они занимали в том мире, из которого вышли, и занимают его в том мире, в который пришли. В одном мире они были представлены своими единичными силами; в другом они приобретают могущество коллективной силы. Вот единственное различие, которое происходит в их пользу при перемене места.

Итак, люди большого света и малого, люди полусвета, люди мира торгового и промышленного, равно как литературного и всех других делений новейшего общества, сделавшись подземными людьми, сохраняют свою природную или приобретенную индивидуальность, которая различала их в той сфере, из которой они пришли.

Таким образом, в мире мошенников соединяются, но не сливаются, и вступают в братские отношения, сохраняя, впрочем, свое превосходство друг над другом, человек свободного поведения, легкого нрава и развратник низшего класса, знатный плут и мелкий воришка, умный мошенник и вор-невежда.

Впрочем, мир мошенников есть огромная ассоциация многих классов преступников, имеющих свою аристократию, свою иерархию, свои права, свои степени знатности, свой пролетариат и живущих под властью одного общего закона.

Этот закон есть необходимость соединения, чтобы жить на счет общего врага.

Общий враг есть всякий, владеющий *честно* какой-либо собственностью.

Они с чрезвычайной точностью исполняют клятвы, данные друг другу.

Все они братья по Вельзевулу.

Это общество имеет некоторое сходство с обществом *Каморры* в Неаполе или *Нищенства* в древней Франции, от которых, кажется, оно заимствовало язык, нравы, своего рода мнимые добродетели, подвиги[*].

Общество мошенников еще и теперь во Франции составляет род братства, компании, семейного союза, семьи осужденных, члены которого соединены неразрывными узами взаимной ответственности за преступления.

Есть много степеней в этом обществе воров и убийц.

---

[*] См. в конце книги заметку о *Неаполитанской Каморре* и другую - о *Древних Нищих*.

Чтобы назвать эти степени свойственными им именами, для этого должно употребить здесь особенный язык, получивший в острожной лингвистике название (argot) *воровского языка.*

На первом месте стоят surineurs и escarpes - два вида *убийц*, с подвигами которых я познакомлю читателей в другой части этого сочинения.

Потом следуют grinches - *воры*, с их бесчисленными подразделениями, с хитростями которых я также познакомлю вас впоследствии. Об этих людях Виктор Гюго говорит, что «золото и серебро имеют для них особенный запах, по которому они узнают о существовании в карманах кошельков и часов, и что они, со свойственным пауку чутьем узнают о приближении [illegible] иностранца».

Эти [illegible] шенников соединяются вместе под общим [illegible] pegre и pegriots.

Ари[illegible] убийц и воров носит название haute [illegible] арии - basse-pegre или pegriots.

[illegible] исходит от латинского слова pigritia [illegible] слова, выражающего собою понятие [illegible], преступлений и пороков.

[illegible] пищу этого мира, все что можно украсть, а всякий, кого можно обокрасть, весь остальной мир [illegible]

Haute-pegre имеет своих великих людей, своих героев.

Ласенер - в нравственном отношении, *** - в политическом, *Верже* - в религиозном, суть полубоги. *Дюмольяр* - не более, как низкий *пегриот.*

Некоторые славные имена, встречающиеся в истории или на театре, представляют собой краткие биографии личностей, носивших эти имена; равно как и разные имена, встречающиеся в колодничьей росписи.

Claude Gueux! Это имя, которое многие считают вымышленным, есть подлинное имя одного колодника, который, назло Виктору Гюго, украсившему его, так же поэтично, как и ложно, разными добродетелями, в действительности есть не более как мошенник, что и выражается его прозванием.

Бигренайль, Дюмольяр, Булатрюэль, Депеш, Лавев, Мардисоар, Карманьолет, Пуссагрив, Манжедантель, Финистер, Pied-en-l'air, и пр., и пр., которых В. Гюго заставляет проходить перед нашими глазами длинным ря-

дом, равным образом суть истинные имена, или, по крайней мере, ругательные прозвища, данные им в тюрьмах.

И эти имена, как он хорошо выразился, суть видовые, символические. Они выражают не только понятия об отдельных личностях, но о целых родах подобных людей. «Каждое из этих имен означает один из разнообразных видов подземного мира» (VII, 73).

Я знаю эти личности и эти виды, как все знают *Тартюфа, Гарпагона, Тюркорета, Меркадета, Роберта-Макара, Бертрана, Фигаро, Жибойе,* маркиза *Кирабаса* или маркизу *Претентайль.*

Я знаю также четырех бандитов: *Гейлеме, Бабе, Клакезу, Монпарнаса,* верные портреты которых представил нам автор *«Несчастных».*

Эти четыре бандита получили в Париже на подземном языке имя P a t r o n - M i n e t t e .

На древнем народном языке, который все более и более исчезает, P a t r o n - M i n e t t e означает утро, подобно тому, как между собакою и волком (e n t r e c h i e n e t l o u p) означает вечер. Вероятно, это название, P a t r o n - M i n e t t e , происходит от времени, в которое кончаются их работы; так как с рассветом бандиты прячутся.

Когда президент ассизов посетил *Ласенера* в его тюрьме, то он спросил его о злодеянии, которое Ласенер не признавал своим. «Кто это сделал?» - спросил президент. Ласенер на этот вопрос дал следующий, загадочный для президента, но ясный для полиции ответ: «Это может быть P a t r o n - M i n e t t e » .

Парижское общество мошенников имеет свои отделения в самых отдаленных провинциях и в самых дальних иностранных землях.

Быть может, не забыли вы еще, как 15 лет тому назад правительство сочло нужным предупредить публику, что образовалось общество мошенников между Лондоном и Парижем, чтобы пользоваться даром предметами торговли обоих государств.

Общество имело своим начальником Мейера, который учредил особенных преданных и верных агентов, которые должны были указывать жертвы, и других, обязанных нападать.

После удачного дела агенты везли добытые предметы на сто лье от места преступления, передавали вещи членам-корреспондентам, которые развозили товары во все концы Европы и даже в Америку. Я знал два отделения дома Мейера и компании.

Что стало со всеми этими людьми? Они существуют всегда; они всегда существовали. Гораций о них говорит:

Ambubajarum collegia, pharmacopoloe, mendici, mimoe... Пока мы будем тем, что мы есть, они будут тем, что они есть теперь.

Под мрачными сводами их пещеры они вечно возрождаются из «стоков общества».

«Они постоянно появляются в одинаковом виде - только под разными именами и меняя свою кожу» (VI, 76).

Отдельные личности исчезают, но поколение существует.

Некогда мошенники столицы собирались на совещания и для посвящения в свои тайны других, новых членов, в Cour des Miracles, или в *Бургетском* лесу.

Недавно они собирались по преимуществу для отдачи отчетов о суточных приходах и для получения инструкций на следующий день в загородных харчевнях, в некоторых домах Галльского квартала, в разных меблированных комнатах, главным образом в разных мрачных конурах на Каландрской улице и пр. «Утомленные ночными похождениями, они отправляются на ночлег в оставленные каменоломни Монмартра или Монружа, иногда же в свои собственные притоны, в клоаки. Эти существа, скупые на показывание своих физиономий, прячутся».

В настоящее время, когда система стратегических путей, испробованная в Вандейском лесу, - пристанище шуанов, проложена и к Парижу - притону воров, и когда мрак везде уступает место свету, парижским мошенникам приходится бросить свои прежние притоны.

Но при существовании нескольких просек в этом лесу, они найдут себе еще много места.

Они сделают, как стаи птиц, которые, рассеявшись после ружейного выстрела, снова найдут друг друга и соединятся в другом месте снова.

Грязные улицы: Trousse-Vache, Tire-Boudin, Trou-Punais, Merderais и др., служившие притонами для мошенников, не существуют или, по крайней мере, не будут более существовать.

Эти улицы будут заменены, а отчасти и теперь уже заменены другими, более прямыми, более широкими и с лучшими названиями.

Но все-таки эти ужасные улицы будут существовать; ибо, переменив свой безобразный вид на лучший, они все-таки останутся приютами порока.

Жилище порока из грязного и кривого сделается чистым и прямым - вот и все. Помещение его будет стоить дороже, но ведь надбавка будет заплачена из наших же кошельков. Вор, вынужденный работать при полном свете, приищет средства быть в безопасности. Чтобы действовать лучше и вернее, он только чаще будет обращаться к *меняле* и его гардеробу.

Кто такой *меняла*?

Вот каким я его видел, посетив его лавку, и каким изобразил его Виктор Гюго с такой верностью кисти, какая свойственна Бальзаку.

В то время, когда я осматривал парижские тюрьмы, в одном старом, грязном доме, близ арсенала жил хитрый еврей, занятие которого состояло в переодевании мерзавца честным человеком в короткое время.

Переодевание делалось на день или два с платой 30 су в день. Костюмы у еврея были весьма разнообразны.

Этот хозяин костюмов назывался *менялой*. Это имя дали ему парижские мошенники, иначе не звали его.

Меняла имел довольно полный гардероб. У него было платье чиновника, судьи, банкира, офицера, писателя и пр.

Этот еврей был поставщиком костюмов для огромной драмы, которую играли мошенники в Париже. Его лачужка была кулисами, из-за которых вор выходил и куда он опять прятался.

Его костюмы были не совсем удобны, потому что не приходились каждому впору: одному платье было широко, другому узко. Они были сшиты по мерке на среднего человека. Но это мошенники умели кое-как улаживать.

Один оборванный мошенник пришел к еврею, отдал ему 30 су, выбрал костюм приличный для той роли, которую он взял на себя на тот день. Сходя с лестницы, мошенник был уже тем, кем он хотел казаться. На другой день костюм был принесен обратно. Меняла никогда не был обкрадываем за свое доверие к ворам (X, 250).

Сколько раз Видок прибегал к *меняле* для своих переодеваний!

Что нужды, что менялы нет больше на улице Beautreillis? Из досок его разрушенного жилища выстроили новый магазин с необходимыми для воров костюмами; мошенники знают, где найти для себя платье.

Где бы ни было местопребывание мошенников, где бы ни переодевались члены этого общества - в грязных ли и темных улицах и лачугах или в красивых улицах и роскошных помещениях, там всегда будет царство порока, всегда там будут существовать всевозможные формы порока.

Там всегда занятием будут воровство, мошенничество, плутовство, убийство...

Мастерской там всегда будет харчевня или питейный дом, которые будут только несколько чище прежнего.

Там всегда в почете цинизм, совесть будет *нема*, религией будет *атеизм*, долгом - *презрение всякого долга*, знанием - *познание зла*.

Никогда не выведутся там бродяжничество, разврат, ужасное, неслыханное бесстыдство.

Однако там существуют некоторые законы, которые, хотя и неписанные, исполняются иногда строже, чем писаные законы исполняются честными людьми.

Первый из этих законов запрещает измену членам общества. В этом мире умеют хранить тайну, которая там служит основанием единства. «Нарушить чью-нибудь тайну - все равно, что оторвать частицу самого члена общества. На воровском языке это выражается так: *съесть кусок*, то есть будто бы доносчик захватывает себе частицу из общего достояния и съедает частицу тела каждого члена».

Члены этого общества на всех допросах хранят тайну, которую у них хотят выведать, в час опасности, когда кто из них бывает схвачен.

В тюрьмах, на галерах, на эшафоте, мошенник крепко хранит свои тайны; ибо они должны служить примером робким, и приобретают себе многих подражателей, на будущее время.

В обществе честных людей пример менее заразителен.

Сколько, в наше время, есть в этом муравейнике мошенников, которые готовы подкараулить и обокрасть нас, при всяком удобном случае?

Это мы постараемся показать читателям в следующей главе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЮДЖЕТ МОШЕННИКОВ ОСНОВАНИЯ СЧЕТА

Как всякое устроенное общество, мир мошенников имеет свой *приход* и *расход*, свой *актив* и *пассив*, одним словом, свой бюджет.

Никто еще, насколько мне известно, не останавливался на этом вопросе. Я первый намерен совершить этот труд, весьма любопытный и имеющий весьма важное значение.

Бюджет мошенников основывается на выгодах, которые находит или думает найти извращенный эгоизм в злых деяниях.

Человек, в котором порочный эгоизм убил нравственное чувство и сознание своего долга, почитает только самого себя и, забывая Бога, делает себя своим идолом.

Делая себя центром всего и любя себя, как свою собственную цель, он любит себя без меры – мысленно и чувственно.

А так как его мысль есть только гордость, начало всех грехов, *initium omnis peccati superbia*.

Так как его чувства управляются только желанием удовлетворить свои собственные страсти, побуждающие к обогащению, то отсюда следует, что он считает свой собственный интерес превыше всего.

Интерес! Вот единственное основание нравственных обязанностей, которыми держится эгоизм мошенника, по его мнению.

Выгода! Но это значит дурно понимать выгоду, если считать ее злом.

С вашей точки зрения, конечно, но с точки зрения мошенника? Вы боитесь бесчестья, он его презирает. Вы указываете ему тюрьму, но разве все воры в оковах?..

Вероятность безнаказанно воровать есть одно из оснований его расчета. Может быть, вы скажете, что его расчет не оправдывается ни одним примером?..

Во всяком случае, когда он ошибется, это будет для него несчастьем, но не преступлением.

Но, может быть вы, скажете еще, представляя в пример воровство чужой вещи, что мошенник в свою очередь рискует...

Пусть так! Это риск с его стороны. Но почему он должен предпочесть вероятность не быть пойманным на воровстве, не владея никаким имуществом, гадательной опасности потерять частицу украденного? Для него будет невыносимо возвратиться в то состояние, в котором заставляет его находиться честность. Иногда он будет пробовать нападать на общего врага и иной раз будет иметь больший успех.

Итак, главный интерес мошенника, думающего только о радостях земной жизни и неверующего в будущее блаженство, может состоять в воровстве, в убийстве. И он ворует, он убивает, отваживается на всякое преступле-

3 Зак. 37313

ние, не думая ни о какой нравственной обязанности, стараясь только о том, чтобы его не схватили.

Ласенер говорил: «Когда я встречаю преграду на моей дороге, я ломаю ее и прохожу далее. Когда встречаю дерево, ломаю его и иду далее. Если встречаю человека, то убиваю его и иду далее».

Ласенер был последовательный материалист, страшный логик. Преграда, дерево, человек – не все ли равно для того, кто имеет в виду только выгоду.

В мошенническом мире мораль состоит единственно в искусстве вознаграждать потери прибылью и согласовывать риск с величиной добычи.

Основываясь на этой морали, отец-преступление приступает к своим операциям: воровству и убийству, делая своими жертвами честных людей.

Отец-преступление в своих поступках не имеет ничего нескладного, несвязного, неопытного.

Оно никогда не действует безрассудно и грубо, но всегда обдуманно, чинно, степенно.

Все его шаги взвешены, измерены, обдуманы заранее. Каждый год оно производит правильные нападения на нашу жизнь и наше имущество.

Оно знает, в каких пределах может искать свою добычу, не подвергаясь большой опасности.

Оно знает, до какой суммы должна простираться его добыча.

Не читало ли оно своего кодекса? И не для него ли правительство ежегодно публикует с 1825 года отчеты о его действиях?

Вот бюджет мира мошенников, разделенный на три главы – *актив, пассив* и *баланс*, как и всякий хороший коммерческий бюджет.

Актив

В этой главе мы представим перечень преступлений и проступков, служащих *средствами* и *способами* для ежегодных доходов мошенников.

Я представлю здесь в округленных числах сведения, почерпнутые из официальных статистических отчетов во Франции.

ЧИСЛО ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОСТУПКОВ

против собственности

Воровство простое	26760
Воровство со взломом	2500
Воровство домашнее	1200
Воровство на общественных дорогах	160
Разные обманы	650
Мошенничество	1930
Злоупотребление доверием	1530
Несчастное банкротство	460
Злостное банкротство	180
Подделка денег	140
Поджог	1200
Нищенство	3670
Бродяжничество	4610
Разные преступления против собственности	3070
Разные проступки	13500
Проступки охотников	15040
Проступки лесоистребления и др.	99000
Всего	175600

против личности

Убийство	420
Отцеубийство	20
Отравление	40
Детоубийство	160
Побои и раны	16060
«лишившиеся возможности работать	250
«сопровождаемые смертью без желания преступника	120
«нанесенные своим старшим	90
Насилие над общественной властью	8420
Подкуп и ложное свидетельство	140
Клевета и обида	3850
Разные проступки против нравов	1500
Изнасилование и прелюбодеяние	170
Изнасилование детей	400
Разные преступления против личности	260
Итого	31900
Всех преступлений и проступков против собственности и против личности ежегодно	207500

Прежде всего должно заметить, что итог всех преступлений и проступков, равняющийся 207500, изменяется из года в год едва заметно; изменяется он или в средних числах, или в свойстве действий, или по побуждающим к действию причинам, или, наконец, в количестве доходов, получаемых мошенниками.

Для многих читателей, не знакомых с наукой уголовного права, исследования о колебании чисел, выражающих количество ежегодных преступлений, будут весьма интересны и любопытны.

1) НЕИЗМЕНЯЕМОСТЬ КОЛИЧЕСТВА И ПРИРОДЫ ДЕЙСТВИЙ

Количество ежегодных преступлений во Франции почти всегда равняется 207500 или близко подходит к этому числу.

Число это почти неизменно или подвергается едва чувствительным колебаниям в известные периоды времени.

Однако ежегодные статистики представляют значительные уменьшения или увеличения в числе преступлений и проступков против личности или против собственности.

Но это колебание вовсе не имеет того значения, какое дают ему статистики.

Преступление против жизни или против имущества нашего всегда будет преступлением; тяжесть его всегда относительна – смотря по убыткам того лица, против которого оно совершается, или по тому ущербу, который оно наносит общественному интересу.

Общественный интерес иногда менее может страдать от убийцы, чем от мошенника, например, от поддельывателя денег.

Равным образом, иногда для мошенника менее выгодно убийство, чем воровство.

В том и другом случае предмет преступления определяет его совершение более, чем природа преступления.

Итак, поле действия преступлений почти всегда одно и то же, и жатва их почти всегда равняется ежегодным их расходам.

Когда одно поле дает менее жатвы, тогда другое дает ее более, таким образом, ежегодный урожай не изменяется.

Кроме того, увеличение числа преступлений и проступков есть только кажущееся, потому что, определяя это увеличение, сравнивают *только число* преступлений настоящего года с числом их в прошедшем году, не принимая во внимание прогрессивного увеличения народонаселения, которое могло произойти в известный период времени.

Сравните прибавившееся число преступлений в известный период времени с числом прибавившегося населения в то же время – умножение преступлений исчезнет.

Каков бы ни был ежегодный итог преступлений и проступков, отношение между числом преступников и всем населением почти всегда одно и то же.

Отношение обвиняемых в *преступлениях* ко всему населению будет 1 : 4000 – на 5000 человек.

Число обвиняемых в *проступках* ко всему числу жителей относится как 1 : 170 – на 180 душ.

> Никогда менее, никогда более!
> «Преступление ненасытно, как минотавр;
> Оно ежегодно поглощает свою *десятину*.
> Меч пьет известное количество крови;
> И неумолимая смерть получает дань свою».
>
> *Бартелеми.*

Это постоянство в числе преступлений есть одно из явлений самых замечательных в уголовной статистике.

Я попробовал бы объяснить это явление, но это повело бы меня слишком далеко...

2) НЕИЗМЕНЯЕМОСТЬ В СПОСОБЕ ДЕЙСТВИЯ

Не менее достойно замечания то постоянство, с которым преступление действует на своем ограниченном поле. Действия его столь постоянны, что мы наперед можем вычислить, сколько лиц будет обвинено в пролитии крови своих братьев, сколько – в отравлении, сколько – в мошенничестве и пр., подобно тому, как заранее можем определить количество рождений и смертности в данное время.

Это постоянство до того твердо, что оно даже существует в таких преступлениях, которые по их природе, казалось бы, не могут быть предугаданы, – в убийстве например, которое совершается более всего случайно.

Статистика не только подтверждает, что число убийств бывает ежегодно одинаково; но даже доказыва-

ет, что *орудия*, служащие для совершения преступлений, ежегодно употребляются в одной и той же пропорции.

Статистика подтверждает также, что ежегодно преступления совершаются не только в определенном *числе, порядке, месте*, но что еще каждый класс преступлений имеет неизменяемое распределение по *полам, возрастам* преступников и по *временам года*, и что все они сопровождаются всегда в одинаковой пропорции *действиями, сопровождающими преступления*, чего до сих пор мы не можем объяснить.

Ежегодные государственные доходы и налоги с разных частей государства не могут быть вперед исчислены с такой точностью, как число, свойства и способы совершения воровства, убийства, отравления.

Еще замечательнее тот факт, что итог ежегодно совершаемых преступлений нисколько не увеличивается от *вторичных преступлений;* то есть, что число *первичных* преступлений всегда остается постоянным, каково бы ни было число *вторичных* преступлений, иначе называемых *рецидивами*.

Так что если бы в каком-либо году было на 18000 рецидивистов более, чем в 1848 г. и на 1200 менее, чем в 1828, то общее число преступлений все-таки будет одно и то же.

Сама природа выкопала дно для этого моря... и запретила разливаться волнам его...

3) НЕИЗМЕНЯЕМОСТЬ ПОВОДОВ К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Что касается поводов, которые побуждают мошенников к преступлениям, то здесь должно отличать преступления и проступки *против личности* от преступлений и проступков *против собственности*.

Что касается первых, то, так как они почти всегда имеют своим источником ненависть, месть, злобу, домашние ссоры, случайные поводы, соседские споры, споры во время игры и пьянства, прелюбодеяние, обольщение, наложничество, испорченность нравов, можно утверждать, что совершение их не имеет в виду никакой материальной выгоды.

Однако официальная статистика показывает, что, кроме преступлений, совершаемых из-за выгоды, во время игры и пьянства, целая пятая доля отравлений и убийств имеет своим источником алчность.

Клевета и личные обиды также могут быть и часто бывают предметом для выгодной спекуляции.

Проступки против общественной нравственности также часто бывают предметом таких же спекуляций. Только здесь обиженный ловит в сети обидчика, между тем как в личных обидах обыкновенно выигрывает зачинщик, вызвавший другого нанести ему оскорбление.

Относительно преступлений *против собственности* можно сказать, что почти все они имеют своим исключительным источником желание обогатиться, за исключением, впрочем, поджогов, которых только четвертая доля совершается с целью воспользоваться выгодной страховой премией.

Собственно *воровство, банкротство, злоупотребление* доверием главной целью имеют деньги.

То же можно сказать о *нищенстве, бродяжничестве* и других проступках.

Особенно же *мошенничество и подделка денег* совершаются с целью получить большую выгоду.

Почти ту же цель имеют *истребление лесов и казнокрадство*; а таких преступлений ежегодно совершается до 100000. Пользоваться лесом, плодами, хлебом, принадлежащими частным лицам или государству, значит *воровать*, то есть присваивать себе чужие вещи, все равно, будут ли эти вещи принадлежать казне или частным лицам.

Должно также сказать о *проступках охотников*, особенно *браконьеров*, которые суть настоящие воры. Среднее число дозволений на охоту ежегодно равняется 155000, что доставляет государству дохода около 2325000 франков и 1550000 франков обществам. Однако насчитывают до 450000 браконьеров, что составляет тройное число охотников, имеющих дозволение охотиться. Из этого видно, что большее число охотников ускользает от налогов, иначе сказать отнимает у общества и государства то, что им принадлежит по закону. И это воровство приносит большой доход[*].

Что касается *воровства* в собственном смысле этого слова, то только третья часть преступлений этого рода имеет целью кражу денег (монет или билетов), облигаций и других денежных знаков.

Наибольшая часть воровства падает на серебро, товары, белье, платье, съестные припасы, хлеб, муку, домашних животных и на все другие вещи, которые воры легко могут унести или увезти.

Все эти преступления ежегодно совершаются в одном и том же числе.

---

[*] По сделанному вычислению, minimum дохода каждого охотника составляет 50 фр., умножая это число на 600000, получим 30000000 фр. дохода на всех охотников. Некоторые статистики насчитывают его до 40000000.

4) НЕИЗМЕНЯЕМОСТЬ ОБЩЕЙ СУММЫ

Мы знаем наверное, что мошенники стоят нам ежегодно:

12000000 франков (по крайней мере!) на содержание их в тюрьмах и на галерах.

Не менее 4000000 фр., истраченных при производстве суда над ними, прежде чем они взяты в тюрьму.

Не менее 4000000 на содержание полиции, имевшей над ними надзор.

Итого ежегодно 12000000 франков!

Мы не считали еще 6000000 франков, потребных на содержание удивительной парижской муниципальной стражи.

Сюда не вошли еще в счет ежегодные расходы на колонизацию преступников за пределами Франции; других результатов этой колонизации, кроме громадных расходов, мы еще не знаем.

Мы знаем или можем определить ежегодный насильственный налог в пользу нищих и бродяг.

Здесь необходимо сделать оговорку. Выше, при исчислении преступлений и проступков, я сказал, что преступлений нищенства и бродяжничества бывает ежегодно 8280. Но сюда вошли в счет только случаи, бывшие на разбирательстве перед исправительным судом. Настоящее же число нищих и бродяг, которые занимаются только опоражниванием наших кошельков, не попадая никогда в руки правосудия, гораздо значительнее. Вилльнев-Баржемон насчитывает их никак не менее 200000!

Полагая, что на каждого нищего и бродягу мы тратим ежедневно два франка, вычислим, что содержание их нам обходится ежедневно в 400000 фр., что составит в год 146000000 франков. Как видно, сумма совершенно достаточная для совершенного уничтожения нищенства и бродяжничества, если бы только деньги эти были употреблены иначе.

С другой стороны, мы можем еще вычислить, чего ежегодно стоит обществу нечестная торговля, которая, пользуясь общественным доверием, дает своему плутовству наружный вид честности, уклоняясь таким образом от судебного преследования.

Видок часто говорил мне, что, основываясь на верных сведениях, можно предположить, что число подобного рода промышленников во всей Франции простирается до 20000.

Полагая, что каждый из них берет в день 10 франков лишних сверх обыкновенного барыша честной торговли, мы

увидим, что общество тратит ежедневно 200000 франков лишних, что составит ежегодно 70200000 франков.

Мы еще не говорили о ворах, в собственном смысле ворах, которые попали в руки правосудия, и о цене предметов, украденных ими в течение года.

Мы не знаем вполне верно цены вещей, которые ежегодно крадут у нас воры.

В самом деле, эта цена не определена в отчетах уголовной юстиции. Известна только цена вещей небольшой стоимости (дела о краже этих вещей подсудны ассизным судам), и то, впрочем, только некоторая часть этой цены, равняющаяся приблизительно 1200000 франков. Но известно, что эта сумма гораздо ниже цены вещей, дела о краже которых ведутся судом присяжных.

Что касается простого воровства, чаще совершаемого, подсудного исправительным судам, то цену вещей, украденных таким образом, определить, к сожалению, почти невозможно.

Но, хотя и нет официальных документов по этому предмету, можно легко вычислить ежегодную сумму пошлин, которые берут с нас 200000 преступлений и проступков известных, с присоединением к ним еще 200000 ускользающих от правосудия, которые все имеют главной причиной неимение или недостаток денег, а поводом – необходимость в них или страсть к ним, при желании добыть их не трудом или путем сбережения, а каким-нибудь легчайшим способом.

Auri sacra fames! Мы видим, что не *голод*, удовлетворяемый хлебом, является причиной преступлений, а скорее леность и жадность к деньгам.

Пассив

Если бюджет мошенников имеет свой *актив*, то должен иметь и свой *пассив*.

В этом пассиве первые места занимают поимка мошенников и *осуждение*, которому они подвергаются, будучи пойманы.

1. Преследование мошенников

Я говорил выше о ловкости, с которой мошенники ловят в свои сети честных людей.

Здесь же я намерен говорить о преследовании мошенников правительством.

Лица, обязанные преследовать мошенников, всегда имеются в числе, сообразном с числом последних.

Вот перечисление в круглых числах персонала этой полиции:

35000 общественной полевой стражи;

30000 особенных присяжных стражей;
30000 таможенной стражи;
15000 жандармов;
10000 лесной стражи;
3000 полицейских комиссаров;
3000 их помощников;
3000 дорожных чиновников и их армия дорожных сторожей;

военные посты во всех городах, где есть гарнизоны, все граждане, даже и невходящие в состав национальной гвардии, которым закон дает право схватывать преступников в случае общей молвы или когда преступление совершено у них на глазах, городские сержанты и полицейские чины в Париже*).

Но это еще не все. Во главе всей этой полиции правительство поставило разных начальников, обязанных управлять ею каждый в своем ведомстве. Вот их перечень:

2 министра: министр юстиции, обязанный следить за отправлением правосудия, и министр внутренних дел, главный начальник всей полиции; потом их секретари, канцелярии для передачи их распоряжений префектам и судьям, потом префект парижской полиции, управляющий всей французской полицией;

86 префектов в департаментах и 362 субпрефекта в округах;

38000 мэров;

3000 мировых судей;

2500 членов, 370 судов первой инстанции, президентов, вице-президентов, обыкновенных судей, следственных приставов, императорских прокуроров и их помощников;

950 членов, составляющих 28 апелляционных судов: президентов, прокуроров, адвокатов и их помощников**);

секретари и их помощники;

экзекуторы;

8500 ежегодно выбираемых по жребию присяжных судей из 1000000 граждан.

Для задержания преступников правительство учредило на всем пространстве империи:

38000 *арестантских помещений;*

3000 *депо дорожных стражей;*

3000 *помещений для жандармов,* по одному для каждой бригады;

---

*) Декрет от 27 ноября 1859 года определяет число всех полицейских чинов в Париже, за исключением числа членов *тайной полиции,* равное 4500.

**) Эти числа должны увеличиться после присоединения Савойи и Ниццы.

362 *острога* для подсудимых;

86 домов для помещения осужденных уже преступников;

25 *центральных* домов для исправляющихся преступников;

3 *галеры* для осужденных на каторжные работы, отсылаемых в Каэнну.

Вот и все, за исключением *12 парижских тюрем, богаделен, приютов и колоний для преступников-детей*, рассеянных в разных частях Франции, не считая также множества директоров, инспекторов, секретарей, надсмотрщиков, сторожей, тюремщиков и пр., обязанных смотреть за арестантами.

Какая чудовищная цифра учреждений и лиц, необходимых для ограждения общества от мошенников, которыми усеяна вся поверхность Франции!

2. Наказания преступников

Таким образом, более 200000 мошенников ежегодно запираются в тюрьмы на всем пространстве империи.

Какие же наказания налагает на них юстиция, поймав их?

Здесь мы представим читателям отчет в наказаниях, которым подвергаются ежегодно преступники и которые ежегодно повторяются почти в одинаковом количестве, как и самые преступления.

Итак, уголовные и исправительные наказания, налагаемые ежегодно судами, всегда почти представляют следующие цифры:

Наказания, налагаемые ассизными судами

Смертная казнь	50
Вечная каторжная работа	210
Каторжная работа (средн. числ. на 10 лет)	960
Тюремное заключение (средн. числ. до 6 лет)	830
Заключение в исправительные дома	2850
	4900

Наказания, налагаемые исправительными судами

Тюремное заключение 2/5 менее, чем на один месяц	52875
Штраф	123090
Арест преступников-детей	1135
	177100
	182000

К большей части перечисленных нами наказаний уголовный кодекс 1810 года прибавляет еще два добавочных наказания: *надзор полиции* и *выставление к позорному столбу*.

Но что касается полицейского надзора, то это наказание, назначаемое прежде (1836-1840) для 3500 преступников, с тех пор ежегодно прилагается все реже и реже.

Относительно же выставления к позорному столбу должно сказать, что это наказание, применяемое с каждым годом до 1848 в меньшем числе случаев, с этой эпохи вовсе вышло из употребления, вследствие декрета от 12 апреля 1848 года, провозгласившего уничтожение этого наказания, равно как закон 28 апреля 1832 года провозгласил прекращение употребления *железных ошейников* и *клеймения*, уничтожая вовсе главные наказания, или, по крайней мере, облегчая их в большом числе случаев и сокращая сообразно с тем число *палачей* и их помощников и вообще чиновников, обязанных приводить в исполнение судебные приговоры.

Все это в соединении с облегчением наказаний в случае *смягчающих обстоятельств* и 463 ст. уг. к. отнимает у нашего уголовного кодекса *драконовский* дух, которым отдавало законодательство времен первой империи...

Можно сказать, что во французских законах есть многое в пользу мошенников, делающее их ремесло мало опасным и весьма выгодным.

Неужели же автор *«Несчастных»*, считающий действующий у нас уголовный кодекс слишком суровым, желал бы сделать это ремесло еще более заманчивым и безопасным?

Баланс

Баланс актива и пассива бюджета мошенников представляет следующий результат:

Актив преступлений и проступков,	
совершенных против личности	– 175600;
против собственности	– 31900.
	207500
Пассив преступлений, проступков,	
наказанных ассизными судами	– 4900;
исправительными судами	– 177100.
	182000
Излишек актива	25500

Как видно, результат выгодный для мошенников. Зато мошенники не имеют более ни одного шанса в их пользу.

Мы еще об этом будем часто говорить.

1. Смягчающие обстоятельства

Из всех облегчений наказаний за преступления, введенных в уголовный кодекс 28 апреля 1832 года, служащих в пользу мошенников, злоупотребление которыми наиболее благоприятно для преступников, есть облегчение в случае существования в деле облегчающих обстоятельств; это есть не что иное, как заблуждение закона; суд присяжных, имея его в виду при обсуждении преступлений, наказываемых смертью или каторжными работами, может превратить в *облегчающие обстоятельства* то, что должно бы послужить к *усилению* наказания, и таким образом заставить юстицию приложить к преступнику слабейшее наказание, совершенно несообразное с тяжестью совершенного преступления.

В самом деле, ежегодно *Право* и *Судебная Газета* ужасают нас количеством оправданий преступников или смягчений наказаний, основанных не более на предполагаемой невинности подсудимых как на доказанной виновности их, – виновности, всегда тем легче наказываемой, чем ужаснее преступление и чем глубже оскорблено общество.

Разве этого хотел законодатель?

Нет! Вовсе не этого.

Законодатель 1832 года хотел того, чего он мог желать. Введением *смягчающих обстоятельств* он желал достигнуть справедливейшей, более здравой и верной оценки фактов, подлежащих суду присяжных, и вернейшего приложения к известным фактам уголовных законов, которое производится членами судов.

Но это повело к злоупотреблениям, которые должно прекратить новейшее законодательство, уважая влияние суда присяжных, судей фактов на решения судей права.

Что же следует для этого сделать?

По моему мнению, это очень просто. Я скажу по этому поводу несколько слов о том, что я видел в Англии, откуда мы заимствовали учреждение суда присяжных.

Вот как бывает в Англии.

Когда суд присяжных находит, что подсудимый виновен, и в то же время признает его по облегчающим обстоятельствам достойным участия или снисхождения, то он постановляет такой приговор: guilty, but recommendet to the mercy of the Court.

Guilty, виновен! Это значит, что никакая важная причина, никакая страшная тяжесть наказания не может изменить ни в совести, ни в приговоре присяжного судьи неумолимой действительности доказанного факта; для него истина неизменна. Тяжесть наказания не может изменить приговора; он даже не обращает внимания на наказание – это будет дело суда. Только, когда есть в деле особенные, заслуживающие внимания обстоятельства, служащие в пользу подсудимого, суд присяжных прибавляет к слову guilty, означающему его убеждение в существовании преступного *деяния* и виновности обвиняемого *лица*, следующую короткую фразу:

But recommend to the mercy of the Court – но предоставляется милости верховной власти; что означает то, что, хотя он не может сам, подобно французскому суду присяжных, требовать уменьшения наказания, зато имеет право и даже должен о том ходатайствовать. Суд же постановляет решение о наложении заслуженного наказания, сообразуясь с законами здравого разума и со своей совестью, равно как и с приговором присяжных судей.

Только на этом основании и можно ввести в уголовный кодекс облегчение наказания по смягчающим обстоятельствам; тогда принцип *смягчающих обстоятельств* не будет ни антиуголовным, ни антиморальным.

2. Отсутствие причин для судебной жалобы

Невозможность преследования мошенников *по отсутствию причин для судебной жалобы* еще более служит в пользу их, чем смягчающие обстоятельства.

Во втором случае допускается хоть некоторое наказание, между тем как в первом заключается отрицание даже всякого преследования.

Известно, что преступления и проступки (все, кроме лесоистребления и преступления против казны), прежде чем бывают рассмотрены ассизным или исправительным судом, должны быть предметом жалобы или доноса.

Однако из 175700 жалоб и доносов о преступлениях, разбираемых первоначально государственным прокурором, средним числом ежегодно 85700 (т.е. почти 50 %, из которых одна треть имеет характер преступлений, и другие две трети имеют характер проступков) оставляются без преследования *по неимению причин к жалобам*.

Неужели эти 85700 *непреследуемых* злодеяний совершены мошенниками, которые умели скрыться от суда?

Нет, ибо ежегодные официальные отчеты показывают, что из этого числа почти 40000 дел оставляется без преследования, потому что первоначальные дознания не открыли в них преступного характера.

Но еще остается 45700; те же отчеты говорят о них следующее:

Что из остального числа преступлений и проступков 20700 остаются без преследования не потому, что не имеют преступного характера, но за отсутствием достаточной важности их и особенного вреда чрез них для общества; и что остальные 25000 остаются без преследования по недостаточности доказательств или потому, что виновники их не могли быть открыты.

Итак, эти две категории непреследуемых деяний, в числе которых находится 16355 краж, составляют, без сомнения, для мошенников огромную выгоду и непременно увеличивают их ежегодный доход.

Что касается до 2300 преступлений, *ненаказанных* ассизными судами, и 23100 проступков, *ненаказанных* исправительными судами, всего 25400, – которые помещены мною выше в бюджет мошенников, как ежегодный остаток в их кассе, то известно, что они не принадлежат к числу деяний, непреследуемых вследствие недостаточности причин для жалоб, ибо, если ненаказанность их вследствие оправданий, не доказывает еще полной невинности обвиняемого, то, с другой стороны, она еще менее доказывает неподтвержденную виновность подсудимого.

Это все вовсе не препятствует частому оправданию подсудимых по недостаточности доказательств, подтверждающих вину подсудимого.

Итак, я полагаю, что не ошибусь, если одну треть оправданий подсудимых припишу их невинности, а другие две трети – отсутствию доказательств их виновности.

3. НЕПРЕСЛЕДУЕМЫЕ ПРОСТУПКИ

Благоприятнее всего для актива бюджета мошенников то, что многие проступки, преимущественно воровство, совершенно ускользают не только от наказания, но даже и от ведома юстиции.

Министерство юстиции может знать только о таких преступлениях и проступках, о которых доносят оскорбленные или официальные обвинители.

При всем том ежегодно поступает на решение 175000 уголовных дел:

10000 от мирных судей,
25000 от мэров,
42000 от полицейских приставов,
61000 от корпуса жандармов,
9000 от полевой стражи,
28000 от самих потерпевших.
Итого: 175000.

Но, кроме этих известных преступлений и проступков, сколько их совершается ежедневно, не составляя ни предмета жалобы частных лиц, ни обвинения лиц официальных, и оставаясь навсегда тайною, известной только самим преступникам!..

Под именем преступлений и проступков я разумею здесь только те, о которых говорит кодекс; я умалчиваю о тех проступках, которые совершаются ежедневно честными людьми; не говорю о тех проступках, которых, по словам Священного Писания, каждый мудрый человек совершает по семи в день.

Я говорю преимущественно о проступках, составляющих ремесло плутов, мошенников по ремеслу.

Таких-то проступков, неизвестных юстиции, а следовательно и непреследуемых ею, есть чрезвычайное множество; вот эти-то проступки и приносят мошенникам огромный барыш.

Если остается неизвестным множество таких преступлений, которые оставляют по себе следы, как напр. убийство, поджог, и если скрываются их виновники, чему служит доказательством Дюмольяр, совершивший более двенадцати убийств, не будучи схваченным, в одном почти месте, в большом городе Лионе, вблизи полиции, среди всеобщего говора... то что же должно сказать о тех преступлениях, которые не оставляют следов, или следы которых могут быть легко уничтожены, а потому и незамечены!..

Воображение тупеет от ужаса при мысли о детоубийствах и отравлениях, ускользающих от сведения о них юстиции.

Сколько случаев воровства ускользает от преследования, оставаясь известными только ворам да обкраденным!..

Я сам был десять раз обкраден, и никогда не жаловался...

Примите к сведению еще то, что я никогда не считал множества домашних краж, которые совершаются ежедневно в огромном количестве.

4. РЕЗУЛЬТАТ

Один английский журнал считает стоимость всех украденных предметов в одном Лондоне в 25000000 фр.

Revue des Deux-Mondes полагает стоимость украденных вещей во всем Соединенном Королевстве в 131000000 франков.

Если мы припомним, что во Франции ежегодно рассматривается в ассизных судах 3860 дел о *воровстве со взломом*, ценностью превышающих 1200000 франков, и что сюда не вошли еще в счет:

3000 других преступлений, которые под именем убийства, подделки и пр. имели в виду все-таки воровство;

26000 случаев *простого воровства*, подсудных исправительным судам;

32000 банкротств, злоупотреблений доверием, плутовства, нищенства, случаев бродяжничества и пр., которые имеют в виду ту же цель;

15000 проступков против законов охоты;

100000 разных мелких проступков, главная цель которых воровство;

воровства, неоцененные в официальных отчетах;

если примем во внимание, что 200000 преступлений и проступков соединенных с

300000 *полицейских проступков*, о которых я еще не упоминал, значительную часть которых составляют мародерство, плутовство и мелкое воровство,

составляют самую незначительную часть преступлений и проступков *недоказанных*, которые ежегодно совершаются во всей Франции в разных видах;

если прибавим еще сюда:

20000000 фр., которые мы ежегодно тратим на поимку воров и на содержание их и надзор за ними в тюрьмах,

146000000 фр. насильственной милостыни,

70000000 фр., которые берут с нас недобросовестные торговцы сверх должного им барыша, и пр., и пр., и пр...

4 Зак. 37313

то увидим, что мошенничество обходится Франции значительно дороже, чем Англии по вычислениям английского журнала и Revue des Deux-Mondes.

Несколько лет тому назад один провинциальный журнал говорил следующее об одном воре по имени Фонтен:

«Жандарм, стороживший его, спросил: «Каким образом вы, несчастный, в ваши лета (71 год) решились на дело, за совершение которого должны провести в тюрьме остальные годы жизни вашей?» – «Я вовсе не так несчастлив, как вы думаете, – отвечал, усмехаясь, Фонтен, – ибо я ворую уже 60 лет, а пойман только первый раз».

Таких воров очень много. Многолетнее безнаказанное ремесло их чрезвычайно увеличивает актив бюджета мошенников.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРИБАВЛЕНИЕ К БЮДЖЕТУ МОШЕННИКОВ

После напечатания пятой главы этого сочинения вышел новый закон, произведший в *бюджете* разные изменения, которые необходимо здесь указать.

Правительство, озабоченное совершенно основательно устранением опасности, которую представляет ежегодно увеличивающееся число преступлений, решилось принять более решительные, благоразумные и строгие меры к прекращению зла.

Следствием этого был проект закона, предложенного законодательным корпусом 18 апреля 1863 года.

Однако справедливо, что отчеты уголовной статистики подтверждают весьма чувствительное приращение числа преступников; впрочем, это приращение более кажущееся, чем действительное. Во-первых, что касается *преступлений*, то количество их уменьшилось в течение времени от 1833 до 1860 года на 3000; следовательно, тут произошла как бы замена преступлений проступками. Относительно же проступков должно сказать, что в числе их произошло значительное увеличение. Вот официальные сведения по этому предмету: в 1833 году число *проступков* было 45233, в 1860 оно возросло до 123056!.. Даже вычитая из этого числа 5 или 6 тысяч проступков, несуществовавших в 1833 году, мы все-таки заметим ужасное приращение в числе проступков. Парье говорит, что это приращение особенно относится к плутовству и

воровству, число которых упятерилось с 1826 по 1833 год и утроилось с 1833 по 1860 год.

Если страшные, грубые преступления совершаются ежегодно в меньшем и меньшем числе, говорит в свою очередь Боверже, «зато, с другой стороны, чрезвычайным образом увеличивается число деяний, свидетельствующих об испорченности нравов и страшной жадности.».

«Проступки, имевшие своим источником насилие, более и более исчезают с прогрессом цивилизации, – говорит генерал-прокурор де-Кордоен, – но, к сожалению, проступки, основанные на обмане, увеличиваются в числе; ибо зло, грустно сказать, также имеет свой прогресс».

Цифры, которые я намерен представить, имеют значительную важность и, можно сказать, свое красноречие:

В 1825 было 7400 случаев *воровства* и 9500 обвиняемых в воровстве.

От 1826 по 1830 год среднее число краж было 9000, обвиняемых – 12000.

В 1831-1835 было средним числом 12000 случаев воровства и 15000 обвиняемых.

В 1840 году число случаев воровства возросло до 16900, а обвиняемых – до 20000!..

В 1841-1845 воровства было 19000 случаев, а обвиняемых в нем – 25000.

В 1850 году случаи воровства дошли до 24000, число обвиняемых же до 32000.

Наконец в последнее десятилетие мы имеем следующие ужасные цифры: 32000 случаев воровства и 40000 обвиняемых в воровстве!

«Итак, в последнее тридцатипятилетие число краж возросло из 7400 до 32000; а число обвиняемых в них – из 9500 – до 40000. Как тут не озаботиться правительству? Можно ли было оставить без внимания подобное положение дел и смотреть на этот страшный прилив, не приискивая средств остановить его?»

В то самое время, когда воровство из года в год все более и более учащается, число рецидивов возрастает не менее прогрессивно.

«*Рецидивы* умножаются; и официальные статистические сведения подтверждают, что это умножение весьма чувствительно и ужасно, – говорит Беллейм, докладчик комиссии. – *Рецидивисты по привычке* составляют особенную категорию неисправимых преступников, потерявших всякий стыд, открыто восстающих против общества, живущих вне добрых нравов, обычаев и закона и составляющих опасный и вредный класс людей не только с точки зрения общественной безопастности, как личной, так и

имущественной, но даже и с точки зрения общественного порядка и спокойствия».

Боверже говорит, что «число рецидивов увеличилось на 40% в период от 1851 до 1860 года. Из числа рецидивистов меньше половины попадали в руки правосудия во второй раз; двадцатая часть их была под судом до десяти раз, а многие – до 20 раз».

«Наибольшая часть рецидивистов, – говорит Де-Кордоен, – приходится на долю *воров*. Причиною этого служит слишком слабое и снисходительное наказание воров. Но так как воровство все более и более учащается, мы требуем против него более строгих мер».

По мнению правительства, главной преградой для успешной борьбы со злом служит слишком свободное право присяжных судей допускать *смягчающие обстоятельства*, равно как то же право, предоставленное 463 статьей уголовного кодекса исправительным судам.

В самом деле, из отчета комиссии видно, что присяжные допускают *смягчающие обстоятельства* в 70 случаях на 100, а исправительные суды – в 60; а в некоторых преступлениях в 80 и 90 случаях на 100.

Если существование смягчающих обстоятельств заставляет ассизные суды уменьшать наказание, то тем не менее не изменяется род наказания. Суд может только ослабить его до десятой части maximuma или до пятой minimuma – вот и все.

Совсем иное бывает в исправительных судах. Этот суд может приговорить к тюремному заключению от одного до пяти лет. По 463 ст. уменьшение наказания здесь может дойти до одного дня заключения или до *одного франка* штрафа, т.е. почти до нуля. Чем оправдать такую несообразность?

«Нас пугает, – говорит Парье, – число 40000 случаев воровства и мошенничества; этот прилив, как выразился генерал-прокурор, возвышающийся столь быстро, беспокоит нас».

«В самом деле, из отчета министра юстиции видно, что число преступлений воровства в 1833 году равнялось 38% всех вообще проступков, в наше же время эти проступки составляют 48,5%, чуть не половину всех проступков.

Вот результаты закона 1832 года, вот последствия слишком частого ослабления наказания, вследствие объявления существования *смягчающих обстоятельств*.

Вследствие уважения смягчающих обстоятельств 2100 проступков из 25000 наказываются лишь только *незначительным денежным штрафом!..»*

Без сомнения, хуже всего то, что слишком часто заменяют тюремное заключение денежным штрафом по приговорам исправительных судов. Если мы рассмотрим подробно все случаи, в которых имеет место эта замена, то заметим много несообразности. Так, статистика 1860 года говорит нам, что 2613 случаев *воровства*, 56 *мошенничеств*, 100 *злоупотреблений доверием* были наказаны только *простым штрафом*. Приложение этого наказания к подобного рода проступкам трудно объяснить; против него громко говорит то, что из 2613 человек, присужденных только к денежному штрафу, было 211 *рецидивистов*.

«Неужели в этой слабости наказания, в этой замене тюремного заключения денежным штрафом, не заключается причины нравственной ответственности за то ужасное умножение числа преступников и преступлений?» *(Де-Кордоен).*

«Присуждение к денежному взысканию часто вовсе нельзя считать даже наказанием. Не будет ли благоразумно оградить суды от недобровольного увлечения, вооружив их сообразною с обстоятельствами строгостью, от которой бы они не могли более отказываться?» *(Рапорт комиссии).*

Это необходимое улучшение произвело закон, изменивший 463 статью уголовного закона таким образом, что суд не может назначить тюремное заключение менее чем на 6 дней и денежное взыскание менее 16 франков за те проступки, которые наказываются тюремным заключением не свыше одного года и денежным взысканием не более 500 фр.; тот же закон запрещает заменять тюремное заключение денежным штрафом; и это последнее запрещение особенно важно потому, что новый закон повелевает перенести в исправительные суды многие дела, которые прежде были подсудны суду присяжных.

Несмотря на это ограничение, мошенники все еще пользуются широким снисхождением; ибо по новому закону тюремное заключение может быть уменьшено до шести дней.

Как бы то ни было, смягчая некоторые наказания, назначенные в кодексе 1810 года, пересмотренном в 1832 году, и вводя некоторые новые наказания, уголовные законы 1863 года установили против *рецидивистов, плутовства, поддельщиков, лихоимцев, соблазнителей, обидчиков, наносящих побои и злоупотребляющих доверием* разные меры предупреждения и пресечения, которые увеличивают актив

бюджета честных людей на столько, на сколько они увеличивают пассив бюджета мошенников.

На это *изменение* могут жаловаться только мошенники, честным же людям оно может принести только величайшую пользу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПО КАКИМ ПРИЗНАКАМ МОЖНО УЗНАТЬ МОШЕННИКА?

Давно уже стараются найти наружные признаки, по которым бы можно было узнать о здоровом или больном состоянии души человека и ее качествах, как этого достигли в отношении тела и его органов.

В самом деле, что может быть интереснее и важнее, как быть в состоянии отличить сатану от ангела, Каина от Авеля, честного человека от мошенника!

Но возможно ли это?

Обращались для этой цели, последовательно или одновременно, к разного рода признакам: к признакам *телосложения, устройства черепа, черт лица, хиромантических, пластических, мимических...*

Мы рассмотрим все эти признаки и выведем свои заключения. Это будет чрезвычайно интересно; ибо, говорит Лафатер, «человек есть зрелище наиболее достойное, чтобы на него смотрели, и, в свою очередь, он есть наиболее достойный зритель».

§ 1. Строение тела

Древние замечали, что тем или иным наружным признакам телосложения, т.е. той или иной пропорции между членами, тому или другому цвету кожи, тому или другому обычному положению тела; тому или иному состоянию кровеносных сосудов и пр. почти всегда соответствуют те или иные умственные наклонности, те или другие страсти.

И как их глубокомысленный ум желал постоянно приводить в систему все знания, то они положили, что в человеческом теле существуют *четыре* первичные влаги, называемые *кровью, желчью, мокротою, лимфою*, которые смешиваясь между собою, образуют все другие; и по господству одной из них над прочими они определяли состояние и наклонности разных органов человеческого тела.

Отсюда теория древних о четырех темпераментах: *сангвиническом, желчном, флегматическом и меланхолическом.* Я представлю здесь наружные признаки каждого темперамента, заимствуя описание их у Кабаниса, и укажу на соответствующие им внутренние качества.

ЖЕЛЧНЫЙ ТЕМПЕРАМЕНТ

Этот темперамент характеризует таких субъектов, уделом которых обыкновенно бывают большие труды, большие таланты, большие заблуждения, тяжкие преступления.

Это те люди, которые желают всего достигнуть силою, насилием, буйством, которые постоянно находятся под влиянием воображения и страстей. Они отличаются смелым и дерзким видом, блестящими глазами, сухощавым и иногда желтым лицом, весьма черными волосами, иногда курчавыми, крепким телосложением, но не дородным; сильными мускулами, но тонкими на вид; худым телом и выдающимися костями, твердым пульсом.

Они обыкновенно большие обжоры и склонны ко всяким излишествам.

Мы встречаем много таких людей в тюрьмах и на галерах.

ФЛЕГМАТИЧЕСКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ

Встречается много людей совершенно противоположного темперамента. Это *флегматики,* названные так по преобладанию в них жидкости, называемой *флегмою,* или *мокротою.* В наше время их чаще называют *лимфатиками.*

Слабое и нежное телосложение, спокойная и почти без всякого выражения физиономия; прямые, неопределенного цвета волосы, тусклые глаза, слабые мускулы, хотя и толстые, дородное тело, медленные движения, медленный, неверный, слабый пульс – обнаруживают совершенно противоположный характер тому, который я сейчас описал.

Их нравственные качества и их склонности совсем иные.

Умеренные в своих пороках и добродетелях, чувствах и мыслях, талантах и побуждениях, эти люди весьма способны к обыкновенным житейским занятиям.

Вот почему эти люди, которые едят мало, переваривают пищу медленно, спят много, не ищут ни общества, ни удовольствий, а только покоя, обыкновенно бывают со-

ветниками, наставниками, воспитателями, а часто и хорошими хозяевами.

Вот почему мы часто замечаем, что в острогах часто флегматики господствуют над всеми.

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ

Рядом с лимфатиками мы можем встретить большое число *меланхоликов*, которых в наше время признают одним из видов *нервного* темперамента.

Люди этого темперамента имеют печальное выражение лица, цвет лица желтый, глаза впавшие, с мрачным, угрюмым выражением, волосы черные и прямые, стан высокий, но худой, тело худое, сухощавое, конечности длинные, пульс слабый и медленный.

Все их движения носят характер медленности соединенной с осмотрительностью.

Взгляд их беспокойный и немного робкий.

Эти люди, которые с виду кажутся слабыми, на самом деле обладают замечательною силою; они переносят самые продолжительные и утомительные труды; работают с беспримерным терпением и постоянством, похожим на упорство.

Их страсти представляют тот же характер упорства и, так сказать, вечности, которые часто делают их весьма опасными для других.

Верные друзья – они бывают неумолимыми врагами.

Природная их робость делает их подозрительными; неуверенность в самих себе делает их ревнивыми, завистливыми.

Эти два качества постоянно усиливаются воображением, которое постоянно удерживает в памяти самые легкие впечатления, и заставляет самые ничтожные вещи, самые мелкие случаи считать целыми происшествиями.

Потому-то, когда рассудок не дает хорошего и надлежащего направления их чувствительности, не делает их ни более нравственными, ни лучшими, они часто бывают тем более опасными, чем более получили от природы средств действовать на людей, окружающих их; особенно опасно их непреодолимое упорство, с которым они всегда борются против препятствий к исполнению задуманного дела и вообще против всякого оказываемого им сопротивления.

Мошенники этого темперамента, конечно, самые опасные.

САНГВИНИЧЕСКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ

Наименее опасные и самые малочисленные гости тюрем суть люди сангвинического темперамента.

Однако, так как люди этого темперамента имеют всегда возбужденные нервы и поэтому склонны к живым и быстрым впечатлениям, то часто удовольствие, к которому они чувствуют непреодолимое влечение, увлекает их за пределы должного и доводит до злоупотреблений.

К счастью, печаль их не пускает более глубоких корней, чем их страсти; они так же легко утешаются в горе, как пресыщаются страстями.

В самом деле, их страсти живые, мгновенные, иногда пылкие, но быстро утихающие, а часто и совсем исчезают.

Неспособные к сильному напряжению ума, к продолжительному и серьезному размышлению, они чувствуют антипатию ко всему, что требует заботы, последовательности в мыслях, постоянства.

Они в тюрьмах бывают обыкновенно тихими, терпеливыми, спокойными, послушными. Весьма редко они нарушают тюремные правила.

Мошенники этого темперамента обыкновенно имеют умеренный рост и такую же дородность, весьма пропорциональные члены, свежее и веселое лицо, живые глаза, каштановые волосы, кожу мягкую и нежную, пульс неровный, движения свободные, ловкие, проворные.

Их ум работает весьма быстро, легко и свободно; их внутренние волнения отражаются очень легко на их милом и счастливом лице.

Милые и счастливые мошенники!..

В наше время перестали верить в четыре *жидкости* древних и, может быть, несправедливо перестали различать четыре темперамента. Господство главных органов над прочими определяет различные темпераменты. Телосложение, в котором господствуют пищеварительные органы, представляет *желчный* темперамент древних; то, где господствуют органы кровообращения, представляет *сангвинический* темперамент; то, в котором преобладает клетчатая плева – *лимфатический* темперамент; телосложение с преимущественным развитием органов движения представляет *атлетический* темперамент; то телосложение, в котором преобладают половые органы, характеризует эротический темперамент и пр., и пр., и пр.

В наше время узнали, что наклонности, страсти, чувства, умственные способности и нравственные качества зависят от расположения частиц (бугорков) мозга и не допускают более влияния темпераментов.

Несмотря на это, физическое строение человека и природа жидкостей, как бы их ни называли, оказывают влияние на его наклонности, и это влияние бывает причиною большей части его действий.

Поэтому я намерен сперва изобразить самые резкие черты, по которым распознавались и теперь еще распознаются четыре главных темперамента древних, – черты, которые могут вернее повести нас к разрешению задачи *распознавания*, которая нас так интересует.

§ 2. ЧЕРЕПНЫЕ ПРИЗНАКИ

КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБНОСТЕЙ

Древняя метафизическая философия рассматривала нравственного человека только по отношению к абстрактным способностям души – разуму, воле, желанию, вниманию, свободной воле, чувству, суждению и пр., которые могут быть допущены только как общие качества, как общие принадлежности всех людей; иначе это значило бы делать человека исключительно разумным существом.

Но человек не живет исключительно разумною жизнью. Прежде всего он обладает врожденными, основными способностями; эти *положительные* способности, существующие и у животных, которые определяют различие между разными видами животных и составляют существенное отличие одного индивидуума от другого, суть инстинкты, наклонности (таланты), способности и другие *врожденные* дарования, деятельность и проявление которых определяются или, по крайней мере, находятся в зависимости от организма.

Врожденные *дарования*, сказал я, а не врожденные *идеи*; необходимо установить различие между этими понятиями.

Физиологи долго думали, что чувства, страсти, инстинкты, наклонности имели свое органическое существование и местопребывание в животе, в груди, в жилах и пр.

Но благодаря бессмертным трудам Галля и не отрицая некоторой доли влияния, которое эти части тела могут иметь на духовную жизнь человека, в настоящее время доказано,

что природа определила эти части для отправления жизни *автоматической, или растительной,* – отправлений, которые совершаются без участия нравственности, без сознания, без всякого чувства, напоминающего об их существовании,– в отличие от отправлений *жизни животной*, которые совершаются и должны быть рассматриваемы, как деятельность мозга, исключительного органа операции души и ума.

Галль насчитывает 27 положительных, первоначальных, основных врожденных способностей, органом которых служит мозг; или, лучше сказать, которых различные явления имеют свои различные органы в мозгу, который не есть единичный, простой орган, действующий всею массою, но состоящий из многих органов, обвивающих друг друга, из которых каждый производит известное действие, особенно от других обдуманное.

Некоторые из этих врожденных основных способностей, которых френологи, последователи Галля, насчитывают тридцать семь под именем *наклонностей* и *инстинктов*, общи у человека с другими животными, как напр. инстинкт самосохранения, инстинкт *рождения*, инстинкт чадолюбия, склонность к *разрушению и убийству*, инстинкт *сохранения собственности*, склонность к *воровству* и пр.

Другие же под именем *чувств и умственных способностей исключительно* врожденны человеку; таковы: *самопознание, религиозное* чувство, чувство *правосудия, язык, музыкальный слух,* способность *считать, гордость, честолюбие.*

Но в какой же части мозга имеет свое местопребывание каждая из этих способностей? Каким наружным признаком обозначается присутствие каждой из них? Эти вопросы предстоит нам разрешить.

РАЗМЕЩЕНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ

К определению числа, названия и классификации врожденных способностей и наклонностей человека френология прибавляет еще определение местопребывания различных мозговых органов, выказывающих эти способности снаружи.

Для этого френологи представляют череп ящиком с известным числом отделений, из которых каждое служит местопребыванием одной из способностей, о которых мы говорим, способностей, которых взаимная энергия соответствует более или менее значительному развитию разных частиц этого центра нервной системы, и которые соответствуют различным черепным выпуклостям, которые обнаруживают весьма рельефно существование мозговых бугорков.

Конечно, нет ничего достовернее этой географии черепа; однако она претерпела нападки от многих медиков-физиологов и в особенности от доктора Лелю, самого ярого противника системы Галля.

Однако доктор Лелю признает, согласно с другими медиками-физиологами новейшего времени, что мозг есть местопребывание ума и души. Каким же образом не признает он, что органы разума и души находятся в головном мозге?

«Когда в природе нет двух различных тел, которые бы не имели противоположных качеств и свойств; когда во всем нашем организме нет двух органов или двух частей, которые имели бы одно назначение; когда сердце служит для кровообращения, почки для мочи, легкие для дыхания и пр., когда, наконец, каждая часть имеет свои особенные свойства, – неужели же все известные части мозга, вся эта удивительная ткань не имеет никакого назначения?!. Это невозможно!» (Beraund. journal la Phrenologie).

«Отсюда следует, что так как есть особенная нервная система для каждого нашего чувства, так точно есть особый нервный орган для каждой способности; и притом так, что чем более сильна способность, тем более развит нервный орган и тем более заметна выпуклость на черепе. Итак, если череп, твердая костяная материя, изгибается от усилий мозга, то черепной ящик должен иметь форму мозга». (Ibid).

Не желая входить в полемику, которая поднята учеными по поводу теории Галля, – non licet inter vos tantas componere lites, – я полагаю возможным провести все подразделения черепа и головного мозга к разделению на следующие две части:

нижнезаднюю, общую у человека с прочими животными – местопребывание всех *инстинктов* и *грубых, низких наклонностей;*

верхнепереднюю, свойственную лишь человеку – местопребывание *ума, нравственного чувства,* всех способностей души и ума.

Остается теперь нам решить заданную нами себе задачу.

ЧЕРЕПНЫЕ ВЫПУКЛОСТИ

По каким наружным признакам можно узнать преобладание разных инстинктов в *нижнезадней* части черепа? Преобладание той или другой умственной и нравственной способностей в верхнепередней части?

Что касается *животных инстинктов*, то анатомическое сравнение животных плотоядных с другими, напр. волка с ягненком, ласточки с зайцем, орла с лебедем, дает в результате весьма широкие с боков черепы у всех плотоядных животных и весьма узкие – у неплотоядных животных.

Это же самое сравнение, приложенное к человеческим черепам, дает в результате весьма широкие боковые части черепа у людей с *разрушительными или кровожадными* наклонностями.

Вот причина, заставившая френологов поместить на *боковых* частях черепа органы, обозначающие склонность к *ссоре, разрушению, убийству*, прибавляя сюда также и орган стремления к *приобретению* или склонность к *воровству*, который выдается симметрично с *обеих сторон* черепа у некоторых животных.

Та же причина заставила френологов отыскивать в задней части человеческого черепа инстинкт *преданности и любви к детям*; а в самом низу этой части, в том месте, где находится мозжечок, инстинкт *физической любви* или инстинкт *рождения*, сильнейший из всех инстинктов.

Вот более подробное описание наружных признаков, по которым узнается преобладание в человеке одного из этих различных инстинктов.

Мозжечок, помещенный в затылочной впадине черепа, приобретает у некоторых взрослых чрезвычайное развитие, обнаруживающееся наружною выпуклостью, которую образует задняя часть черепа при своем основании. Это орган *физической любви*. Детородные части суть только соответствующий орган.

Дух *воинственности*, составляющий чрезмерное развитие духа самосохранения, узнается по особому развитию задней части головы на уровне ушей. Эта часть всегда шире у храбрых, чем у робких и трусов.

Недалеко от этой выпуклости, позади ушей, помещена выпуклость склонности к *разрушению* или к *убийству*; она узнается по своей полусферической форме. Эта выпуклость указывает на инстинкт разрушения во всех его формах: убийство, поджигательство, отравление.

Выпуклость *хитрости* и лукавства помещается выше и немного впереди выпуклости, обозначающей инстинкт кровожадности. Она идет сзади наперед и оканчивается вблизи бровей. Последние две выпуклости – разрушения и лукавства – замечены почти у всех злодеев.

Выпуклость склонности к *приобретению*, простирающейся до страсти к *воровству*, начинается у конца выпуклости хитрости и оканчивается у верхней части выпуклости бровей.

Вот все, что касается большей части инстинктов и наклонностей общих у человека с прочими животными.

Качества *души и ума*, свойственные исключительно человеку, распознаются по выпуклостям верхнепередней половины черепа.

Когда мозговые части верхнепередней половины черепа приобрели огромное развитие, то из того мы можем заключить об особенном развитии умственных и душевных качеств человека.

Сравните головы маленькие, узкие, неправильные, несимметричные, головы слабоумных, кретинов, идиотов, людей посредственных – головы с узким и плоским, убегающим назад лбом, головы заостренные вверху, как голова неблагородного гомеровского Терсита (Гомер, как и все великие поэты, хорошо знал природу человека) или как островерхая голова Дюмольяра (если верна фотография, передавшая виденный мною портрет этого глупого злодея) с головами с широким лбом, свойственным великим людям, людям гениальным – с головами Наполеона, Мирабо, Галля, Кювье, Араго. Вы сразу узнаете, на которой стороне глиняные вазы, а на которой – золотые.

В лобной части помещаются органы наших духовных способностей.

Итак, если лоб очень развит, смело говорите, при взгляде на такую голову, что человек очень умен. Если, по словам доктора Вессьера, особенно развита нижняя часть лба, прилежащая к глазам, то это признак специального ума; если особенно развита середина лба, то она обнаруживает человека с наблюдательным умом; если же развита более других верхняя часть лба, то по этому признаку можно узнать особенное развитие мыслительной способности и поэтического ума.

Должно ли из этого заключить, что большая или меньшая сумма ума измеряется всегда большим или меньшим объемом мозга?

Нет, ибо часто встречаются люди, а равно и животные, имеющие более ограниченный ум при большом развитии мозга, чем люди и животные, у которых мозг гораздо менее развит в своем объеме.

Физиологический вопрос о хороших и дурных инстинктах человека и животных, равно как и вопрос о большей или меньшей степени умственных способностей, не есть вопрос меры и веса, для разрешения которого достаточно фунта или аршина. Стараясь разрешить этот вопрос, мои ученые друзья доктор Лелю и статистик Герри занимались измерением черепов осужденных в Бисетре.

Из того, что мозг есть орган ума, не следует еще, что количество мозга и величина заключающего его в себе черепа, должны всегда свидетельствовать о развитии мысли, способностей и инстинктов.

Прежде всего должно обратить внимание на то, что мозг, как мускул, может быть весьма мало развитым при огромном объеме своем.

Иннервация – вот предмет, имеющий гораздо более значения, чем масса мозга, и на нем мы должны остановиться, говоря о краниоскопии.

Доктор Ловерн, главный медик Тулонских галер, которому я обязан предыдущим наблюдением, заявил во время своей продолжительной практики, что мозг часто представляет весьма глубокие впадины у людей, у которых инстинкты берут верх над рассудком, в задней и боковых частях мозга.

По словам ученого-практика, из вышесказанного можно заключить, что развитие того или другого инстинкта можно узнать не только по наружной оболочке мозга (по черепу), но и по самой поверхности мозга.

Отсюда также очевидна совершенная тщетность старания вывести понятие о развитии умственных способностей человека из сравнительного измерения черепов.

ОЩУПЫВАНИЕ

Все, что было нами сказано до сих пор, доказывает, как трудно судить о преобладании того или другого животного инстинкта, той или другой способности у человека единственно с помощью ощупывания выпуклостей черепа; ибо черепные выпуклости часто бывают результатом неправильного окостенения или чрезмерного развития объема мозга, как напр. у идиотов и пр. Наконец, инстинкт страстей у человека никогда не бывает так груб, как у животных.

Инстинкты страстей у человека зависят от множества влияющих или побуждающих обстоятельств, которые непременно должны изменить врожденное их направление.

Вот почему *вор* имеет часто выпуклость *убийства*, между тем как ни одно возвышение не обнаруживает в нем инстинкта *приобретения*.

Вот почему убийца часто имеет возвышение *воровства*, между тем как ни одна выпуклость не свидетельствует об инстинкте *разрушения*.

Все политические убийцы, от Брута до Орсини, не имели непременно выпуклости убийства.

Многие убийцы убивали не потому, что им нужна была жизнь ближнего, но потому единственно, что они желали завладеть их имуществом. Они запятнаны кровью, это правда; но они были собственно ворами, виновными в краже со взломом и входом в чужой дом, сопровождавшейся случайным убийством.

Сверх того, головы, ясно свидетельствующие о преступности воли мошенников, равно как и головы с очевидными признаками нравственных и умственных качеств у честных людей, составляют лишь исключение в общей массе людей, которая живет, действует или прозябает среди двух крайностей, не имея заметных выпуклостей, выражающих склонность к пороку или к добродетели.

Даже в тюрьмах и на галерах большая часть преступников имеет обыкновенное строение черепа.

Как масса людей свободных, так и масса заключенных имеет свою среднюю форму, среднее развитие, среднюю деятельность. Она не имеет своего особенного призвания; она повинуется тому толчку, который ей дают, и легко делается всем тем, чем могут ее сделать место, законы, нравы, учреждения. Их передовые люди – передовые добра или передовые зла.

Много увеличивает трудность отличить по разным признакам с помощью френологии мошенника от честного человека в тюрьме или в обществе препятствие, которое представляют при ощупывании волосы и прическа. Правда, лоб представляется открытым; но лоб может свидетельствовать только о существовании хороших качеств, а мы желаем знать совершенно иное. Прежде всего мы стремимся изучить дурные инстинкты и наклонности; ими-то и занимается по преимуществу краниоскопия, с нашей точки зрения.

Итак, френология бессильна, или, по крайней мере, недостаточна для точного отличия честного человека от мошенника.

Необходимо ощупывание не только руками, но и глазами, и притом глазами телесными и умственными еще более.

Ощупыванием этого последнего рода мы намерены теперь заняться, и, если возможно, открыть секреты.

ФИЗИОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Лицо есть внешнее зеркало характера и темперамента человека, которые обнаруживаются разными чертами, знаками и морщинами на его лице.

Физиономия есть зеркало наших чувств и впечатлений. Поэтому кажется, что она служит к обнаружению инстинктов и качеств, которые в френологии не могут быть узнаны при существовании на голове волос.

Каждая черта лица имеет свойственное ей физиономическое значение; мы должны дать отчет о каждой такой черте; мы должны определить значение каждой линии, каждой морщины. Прежде всего мы должны изучить совокупность различных черт лица.

СОВОКУПНОСТЬ ЧЕРТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЛИЦА

«Бог вдунул в лицо человека дыхание жизни, и человек стал живым и одушевленным», – говорит Книга Бытия.

Итак, сам Бог избрал лицо человека зеркалом его души и мысли.

Равным образом Бог, желая, чтобы человек всегда был обращен лицом к небу, – os homini sublime dedit, – снабдил его всеми органами чувств, сосредоточивающими в себе все душевные чувства, многочисленные нервы которых придают лицу необыкновенную чувствительность и выразительность.

«Там целая жизнь, – сказал один медик-философ, – там горит огонь разума. Везде в ином месте есть только материальные, телесные формы, почти без жизни, без одушевления. Лицо – это единственная часть тела человека, оживленная, так сказать, мыслью. Это книга сердца, открытая для всякого, умеющего в ней читать».

Лицо человека, одно только одаренное способностью краснеть, представляет в различных оттенках своей краски признаки, которыми не должен пренебрегать ни один физиономист.

Правда ли, что краска гнева начинается всегда с глаз, краска любви со лба, краска стыда – с оконечностей ушей и со щек, как доказывает де-ла-Шамбр в своей книге о *харак-*

5 Зак. 37313

тере страстей? Может быть. Верно то, что краску гнева легко можно отличить от окраски стыда; между тем как последняя, вследствие легкого усиления биения сердца, обнаруживается алою и яркою краскою, первая, происходящая от застоя крови, что бывает непосредственным следствием стесненного дыхания, выражается темно-багровым цветом.

Тоже можно сказать и о бледности. Между тем как бледность от испуга выражается просто бесцветностью лица, бледность, происходящая от ревности, ненависти, зависти или от другой какой-либо грубой и мрачной страсти, узнается по тусклому, бледному, медно-цветному или свинцовому цвету лица.

«Ликург изгонял из Лакедемона людей, казавшихся вредными для отечества; свое мнение о них основывал он на бледности их лба и на злом их характере», – сказал С. Жюст в Конвенте 9 термидора.

Благодаря многочисленным мускулам, приводящим в движение мягкие части лица, лицо человека обладает удивительной подвижностью и способностью принимать различные выражения. Гибкое, мягкое и прозрачное, как спокойная вода, лицо человека раздувается, сжимается, покрывается глубокими вертикальными морщинами, когда в душе разгорается какая-либо мрачная или ужасная страсть. Тогда все принимает иной вид: сухая жила напрягается как струна, образуются угловатости, мускулы, толкая друг друга, образуют грубые выпуклости; разделяющие их бороздки углубляются; кожа подымается и опускается, надувается и опускается чрезвычайно быстро. Это, как говорит тот же медик, колесо, которое катится по взрытой земле.

Каждая страсть, каждое чувство заставляет действовать каждый мускул лица особенным образом. Каждое состояние души заставляет дрожать одну из струн этого нежного инструмента.

Из этого инструмента часто необходимость извлекает фальшивые тоны и отнимает у него природную гармонию звуков. Ибо, изменяясь, сколько возможно, от действия страстей, лицо зависит от мозга и поэтому есть послушный раб воли. Оно может по желанию мозга сделаться обманчивым, льстивым, повиноваться, если надобно, внушениям коварства и хитрости.

Это тем легче, что в наше время доказано любопытными наблюдениями доктора Дюшена над электричеством, что *те же нервы* всегда действуют на *те же мускулы,* чтобы передать *те же движения души;* и что можно произвести искусственным образом при помощи фотографии до 33 различных

выражений, представляющих главные состояния души. Все это можно сделать так, что субъект, подверженный действию электрического тока, не будет иметь ни малейшего сознания о чувствах, которые заставит его выражать на лице оператор или наблюдатель. Его лицо будет выражать ужасный страх, невыразимую радость, глубокое презрение, горькую насмешку, необузданное сладострастие; а дыхание в то же время останется спокойным, пульс тихим и мозг совершенно бессознательным!..

Что удивительного после этого, если мы ежедневно встречаем в свете порок, подражающий добродетели; бесстыдство, притворяющееся скромностью; плутовство, прикидывающееся честностью; воровство, показывающее вид владения своею собственностью; одним словом, вора, мошенника, подражающего честному человеку, смотря по выгодам, страстям и обстоятельствам, побуждающим человека притворяться и принимать маску добродетелей, которых он не имеет?

Однако не легко всегда долгое время скрывать истину под маскою:

Difficite est tristi fingere mente jocum,
Nec bene mendaci risus componere ore.

Как бы ни был хорош актер, всегда есть у его маски какой-нибудь уголок, в котором просвечивает какая-либо черта, какой-либо знак, нечто такое, по которому зритель может узнать актера и сказать ему: я тебя знаю, прекрасная маска!

Войдите в мастерскую молодого скульптора Христофора – скульптора-мечтателя, так сказать, философа мрамора, автора произведения, которому завидовал Бирон, как его хорошо определил Аврелиан Шолль, тонкий критик. Там вы будете поражены статуей женщины, которой счастливое и веселое лицо прежде всего привлечет ваше внимание. Но посмотрите на это лицо в профиль, и вы не найдете более маски, покрывающей собою тоскливое, судорожное, измученное, умирающее, со змею на сердце, под грациозными складками богатой драпировки, закрывающей это сердце от взоров. Эту статую автор называет *человеческой комедией.*

Так действительно бывает и в комедии, которую разыгрывает большинство людей, особенно мошенники, на сцене света. Самые опытные и хитрые мошенники утомляются в этой притворной игре.Они бывают принуждены отдыхать после одной лишь минуты. Тогда взгляд или незаметная морщи-

на в углу губ обнаруживают тигра или лисицу. Тогда порок, выражающийся на лице, кладет свою печать на него, передергивает все мускулы лица, затемняет глаза, меняет красоту в безобразие и обнаруживает плута, убийцу, вора.

Однако, несмотря на все обманчивые покровы, которыми закрываются некоторые лица, опытный наблюдатель всегда найдет случай повторить с Петронием: Ex vultibus hominum mores colligo.

Загляните для опыта в сочинение Гаварни *«Маски и Лица»* и на рисунки остроумного Топпфера.

Известно, что Аристотель советовал своему царственному ученику избирать судей по физиономии, что его учитель Платон отсылал от себя тех учеников, которых физиономия ему не нравилась.

По их примеру славный шведский министр XVII века Оксенштирн обыкновенно говорил: «Вы удивляетесь, что такой-то солдат сделался генералом, такой-то бедный викарий – епископом. Изучили ли вы его физиономию?»

Distortum vultum seguitur distortio morum, говорит латинская пословица.

Nimium ne crede dolori, говорит другая.

По моему мнению, благоразумно следовать последней во всяком случае; между тем как первая не всегда приложима.

В самом деле, в этом случае должно отличать случайные уродливости от природных.

Первые могут нисколько не портить внутреннего источника, первоначальных способностей прекрасной души, светлого ума, здравого рассудка.

Вторые могут служить только оболочкою искривленных, безобразных, как они сами, души, ума, сердца.

Я часто замечал во время моих посещений тюрем, что природное безобразие лица, ненормальное строение головы соответствуют безобразию характера, причудливости мыслей, ненормальности рассудка.

Бог, создавая человека по своему образу, непременно одарил его физическою и нравственною красотою.

Человек мог сделаться безобразным, лицом и душою только вследствие греха.

Дьявол до своего падения был прекраснейшим из ангелов.

Случается только как исключение, что природа иногда помещает порочную душу в прекрасном теле или прекрасную душу в безобразном теле.

Но уродливости не суть общее правило; они суть только исключения.

Физиономист обязан проникнуть своим наблюдательным оком через обманчивую кожу в совесть, которая часто обнаруживается и снаружи, стоит только внимательно всмотреться в наружность человека.

Иногда достаточно посмотреть на лицо человека, как на статую Христофора, в профиль или снизу, чтобы узнать, что скрывает под собою вид лица спереди (en face) – презренный свинец или чистое золото.

Сверх того, должно всегда смотреть на лицо в *профиль*, а не *спереди*, когда хотят изучить его выражение; ибо профиль представляет более резкие черты, более ясные линии и менее способен принимать притворный вид.

Отсюда появились *силуэты*, бывшие в такой моде в конце прошлого столетия, ныне же вышедшие из употребления, но, тем не менее, сохранившие вполне свое значение для физиономистов.

В самом деле, силуэт есть непосредственное изображение самой природы; изображение столь правильное, что ни один живописец не может произвести подобного ему. Никакое искусство не может сравняться в точности с хорошо сделанным силуэтом, сказал доктор Изабо. «Однако он имеет только одну линию, – говорит Лафатер. – Он не имеет ни движений, ни рельефа, ни впадин, ни глаз, ни ушей, ни ноздрей, ни щек, ни зубов. Он имеет только весьма малую часть губ. Несмотря на все это, какое отчетливое изображение представляет его контур!»

Но должно сказать, что силуэты обнаруживают точно лишь крайние характеры, а не их различные оттенки; характеры людей слишком тихих или весьма вспыльчивых; слишком кротких или слишком жестоких; слишком откровенных или весьма скрытных; чрезвычайно честных или крайне подлых.

Силуэт выражает в совершенстве природные силу духа, доброту, нежность, чувственность, особенно невинность детей. Он дает более верное понятие о глубоком уме, чем об уме живом, блестящем; об уме образованном, чем о великой глупости, о смелости и дерзости героя высшего класса мошенников (de la haute pegre), чем о неловкости плута-новичка, мелкого вора (d'un pegriot).

Наконец, есть еще способ, который вернее силуэтов дает возможность узнать прекрасную или испорченную душу под покровом наружной красоты или безобразия; для этого стоит только заставить человека смотреть на хорошие и дурные действия, совершаемые пред его глазами.

Когда вы увидите в свете людей очень безобразных и, несмотря на то, исполненных прекрасными качествами, или людей со злодейскою физиономией, но весьма красивых, и если захотите узнать, есть ли их физическая красота или физическое безобразие отражение красоты или безобразия души, то всмотритесь в их лицо, заставив их быть зрителями хороших и дурных действий. Тогда вы увидите, что сквозь их наружную красоту или безобразие будут просвечиваться такие же или противоположные качества души. Посмотрите на людей наружнобезобразных, когда пред их глазами совершается великое и благородное деяние, тогда вы увидите, что их безобразие осветится огнем благородной страсти; тогда вы заметите в них проблеск высокой красоты, которая бывает постоянною спутницею добродетели.

До Лафатера эти наблюдения над чертами лица не составляли предмета науки.

Знаменитый цюрихский пастор первый создал науку *физиономику* в конце прошлого столетия.

Эту науку Лафатер основывает на делении лица человеческого на три главные части, а именно:

первая, заключающаяся между окраиною волос на лбу и бровями, по которой определяется степень умственных способностей;

вторая – от бровей до конечности носа, по которой узнаются нравственные качества человека;

третья, заключающая в себе остальную часть лица, наиболее свидетельствует о животных нуждах, преимущественно об обжорливости и страстности.

Рассмотрим теперь подробно каждую часть лица в отдельности.

ЧЕРТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЛИЦА

Изучение каждой черты лица отдельно, без сомнения, есть самое прочное основание науки о физиономии, если такая наука существует.

Можно сказать, что все физиономические признаки как бы наложены поясами на лице человека.

Эти поясы суть те же три части человеческого лица, о которых мы уже сказали в конце предыдущего парагра-

фа; части лица суть следующие: *лоб, волосы, глаза, брови, нос, уши, щеки, рот, зубы, подбородок.*

Мы рассмотрим последовательно все эти части и разберем признаки каждой из них.

Лоб. – Лоб есть доска, на которой рисуются все внутренние чувства человека понятным для всех образом. Это обиталище спокойствия и радости, знания и кротости, а равно – невежества и злости, тоски и печали.

Мы должны рассмотреть две составные части лба: кость и покрывающую ее кожу.

Костяная ткань лба соответствует благородным, высшим умственным способностям; это та часть черепа, которую мы выше назвали *верхнепереднею.* Чувства и инстинкты имеют свое местонахождение в *задненижней* части головы.

На самой последней ступени животной лестницы эта часть головы (лоб) совершенно ничтожна. У наиболее смышленых животных, у обезьян, например, лоб узок, низок и как бы только в зачатке.

Один только человек, этот царь мира по уму, обладает величественным лбом, который у высших рас человеческого рода составляет почти половину лица.

Между высоким, развитым вполне, почти вертикальным лбом человека, способного к великим делам, одаренного здравым умом, могучим разумом, и лбом низким, узким и покатым, существуют многочисленные видоизменения.

У большей части людей лоб бывает средней формы между этими двумя крайностями, посредственность есть участь большинства.

Широкий, выдающийся вперед двумя углами, лоб обнаруживает творческий гений поэта, артиста, писателя.

Лоб, выдающийся в середине, свидетельствует о любви к наукам и о склонности восходить от явлений к их причинам.

Лоб, стоящий на своей средине в уровень с бровями и выпуклый у висков, обозначает тонкость ума и хитрость. С такими лбами были лисьи физиономии Фуше и Вилеля.

Когда по обоим бокам срединной линии, немного выше бровей, есть заметная выпуклость, такой лоб обыкновенно служит признаком вспыльчивости, едкости ума. Рабеле и Стерн суть совершенные типы организации этого рода.

Лоб прямой, очень высокий, но тупой свидетельствует о неразвитости воображения и тонкости ума, но указывает на твердость характера.

У женщины лоб всегда меньше, чем у мужчины; ее нравственные качества, как и ее члены представляют более нежности, но менее могущества.

Поговорим теперь о *коже* лба и о ее *морщинах*.

Кожа, покрывающая лоб, должна быть гораздо чище кожи, покрывающей другие части лица.

Если она лоснящаяся, гладкая, вовсе без морщин, то это признак холодной души, легкости характера.

Морщины горизонтальные, параллельные бровям и близкие к ним бывают результатом внимательных и глубоких рассуждений.

Вертикальные, расположенные у корня носа между бровями морщины свидетельствуют о мстительности и ненависти.

Морщины, находящиеся у корней волос, выражают гордость и высокомерие.

Морщины, перекрещивающиеся в разных направлениях, указывают на оригинального, слабоумного или глупого человека.

Итак, в физиономике костяная, твердая часть лба указывает степень наших способностей, а подвижная, мягкая часть лба – кожа – свидетельствует о том приложении, которое мы даем нашим способностям.

Волосы. – Голова человека украшена волосами, которых корни нисходят более или менее низко на лоб и придают то или другое выражение лицу человека.

Один только человек имеет волосы; разнообразие шерсти и перьев у прочих животных только более свидетельствует о важности разнообразия волос человека.

Их жесткость и мягкость, равно как и разные оттенки их цвета, могут служить признаком различных характеров.

Шелковистые, мягкие и тонкие, как у женщины, волосы мужчины указывают на недостаток энергии физической и нравственной, на слабый, мягкий характер.

Жесткие и курчавые, напротив, обнаруживают твердый характер, серьезный ум и тяжелый нрав.

Прямые и густые волосы указывают на грубый и тупой ум.

Белокурые свидетельствуют о чувствительности и нежности.

Каштановые или черные обнаруживают энергию, пылкие страсти и сладострастность.

Красные, говорят, свидетельствуют о раздражительности, вспыльчивости и злости.

Рыжие указывают на чрезвычайную злость или на величайшую доброту.

Доказано, что встречается множество рыжих арестантов в смирительных домах; особенно много арестованных за нищенство и бродяжничество.

Другой доказанный факт есть тот, что большинство воров имеет волосы темно-каштановые.

Волосы иного цвета, чем брови, служат признаком притворства.

Вообще можно сказать, что густые волосы указывают на силу, постоянство, твердость, храбрость, смелость, иногда жестокость; а редкие волосы или отсутствие их (не в старости, конечно) указывает слабых, нежных, малодушных людей.

Брови. – Брови составляют границу между вместилищем мозга и органами чувств.

«Внизу лба, – сказал философ Гердер, – начинается его прекрасная граница – брови – радуги мира у кротких людей и луки раздора во время гнева».

В самом деле, движения бровей имеют различное значение во время игры страстей, о которых они свидетельствуют.

Они подымаются, вздуваются во время гнева, ярости и понижаются, сжимаются, сближаются между собою в случае ненависти, печали, презрения, а также во время мрачных, коварных, преступных мыслей.

Равным образом во время радости, откровенности, брови раздуваются, подымаются и разделяются друг от друга.

Брови придают грацию лицу, но часто они дают ему суровое, мрачное выражение и свидетельствуют о дурном нраве. Сильные сжимания бровей заставляют подыматься их волосы. Вообще, неудовольствие, дурное расположение духа, обнаруживаются нахмуриванием бровей; отсюда и происходит фигуральное выражение *«нахмурить брови»*.

Говоря вообще, брови, выгнутые в правильную дугу, свидетельствуют о скромности и красоте женщины, а горизонтальные, почти прямые брови составляют условие мужской красоты.

Величина бровей у человека изменяется по возрасту и телосложению лица. Вообще они длиннее и шире у брюнетов, чем у блондинов, у желчных, чем у меланхоликов.

Почти всегда они отделены одна от другой безволосым пространством, но иногда они соединяются между собою. В этом последнем случае они служат признаком склонности к ревности.

Сближенные между собою, густые и низкие брови свидетельствуют о могучем уме, силе, энергии, твердости.

Разделенные, редкие и гладкие брови обнаруживают, напротив, слабость ума и физической силы, слабость и кротость.

Des soureils roux, melanges et retors,
Semblent loger la fraude et l'imposture, сказал Вольтер.

Глаза. – Глаза составляют наилучшее украшение человеческого лица. Лицо получает от них все свое одушевление; посмотрите на слепого.

Глаза справедливо были названы окнами души. В глаза высматривает душа и сама видна сквозь них; в них видна вполне мысль, когда она неверно передается языком.

Глаза отражают в себе все качества ума; в этом смысле говорят: глаза умные, проницательные, злые, добрые, кроткие, беспокойные, плутовские, глупые и пр.

Говорят еще об огне глаз; о глазах унылых, потухших, суровых, задумчивых, мрачных и пр.

Глаза редко умеют лгать. Мошенник, плут, преступник не осмеливаются смотреть в лицо; они обыкновенно смотрят вниз или в сторону; взор их бывает беспокойный, неопределенный, часто выдает их.

В глазах следует обратить внимание на их форму, цвет и выражение.

Аристотель сказал слишком резко, что люди с большими, навыкате глазами глупы, и что они как в физическом, так и в нравственном отношении походят на ослов.

Лафатер сказал вежливее, утверждая, что такие глаза служат признаком умственной посредственности.

Ближе к истине стоит Галль, говоря, что такие глаза служат признаком хорошей памяти.

Глаза круглые, маленькие и проницательные означают тонкость, хитрость, иногда злость и расположенность к насмешкам.

Слишком ясные и блестящие глаза обнаруживают робость и слабость ума.

Когда ресницы густы, мало открыты, то это признак грубости и глупости.

Когда ресницы и веки очень открыты, а белок глаз слишком резко отделяется от зрачка, то ум у таких людей обыкновенно бывает оригинальный и причудливый.

Слишком большие глаза, мутные и влажные, служат признаком глубокой чувствительности.

Человек, глаза которого никогда не омываются слезами, бессердечен, неспособен любить.

Человек, у которого глаза постоянно бывают стеклянно-тусклые, мало рассудителен, неспособен быть тронутым душевным волнением.

Глаза, оживляющиеся при малейшем поводе, которые беспрестанно блестят, принадлежат мимику, поверхностному уму или мелкому уму, бьющему на эффект.

Напротив, глаза, имеющие постоянно одинаковое выражение, меняющиеся только под впечатлением важных обстоятельств, свидетельствуют о постоянстве, твердости мыслей; о солидности и энергии характера.

Черные или карие глаза в противоположность голубым говорят о храбрости и твердости духа.

Зеленоватые служат часто признаком горячности, вспыльчивости, смелости, храбрости.

Черные глаза с голубоватым белком, сверкающие, как глаза южной женщины, не всегда служат признаком ума; чаще они выражают жадность, особенно, когда лицо имеет бледный цвет. Одним словом, это глаза цыгана. Сколько мошенников с такими глазами!

Глаза живые, ясные, как алмаз, выражают доброту. Но совершенно черные глаза, блестящие, как горящий уголь, обнаруживают человека злого, алчного, которого должно остерегаться.

Остерегайтесь бледных женщин, сказал Бальзак. Остерегайтесь мрачных и блестящих одновременно глаз, сказал Дебароль.

Нос. – Хотя нос по природе своей неподвижен и не имеет никакого выражения, однако он способствует, подобно другим частям лица, некоторыми свойственными ему движениями выражению душевных чувств. Так, например, сморщиваясь, он способствует выражению ужаса, отвращения, презрения и пр.; его ноздри, раздуваясь или сжимаясь, выражают ненависть, мщение, гнев.

Даже в своем нормальном состоянии покоя, когда он только, как заметное возвышение, разделяет две соответственные впадины, нос кажется помещенным здесь для кон-

траста с остальными окружающими его частями лица и весьма мало способствует к выражению страстей, волнующих душу, и не обнаруживает с достаточною вероятностью нравственного состояния человека или его характера.

Нос есть самая выдающаяся часть человеческого лица и придает много выражения всему лицу вообще; нос дает каждой черте лица особую рельефность, особое выражение, которых без него те части не имели бы.

Нос слитый со лбом, без углубления, без наклонности у своего корня, не свидетельствует ни о величии духа, ни о благородстве чувств.

Но без этого недостатка, почти перпендикулярный нос есть признак мужества, постоянства, настойчивости.

Орлиный нос указывает на силу характера, силу воли и мыслей.

Нос, корень которого широк, всегда указывает высокие качества. Эта форма весьма редка; но, по Лафатеру, непогрешительность ее неоспорима.

Нос приплюснутый, наклоненный к губе, принадлежит обжоре и сладострастнику.

Тупой и короткий нос принадлежит уму простому, легко поддающемуся обману.

Маленький, худой и подвижный нос свидетельствует о склонности к насмешкам.

Толстый и мясистый нос служит признаком лимфатического темперамента.

Ровный, прямой, как из мрамора, слегка вздернутый нос и совершенно неподвижный означает узость ума и холодность сердца. Если при этом ноздри его открыты, то это свидетельствует о страстности и чувственности.

Вздернутый нос также есть признак влюбчивости.

Известно, что древние считали нос зеркалом гнева. Они называли его также самою честною частью лица, потому что его раздутость и краснота обыкновенно указывают на склонность к нарушению общественных правил, законов и к невоздержанности.

Но краснота носа угреватого, особенно носа пьяницы, происходит от физиологической причины, а именно это происходит от накопления крови вследствие употребления крепких напитков; это накопление бывает сперва в мозгу, оттуда же переходит в нос, который есть продолжение черепа.

Рот. – Вот мы пришли к нижней части человеческого лица, которую Бог покрыл у мужчины волосами, конечно, для то-

го, чтобы скрыть черты чувственности, которые развиваются на этой части лица. Рот и губы есть центр этих черт.

Китайская пословица говорит: «Посмотри на лоб человека, когда хочешь узнать, чем он сделается, посмотри на его рот во время покоя, чтобы узнать, чем он стал уже».

Красноречивый даже во время молчания рот человека есть самая выразительная часть лица после глаз.

Рот – это чаша истины, любви, дружбы; но в тоже время он есть чаша обмана, измены, злости, нравственного падения и обжорства.

Рот слегка закрытый, имеющий правильное очертание, указывает на сильный и рассудительный ум.

Сжатый рот, у которого соединение губ представляет прямую линию, губы которого почти не возвышаются, указывает на холодность чувств, практический ум, любовь к порядку, аккуратности и опрятности.

Если в то же время рот возвышается, то он служит признаком претензии, суетности, тщеславия.

Всегда открытый рот есть признак глупости.

Толстые, соразмерные губы свидетельствуют о доброте и откровенности.

Но весьма толстые указывают на чувственность и леность.

Сжатые губы служат признаком тщеславия, иногда хитрости и склонности к злости и жестокости.

Укороченные губы обнаруживают скупость, жадность, алчность.

Каждому известно, насколько верхняя губа определяет вкус, наклонности, чувства любви; как изгибают ее гордость и гнев; как изостряет ее хитрость; как округляет доброта; как ослабляет ее и делает вялою распутство; какую невыразимую прелесть придает ей любовь.

Когда верхняя губа немного приподнята, то это признак великой доброты, часто также и слабости ума.

Если же нижняя губа отвисла, то можно догадываться о высоком уме, если только это не будет признаком холодного добродушия.

Если нижняя губа весьма мясиста, то это признак страстности; но рот, у которого углы понижены, указывает человека с дурными качествами.

Лафатер придает особое значение впадине на верхней губе, которую он называет pallium. Если эта впадина слишком глубока, как у Наполеона I, то она служит признаком редкой энергии как в добрых, так и в дурных делах.

Рот есть место улыбки.

Грация улыбки есть мера сердечной доброты и благородства чувств.

Тот, кто постоянно смеется, есть человек грубого и тупого ума.

Громкий смех выражает или великую радость, или великую глупость.

Улыбка принадлежит умному и умеренному человеку; это разумный смех. Часто она служит признаком доброты, добродушия, хорошего состояния духа. Но часто она служит маской вероломства, хитрости...

Остерегайтесь людей, которые имеют постоянную улыбку на губах, а равно и тех, у которых кривой рот!

Челюсти. – Зубы. – Челюсти отделены от остальных частей лица, служащих признаками духовных качеств человека, и сами служат признаком материализма.

«Сластолюбивы, – сказал Дебарроль, – они пробуют пищу и напитки, они любят удовольствие». Челюсти их компаньонки, но эгоистичные, жадные, слепо повинующиеся своему инстинкту растирать все, что на них попадает.

Чем шире челюсти, тем сильнее материальный инстинкт.

Обыкновенно называют *челюстью* человека глупого, тупого, слабоумного.

Длинные зубы служат признаком слабости и робости.

Зубы мелкие, глубоко сидящие в деснах, указывают на хитрость и тонкость ума; иногда же – на мстительный и тяжелый характер.

Зубы слишком выдающиеся и как бы держащиеся на нижней губе, указывают на недостаток энергии, но острый, всегда готовый уколоть, ум.

Всегда, как только при открытии рта бывает вполне видна верхняя десна, как у англичан, можно заключить о флегматичности и холодности характера.

Вообще мало придают значения физиономическим признакам, которые замечаются при наблюдении челюстей и зубов. Это дурно, как я укажу далее, когда буду говорить о животных наклонностях человека. Ибо, как сказал один замечательный наблюдатель: «Если природа поступила благоразумно, снабдив широкими челюстями и клыками кровожадных животных, то она с целью также одарила некоторых людей широкими челюстями и выдающимися зубами, чтобы поставить на вид всем их главный характер – жестокость и предостеречь других людей.

Итак, избегайте широких челюстей, еще раз говорю, избегайте; особенно, если череп заострен вверху, что бывает почти всегда при подобном строении челюстей и зубов.

Щеки. – Под щеками двигаются и сочленяются челюсти.

Сколько красоты и сколько безобразия могут щеки придавать человеку!

Щеки служат, так сказать, фоном для картины и поверхностью, на которой русуются другие черты лица.

Страдание и печаль вдавливают их; но оставляют в покое.

Грубость и глупость покрывают их большими морщинами.

Умеренность и образованность ума покрывают их легкими, приятно-округленными линиями.

Жирные щеки указывают вообще на склонность к чувственности.

Худые, напротив, и впалые щеки служат признаком степенности.

Небольшое дрожание в ближайших к глазам частях щек свидетельствует о чувствительном сердце и прямоте души. Такое свойство щек много способствует прелести улыбки; это термометр благородного и доброго характера.

Различные угловатые углубления, слишком резкие – непреложные признаки честолюбия, ревности, ненависти, особенно, если они совпадают с желтым или свинцовым цветом лица.

Слегка выдающиеся скулы служат признаком холодности.

Напротив, скулы сильно выдающиеся служат признаком пылкого ума и в то же время – обжорливости, особенно, когда жевательные части ярко обрисовываются под кожею.

Уши. – Уши составляют как бы необходимое украшение щек.

Хотя уши составляют самую малую часть головы и лица, как говорит Бюффон, и хотя они, будучи подвижными у большей части животных, остаются неподвижны у человека; несмотря на то, они имеют в физиономике весьма важное значение, которым не следует пренебрегать.

Наружная и внутренняя их форма, положение их относительно головы (отвислое или прижатое к черепу) и другие частности имеют значение в физиономике.

Так, например, большие, широкие и толстые уши служат обыкновенно признаком тупоумия.

Лоснящиеся и неподвижные уши указывают обыкновенно на холодность и эгоизм.

Слегка отвислые, подвижные и тонкие уши обозначают тонкий ум, храбрость, любовь к свободе и независимости характера.

Подбородок. – Большая часть подбородков, с первого взгляда, кажутся округленными. Подбородки четырехугольные, плоские и заостренные суть только исключения. Разверните двадцать паспортов, в девятнадцати из них вы прочтете: *подбородок круглый,* по крайней мере, во Франции.

Когда подбородок совершенно почти круглый имеет впадину в середине, то это признак доброты.

Когда он мягкий, мясистый, раздвоенный, то свидетельствует о чувственности, особенно у людей молодых.

Плоский подбородок, особенно у женщин, свидетельствует о холодности темперамента, а следовательно, и об эгоизме; точно так же, как и плоские губы.

Угловатый подбородок принадлежит вообще людям умным и ловким.

Толстый, жирный подбородок указывает на тупоумие.

Подавшийся назад подбородок служит признаком слабости нравственных качеств.

Выдающийся вперед или заостренный, он обнаруживает смелый, саркастический, насмешливый ум.

Костистый, худой, выдавшийся вперед и заостренный подбородок служит признаком или старости, или увядшей молодости, склонной к жадности и честолюбию.

Заостренный подбородок свидетельствует также о тонкости ума и хитрости; а когда он принадлежит слишком добрым и услужливым лицам, то угол проницательности служит признаком их доброты.

Итак, в физиономической системе Лафатера обращено внимание на все черты лица, на все мускулы тела, на все выпуклости черепа; из его наблюдений выходит, что чем более развит какой-либо орган, тем более энергии в той части тела, к которой он принадлежит.

Таким образом, в умственной сфере, занимающей главную часть лица человека, широкий, высокий, выпуклый лоб свидетельствует об уме и высоких душевных качествах.

В нравственной сфере, занимающей среднюю часть лица, крепкий и выпуклый нос, выдавшиеся скулы, челюсти указывают на честолюбие, гордость, желание возвыситься, эгоизм, доходящий до страсти.

В материальной сфере, занимающей нижнюю часть лица, длинный и широкий подбородок есть признак холодности, проницательности в материальных делах, выдающийся и округленный подбородок есть признак материальной силы; слишком толстый и жирный подбородок свидетельствует об энергическом влиянии материи на организм.

Если нос короток, а подбородок длинен, это признак превосходства материи над духом. Если верхние части развиты более подбородка, то это указывает на преобладание разума над материей. Если верхняя и нижняя части лица развиты одинаково, тогда происходит борьба между духом и материей, и из этих двух различных сил часто рождается великая энергия, в которой, впрочем, играет важную роль любовь к удовольствиям.

Прибавьте ко всем этим наблюдениям те, которые мы представим ниже, и вы будете видеть и осязать пальцами все клавиши, которые приводят в движение и выставляют наружу все характеры, разные страсти и наклонности человеческой души.

Один поэт-философ дает по этому поводу, хорошие советы живописцам, говоря:

Piens sous un air pensif l'ardente ambition;
Donne a l'effroi l'oeil trouble, et que son front palisse;
Mets comme un double fond dans l'oeil de l'artifice;
Que le front de l'espoir paraisse s'eclaircir;
Fais petiller l'ardeur dans les yeux du desir;
Compose le visago et l'air de l'hupocrite;
Que l'oeil de l'envieux s'enfonce en son orbite;
Eleve le sourcil de l'indomptable ergueil;
Abaisse le regard de la tristesse en deuil;
Peins la colere en feu, la surprise immobile;
Et la douce innocence avec un front tranquille.

Но все это есть не что иное, как изучение внутреннего и нравственного человека через наблюдение человека внешнего и физического.

Однако это не есть собственно так называемая физиономика, которая есть наука, учащая нас узнавать характер человека через наблюдение черт его лица *сравнительно с чертами животных.*

Теперь мы переходим к этому сравнительному изучению.

3. СРАВНЕНИЕ ЧЕРТ ЛИЦА ЧЕЛОВЕКА С ЧЕРТАМИ ФИЗИОНОМИИ ЖИВОТНЫХ

Бюффон первый из сравнения черт лица у человека и животных нашел, что и животные имеют свою физиономию, которая дает им некоторое сходство с человеком.

6 Зак. 37313

Как бы ни было грубо это сходство, оно достаточно, по мнению знаменитого естествоиспытателя, чтобы напомнить нам при взгляде на животных понятие о хитрости, храбрости, кротости, жестокости, которое мы получаем при взгляде на лица некоторых людей.

Только на этом простом наблюдении Лафатер попытался основать целую науку.

Лафатер берет за основание своего учения то, что всякий человек имеет более или менее явное сходство с каким-либо животным, первобытный характер которого на нем отразился.Он говорит, что «если бы можно было видеть души людей, то мы ясно увидели бы то странное явление, что каждый индивидуум рода человеческого имеет сходство с какою-либо породою животных; равно как узнали бы легко и ту истину, которую едва мог предвидеть мыслитель, что все животные, от устрицы до орла, от свиньи до тигра, есть в человеке, и что иногда их бывает по нескольку вместе».

Не желая провозглашать эту систему за неоспоримую, я все-таки того мнения, что она далеко не химерическая.

Я прибавлю, что Ла-Фонтен и Гранвилль, великие моралисты и живописцы, стали самыми красноречивыми, самыми неопровержимыми адвокатами этой системы, сделавшись красноречивейшими и вернейшими толкователями животной природы: Ла-Фонтен, влагая в животных человеческую речь, Гранвилль, сообщая людям физиономии животных.

Оба они изображали людей и животных со всевозможным разнообразием, которого требовало различие страстей, нравов и характеров различных пород животных.

В самом деле, иной раз можно подумать, что весь мир людской состоит из баранов и волков, тигров, львов, коршунов, сорок, лисиц, петухов, собак, голубей, ослов, свиней, индийских петухов и пр., в человеческой только форме, с инстинктами и характеристическими признаками кротости и жестокости, глупости и хитрости, тщеславия и скромности, чистосердечия и бесстыдства, и пр., которыми природа снабдила каждое из этих животных?

Несомненно то, что, проходя по всей лестнице животного царства, мы найдем физиономии животных сходные с лицами людей, и что всегда у человека, черты которого напоминают черты одного из животных, мы встретим качества, наклонности, свойства характера, сходные с инстинктами того животного.

При изучении этого сходства внимание наблюдателя должно быть обращено преимущественно на главную, общую форму и на дугу лба, а также на положение глаз и их взаимное расстояние друг от друга и еще на серединную линию губ.

Приложим все это к физиономиям, которые представляют разные животные, и мы увидим, до чего может простираться сходство животных с человекам.

Голова льва. – «Человек, имеющий профиль лба и носа, сходный со львиным, – говорит Лафатер, – не должен быть обыкновенным человеком, хотя я еще и не видел профиля человека совершенно сходного со львиным. Нос льва, конечно, далеко не сходен с носом человека; однако он имеет более сходства с человеческим носом, чем нос всякого другого животного». Итак, физиономия льва после обезьяньей наиболее имеет сходство с лицом человека. Энергия, сила и отвага в соединении с достоинством и добротою в часы спокойствия – вот что выражается на физиономии льва, как и на физиономии человека, черты которого в своей совокупности представляют сходство с чертами физиономии царя зверей.

Голова свиньи. – Как весьма заметный контраст, посмотрите на морду свиньи в профиль и на лица некоторых людей – и вы найдете у них сходство, особенно в той части, которая находится между ухом и углом рта. Основание рта у свиньи свидетельствует о самой грубой чувственности, глаз – о фальшивости, рот – злость; изучите со вниманием человека, имеющего сходство со свиньею, по наружности вы найдете в нем указанные качества более или менее развитые.

Голова овечья. – Хотя весьма мало, но все же есть физиономии у людей, напоминающие собою физиономию овцы. Главное качество овцы – совершенно бездеятельная, пассивная глупость; голова, округленная вверху, означает неспособность ко всему, что требует проницательности, силы; а линия губ в тоже время обнаруживает отсутствие всякой возможности противопоставить силу силе. Жорж-Санд так говорит о подобной голове: «Вверху – голова Гречанки, внизу – овцы». Крепкий мозг и слабое сердце.

Собачья голова. – Сходство человечьей головы с собачьей не редкость. Мало животных имеют столько лба вверху глаз, как собака. Главные свойства людей, головы которых сходны с собачьими, – проницательность, самоотверженность и преданность. Это последнее качество особенно бывает развито у тех людей, головы которых напоминают собою головы собак с висячими ушами.

6*

Волчья голова. – Сколь ни мало различие между головами собаки и волка, однако оно весьма заметно. Особенно оно заметно в наклонении вершины черепа и в крутых линиях, идущих ото лба книзу, что особенно заметно у людей, имеющих головы сходные с волчьими; эти линии особенно много придают такого сходства. В нижней челюсти этих физиономий есть признаки, свидетельствующие о полном отсутствии расположенности к нежным чувствам, которая так заметна на всех лицах, имеющих сходство с собачьей мордой. Отсюда симпатия к лицам последнего рода и страх, который внушают первые.

Птичья голова. – Сходство человеческих лиц с физиономиями разных птиц, особенно птиц с коротким клювом, – курицы, голубя, перепела – весьма часто встречается у женщин. Такое сходство обнаруживает большое развитие чувств и любви к семейству и дому.

У мужчины нередко сходство с птицами хищными; оно обнаруживает отвагу, благородство мыслей, но вместе с тем и недостаток нежных чувств. Это сходство бывает особенно поразительно, когда смотрят на лицо снизу.

Часто находят склонность к жадности, алчности и скупости у тех людей обоих полов, которые, имея круглые глаза, тонкий нос, покатый лоб и заостренный конец подбородка представляют поразительное сходство с *сорокой*. Известно, что эта птица имеет инстинкт, заставляющий ее воровать и прятать блестящие вещи, металлические и ценные, которые она может утащить, не будучи земечена; инстинкт этот вовсе не объяснен.

Голова пресмыкающихся. – Есть люди с головою жабы, лягушки или змеи. Так как змея имеет очень выдающиеся глаза и так как один из признаков человеческой расы есть сравнительная малость глаз и большое их углубление, то сходство человека со змеею не может быть уловлено сразу. Но сравните рот человека и пасть змеи, да прочтите кроме того книгу Лассерра под заглавием «Змеи», и тогда вы, вероятно, найдете много сходства.

Рыбья голова. – Чуждая всякого семейного, родственного чувства, не принимая никаких стараний и забот о своих детях, которые должны продолжать породу, лишенная голоса, которым бы можно было сообщить другим свои чувства, рыба не может иметь другого выражения физиономии, кроме выражения отсутствия всякой мысли. То же самое выражение имеют некоторые люди с головами карпа, щуки, ската или семги.

«В этой голове есть нечто телячье и нечто лисье, но телячьего больше», – сказал один физиономист последнего столетия, рассмотрев со всех сторон голову одного государственного человека. Это двойное сходство кажется невероятным.

Однако физиономия человека часто только отражает инстинкты, наклонности, сходные с инстинктами и наклонностями сходных с ними животных.

В этом отношении весьма важно заметить, что самые малосмышленые животные, наименее способные к человеческим чувствам, суть те, которых общее строение тела и физиономия наиболее удаляются от строения тела и физиономии человека.

Сравните, например, головы рака, слона и человека, и вы вполне убедитесь в высказанной истине.

Сверх того все, что в системе Лафатера было лишь загадкою, в краниоскопической системе доктора Галля вполне разрешено.

Это разрешение еще более подтвердили новейшие указания доктора Ловерна, которого ученые экскурсии в Корсику, Грецию, Египет, Бразилию и пр., в соединении с продолжительными его наблюдениями над галерниками в Тулоне, имеют для нас столь важное значение.

По Лафатеру, пределы мозга у человека и животных не оканчиваются одним черепом. К нему принадлежит вся нервная система наружных чувств, которая составляет принадлежность головного мозга и развитие которой скорее относится к усовершенствованию инстинктов, чем умственных способностей.

Превосходство того или другого чувства определяет положение существа в этом мире.

Вследствие совершенства, например, органа зрения, орел всегда парит в высоте, останавливается в вышине, обращает свой взор к главным горным вершинам, измеряет пространство, которое предстоит ему пролететь, и направляет свой полет. Устройство его глаза, имеющего свойство зрительной, приближающей трубы, и необыкновенная острота зрения при известных его инстинктах, дали орлиному взгляду такое значение, что простого анатомического наблюдения достаточно, чтобы посмеяться над учением Галля.

«У животных, – говорит ученый доктор, – даже у орангутанга и других обезьян, вы всегда заметите части мозга в виде пластинок или нитей, которые повелевают головою и с помощью ее позволяют предугадывать склонности и чувства».

Какая нужда заставляет подкреплять это новыми доказательствами? Достаточно напомнить известные уже наблюдения: *нос* охотничьей собаки и *обоняние* травоядных животных; совершенство или, лучше сказать, величина и сила органов *обоняния* и *вкуса* у больших хищных, органы *слуха* у зайца и проч.

Зубы, по словам доктора Ловерна, также служат характеристическим признаком господства тех или других качеств у человека и животных.

Вот в кратких словах изложение любопытной теории зубов знаменитого тулонского доктора.

Не столько ли *зуб* с его мякотью есть продолжение мозговой массы, как нерв распространяющийся по сетчатой оболочке глаза?

Форма зубов и их помещение в челюстях на столько же зависят от мозга, как свод черепа у всех животных, имеющих голову.

Дантисты, занимавшиеся своею практикою, сопровождая ее философскими рассуждениями, должны были часто замечать соотношение между формою и расположением зубов и характером, умом, даже страстями индивидуумов.

Великие живописцы при наблюдении своих оригиналов часто успешно передавали физиономический характер *челюстной системы* слишком много или слишком мало развитой.

Зубная система имеет большое значение в френологии и физиономике.

Зубы, назначенные к приисканию и выбору в пище питательных веществ, вполне служат инстинкту.

Инстинкт у всех людей предшествует разуму; для большего числа населения достаточно лишь прожить свой век, удовлетворяя только свои насущные потребности.

Дикие народы наилучше объясняют эти мнения о зубах.

У тех дикарей, которые питаются преимущественно мясом, едят своих неприятелей и ведут войны только для удовлетворения своих главных склонностей к воровству и жестокости, инстинкт кровожадности явно обнаруживается собачьими зубами – настоящими клыками.

Напротив, у тех, которые питаются растениями, плодами и кореньями, челюсти усыпаны белыми и широкими зубами, способными к растиранию пищи.

В анатомическом музее тулонских галер показывают телячью голову одного галерника, которую можно определить, рассмотрев внимательно только зубную систему.

Характер животных наклонностей можно определить по устройству органов чувств и костей лица, равно как, может быть, даже и лучше, по очерку черепа.

Это хорошо знали скульпторы Древней Греции, вовсе незнавшие анатомии мозга, – только чрез наблюдение линий личного угла.

Личным углом называется угол, образуемый двумя линиями, из которых одна идет от самой выпуклой части лба до резцов верхней челюсти, а другая – от резцов до слухового отверстия.

Чем острее этот угол, тем менее объем мозга и тем менее развит ум.

Голова человека, самого умного их всех существ, представляет самый тупой личный угол.

Если от человека перейдем к животным, то найдем, что этот угол более и более сужается по различным ступеням животной лестницы.

Поэтому греческие художники для изучения физиологии человека по внешним признакам делали свои наблюдения над животными.

Так как сильные наклонности и неукротимые страсти составляют характер животных, они всегда старались изобразить лицо человека или божества, выражающим эти качества, когда хотели представить их верными и любящими, как собака; смышлеными и грубыми, как обезьяна; благородными и сильными, как лев.

Однако, прежде чем новейшие наблюдатели Кампер, Блюменбах и другие составили теорию *личного угла*, великие греческие художники уже понимали его значение.

Сравните оставленные ими бюсты великих людей: Нерона, Каракаллы, с бюстами Сенеки и Зенона, вы увидите, что разница в строении их головы и выражении лица совершенно такая, какая должна быть, судя по описанию их нравов и характеров.

Это не значит, что их произведения совершенно безупречны в этом отношении; – свидетельством тому служит их голова Венеры, строение которой заставляет предполагать в Венере совершенную идиотку.

Но за этим единственным исключением головы их божеств по развитию органов мышления доказывают, что их наблюдения были очень серьезны.

В самом деле, какая разница между головою атлета и Аполлона! Между головою Силена и Юпитера!

Впрочем, эти различия между головами людей и богов вовсе не препятствуют сравнить голову языческого божества или человека с головою того или другого животного.

Животные наклонности составляют характер всех языческих богов, как самое натуральное толкование их атрибутов.

Египет первый представляет нам пример бога-животного. Надобно сказать, что его бог Апис был только отражением бычьей физиономии всего населения. Подобный тип находят еще у Коптов, рассеянных в Сенааре.

Такой тип часто встречается на галерах. Есть много убийц с большими, навыкате глазами, с широкими ноздрями, с громадными коренными зубами, с подавшимся назад мозгом, что составляет верный признак глупости и большой силы мускулов.

О таких арестантах обыкновенно говорят тюремщики: «Это доброе животное, сильное как бык; когда он не сердит, то не тронет дитяти».

Но когда он раздражен, тогда берегитесь его, как Минотавра!

Если я настаивал на соотношении между физической и нравственной природой человека с разными типами животных, то это потому, что характеры черепов и физиономий кажутся мне, как и доктору Ловерну, самыми верными указаниями или проводниками к изучению нравственного человека.

Чувство человеческого достоинства не должно возмущаться при сравнении нас с животными; потому что это сравнение относится к более животным качествам человека; высшие же свойства духа – исключительно человеческие – самопознание, сознательная самоотверженность, религиозность – при этом сравнении вовсе не могут иметь и места.

§ 4. ХИРОМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Хиромантия – наука, начало которой положено изучением руки.

Хиромантия, основатель которой есть Арпентиньи, имеет своим предметом форму рук и характеристические знаки или линии рук.

Хиромантия, тайны которой нам открыл Дебаролль, имеет своим предметом узнать инстинкты и судьбу человека по расположению бугорков и линий рук; эта наука была в древности предметом *магии*.

По моему мнению, первая часть этой науки достойна изучения; но и второю не должно совсем пренебрегать.

А. ФОРМА РУКИ

Всякий человек носит с собою историю своей жизни, которую могут читать только посвященные. Природа, чтобы дать нам возможность отличить честного человека от плута, не перестает представлять нам картину в тысяче видов, имеющую в этом отношении сходство с алмазом, грани которого отбрасывают тысячу разных отблесков света, все исходящие от одного камня.

Природа также написала эту историю на руке; развернем ее.

Пальцы. – Хиромантия различает пальцы руки *острые*, *угловатые*, *лопатчатые*, т.е. представляющие на концах своих род более или менее широких лопаток.

Кроме того, она разделяет эти три сорта пальцев на *гладкие* и *угловатые*, т.е. имеющие коленца у первого, у второго или у третьего сустава.

Вот значение каждой формы пальцев:

Острые – религиозность, воображение, идеализм, искусства, поэзия; – заблуждение, ложь, мечтательность, беспорядочный лиризм, глупая нежность, религиозный фанатизм.

Угловатые (на концах) – разум, порядок, размышление, повиновение необходимости; – честность, деспотизм, нетерпимость к тому, что не нравится.

Лопатчатые – деятельность, движение, телесный труд, положительность, материальные интересы, любовь к удовольствию; – смелость, дерзость, желание быть на виду, тирания, сплетничество.

Гладкие – впечатлительность, волнение, расчетливость, расторопность, минутное вдохновение, удаляющее расчет, способность быстрого суждения; – ветренность, капризность,

Угловатые (у суставов) – рассудительность, расчетливость, способность к точным наукам; – эгоизм.

Суставы. – Пальцы делятся каждый на три весьма ясных сустава:

Первый *сустав*, носящий на себе ноготь, служит признаком воли, изобретательности, предприимчивости. Длинный и крепкий, он указывает на твердую волю и энергию; уверенность в самом себе, чрезвычайное желание считать свои действия совершенными. Если он слишком длинен, то это служит признаком стремления воли к господству и тирании. Слишком короткий – он есть признак бессилия к сопротивлению, беспечности, трусости и пр. Среднего размера – он указывает на равновесие этих различных качеств.

Второй *сустав*, средний, служит признаком степени логики, то есть понятия, суждения, верности взглядов. Если он длинен и крепок, то это служит признаком сильного разума; если он короток, то указывает на слабость мыслительной способности.

Третий *сустав* указывает на степень развития чувственной любви. Слишком толстый и длинный, особенно у большого пальца, которому он служит корнем, служит указанием на господство в человеке грубой страсти, если он средней величины и в гармонии со всей рукой, то это служит признаком влюбчивости, но не излишней; если он короткий, плоский, малозаметный, то это указывает на слабость, склонность к чувственным удовольствиям. Вообще, толстые, особенно при основании, пальцы всегда указывают на любовь к чувственным удовольствиям, к сладострастию или обжорливости.

Гуляки и женщины дурной жизни всегда имеют первые два *сустава* короткие и слабые, а третий весьма развитой.

Три сустава представляют в *хиромантии* три мира; первый – *мир божественный*, второй – *отвлеченный*, третий – *мир материальный*.

Два узла, соединяющие суставы пальцев, представляют переходы между тремя мирами.

Первый называется узлом философским.

Второй – узлом материального порядка.

Философский узел, когда он довольно выпуклый, свидетельствует о хорошем состоянии мышления; а *узел материального порядка* значительно развитый вполне соответствует своему названию.

Большой палец. – Все вышеописанные признаки особенно заметны на большом пальце.

Главный признак высшего животного – рука; главный признак человека – большой палец, сказал Арпентиньи.

Основатели сект, властители, честолюбцы, изобретатели, Дантон, Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц, С. Симон имели слишком длинные большие пальцы.

Вольтер, сердце которого было вполне подчинено мозгу, имел огромные большие пальцы.

Альберт Дюрер, Шекспир, Монтен, Ла-Фонтен, Стерн, Людовик XIV имели слишком короткие первые суставы больших пальцев.

Широкий, почти круглый первый сустав большого пальца всегда указывает на упрямство; если при этом не достает смысла, то упрямство непреодолимо. Если же притом этот сустав и короток, то упрямство доходит до гнева, убийства и самоубийства.

Ногти. – Маленькие, закрытые кожею, короткие и широкие ногти всегда служат признаком вздорного характера, придирчивости и грубости.

Кроме всех этих признаков, хиромантия дает еще особое значение *коротким* или *длинным*, *жестким* или *мягким* и *красивым* рукам.

Короткая и длинная рука. – Большая рука – признак мелочности ума. Бальзак, мелочный писатель, имел большие руки. Англичане, у которых всегда длинные пальцы, отличаются описанием мелочей. Фламандцы и немцы имеют очень длинные пальцы.

Люди с *длинными*, узловатыми пальцами обыкновенно очень осторожны.

Длинные руки, узловатые, с большим пальцем довольно большим обыкновенно придирчивы. Любовь спорить, вести полемику, инстинкт противоречить часто встречаются у людей с большими руками, узловатыми и угловатыми пальцами.

Короткие пальцы, особенно *ровные*, принадлежат людям с быстрым суждением, которые не обращают внимания на мелочи и не могут замечать их.

Толстые и негибкие пальцы при коротком, поднятом вверх большом пальце, при толстой и твердой ладони служат признаком господства материи над духом.

Короткие пальцы при длинной ладони указывают на грубость.

Жесткая и мягкая руки. – Жесткая рука – признак деятельности, труда; она не может оставаться в бездействии.

Магомет имел такую руку; он сам убирал свою палатку, подвязывал свои сандалии и никогда не оставался без дела.

Жесткая лопатчатая рука служит признаком еще большей деятельности, заостренная рука имеет то же значение, если она жестка; только она к силе присоединяет изящество.

Слишком жесткая рука служит верным признаком нерассудительности или; по крайней мере, тяжелого, но быстрого ума.

Мягкая, нежная рука есть признак лености. Мягкая лопатчатая рука служит признаком лености во всех занятиях, кроме свойственной ей работы, – копания.

Рука удовольствий. – Есть рука страстная, ленивая; но пылкая к удовольствиям и способная добиваться их.

Она толста, как бы надута, пальцы ее гладкие и острые, без узлов и распухшие при основании третьего сустава. Кожа на ней белая, гладкая. Такая рука имеет ямочки; ладонь ее крепкая, мясистая; особенно развит корень большого пальца. Большой палец у нее обыкновенно очень короток.

Женщины с такими руками способны магнетизировать мужчин; они привлекают их к себе, как пучина Сцилла и Харибда. Слабые как бы стушевываются при прикосновении к ним; сильные приобретают опытность в зле и презрение к пороку.

Рука удовольствий, которую ставят в ряду самых красивых, есть принадлежность женщин, которых называют *мраморными красавицами.*

Кожа бело-матового цвета не краснеет на воздухе; она кажется нечувствительной к действию холода и жара. Такая белизна и красота руки служит верным признаком эгоизма.

Характеристические приметы различных форм руки объясняются влиянием, которое оказывает на все тела природы великий магический деятель, обнаруживающийся в нас явлениями теплоты, света, электричества и магнетизма.

Особенно сильно чувствуется влияние на руки, которых острые пальцы притягивают к себе электричество, как магнитное острие громоотвода.

Если *пальцы гладкие* и служат хорошим проводником, то действие электрического тока бывает быстрое.

Поэтому являются восторженные проповедники, вдохновенные поэты: Мильтон, Шекспир, Шиллер, Гете, Сведенборг, Шатобриан, В. Гюго, Жорж-Санд.

Угловатые пальцы, своей широкой формой задерживают ток, давая таким образом утихнуть вдохновению, а уму – рассудить. Мольер, Реньяр, Ла-Фонтен, Вольтер, Гуссен, Людовик XIV, Тюренн, Вобан имели *широкие* пальцы.

Лопатчатые пальцы представляют своей формой еще более препятствия.

Однако если пальцы ровные, будь они острые или широкие, лопатчатые, то ток проходит по ним беспрепятственно, как река по долине.

Тогда и лопатчатые пальцы не мешают явиться Рубенсу, Рембрандту, Жордену.

Узлы, как мы видели, ослабляют течение тока во всех трех родах пальцев – острых, широких и лопатчатых.

Но еще встречается множество препятствий для тока в разных возвышениях и линиях ладони, которыми мы сейчас займемся.

В. ВОЗВЫШЕНИЯ И ЛИНИИ ЛАДОНИ. ХИРОМАНТИЯ

Древние кабалисты разделяли людей на семь различных категорий соответственно семи главным небесным светилам: Солнцу, Луне, Юпитеру, Сатурну, Меркурию, Марсу и Венере.

Главный электрический ток, о котором я говорил выше, составился из различных токов, происходящих от семи главных лучей, исходящих из одной точки.

Тем же самым образом главный цвет, имея преимущество перед всеми другими цветами, абсолютно не отражает других, но уподобляется им, – равным образом каждая из категорий людей, подвергаясь все более сильному влиянию главной планеты, может подвергаться влиянию второстепенных планет, откуда через бесчисленное смешение, происходит бесконечное разнообразие человеческого рода.

Следовательно, через влияние господствующей небесной планеты, особенно притягивающей, люди, или через ее наследственное образование, или через столкновение ее при своем происхождении, получают отличие, как предметы получают цвета.

Свет Солнца не исключительно необходим для мира, для растений; это доказывают прекрасные ночи в Перу и (жалкое) растение Молюков, цветущее только ночью, мох, растущий на скалах; растения, неприметные для глаза, которые покрывают стволы деревьев, растущих во влажных местах, и эти тысячи растений, которые более растут зимою, разрушают все наши рассуждения о невидимом действии теплоты, – то же самое замечает M. Bernardin de Saint-Pierre в своих этюдах природы.

Есть однако же растения, на которые влияние планет, как Сатурна и Луны, сильнее иногда влияния Солнца. Применяя эту систему ко всему существующему, нельзя не прийти к тому убеждению, что каждая планета влияет на известного рода растения, которые рождаются и растут под ее влиянием, – равно ее влиянию подвергаются драгоценные минералы, которые она отмечает своим знаком, *подобно тому, как она отмечает им людей.*

Влияния звездного и планетного света, рассматриваемые в их отношениях к различным видам и к темпераментам людей, чрезвычайно любопытны при изучении. M. Desbarollcs описал различные типы своим остроумным и живым пером. Я могу только посоветовать читателю обратиться к ним, считая себя в этом случае обязанным не выходить из тесных рамок моей специальности.

Только я должен прибавить к предшествовавшим рассуждениям те, которые необходимы для совершенного понимания той части, о которой я рассуждаю в настоящее время.

Это касается законов симпатий, благодаря которым Земля *говорит* и приводит в соединения людей, детей; благодаря этим же законам бесчисленные миры творения обобщаются.

Таким образом, человек находится в зависимости от планет чрез цепь всеобщего согласия.

Равным образом это относится и к тому, что магнетическое отражение небесной тверди может наделять человека, подобно феям наших сказок, при его рождении добрыми или гнусными качествами, смотря по влияниям планеты, над которой тяготеет в этот момент вращение миров.

В центре Земли есть фокус *планетного света,* вдыхающий и выдыхающий всеобщую жизненность, беспрестанно поддерживаемый питанием Солнца, которое постоянно идет от него, чтобы снова возвратиться к нему.

Сам человек имеет то центральное начало, которое влечет его к водовороту света, подобно тому, как каждая планета имеет ядро, соединяющее ее с такими же планетами.

Человек есть микрокосм (малый мир), сказал Rabalais.

Судя по аналогиям, выходит, что все происходящее в большом мире замечается в малом.

Но *рука* есть результат человека, его активный микрокосм.

Следовательно, когда аналогии точны между идеями и формами, переходя от степени к степени, от великого к малому, от Вселенной к человеку, от человека к руке, мы видим, что на руке отпечатлеваются признаки Вселенной; – равно из этого следует и то, что роковое назначение человека находиться в согласии со всеобщей гармонией, рука должна носить знаки этой гармонии, которой она также не чужда.

Такова хиромантическая теория кабалистики над рукою, которую древние рассматривали как посредницу между человеком и небом.

Сделаем из этого теперь применение, начиная с пальцев.

1. *Пальцы.* – В хиромантии каждый палец берет название от планеты и, принимая ее имя, он берет также качества, приписываемые ее влиянию.

Указательный палец – это *Юпитер*, божественный палец, палец царя богов, – палец, который указывает, угрожает, повелевает; он обозначает наклонность к духовному воззрению, к созерцанию; четырехугольный – указывает на способность схватывать истинную сторону вещей; лопатчатый указывает на присутствие мистицизма.

Средний, или большой палец – это Сатурн. Сатурн печален. Этот характер преобладает в пальце широком и раздутом до безобразия. Если он четырехугольный столько же, сколько раздут, то деятельность его будет плачевная. Если он только четырехугольный, то означает только важность. Если он остроконечный, то, что очень редко, влияние Сатурна преобладающее; там будет просто беззаботность.

Безымянный – это *Солнце, или Аполлон* – бог художеств. Остроконечный – означает созерцательное искусство; четырехугольный – искусство положительное; лопатчатый – способность к деятельности.

Мизинец – это *Меркурий*. Остроконечный указывает на остроумие, тонкость, могущую переходить в хитрость. Четырехугольный указывает способность к наукам, любовь к исследованиям, к изучению чего-либо и т. п. Лопатчатый указывает на живость в тех же самых способностях и, при неправильном их значении, на наклонность к воровству.

Большой палец – это вместе *Венера и Марс*, так сказать, вся жизнь: любовь и борьба. По своей форме большой палец представляет Вселенную. Большой палец может все изменить; пересекая целую руку, он является на ней королем потому, что он соединяет волю, логику и любовь, источник жизни.

Большой палец короткий есть великий враг женской добродетели. Но он охраняет их добродетель.

Таким образом, сама рука может получать от формы ее пальцев наклонности весьма приметные и весьма различные.

2. *Возвышения.* – При корне каждого пальца на ладони руки находится бугорок.

Каждый бугорок соответствует планете, имя которой носит каждый палец, и от которой он получает благоприятное или неблагоприятное влияние, смотря по более или менее совершенному развитию бугорка.

Возвышения указательного пальца, или Юпитера, самой прекрасной из планет.

Качества: пылкая религия, благородное честолюбие, веселость. *Излишества:* суеверие, чрезмерная гордость. – *Отсутствие:* беззаконие, эгоизм, вульгарные наклонности.

Возвышение среднего или большого пальца, или Сатурна, упадшего короля неба; время, которое пожирает после двенадцати месяцев свое дитя, год; время, отягченное исполнением велений судьбы, судьба.

Качества: благоразумие, мудрость. *Излишества:* молчаливость, печаль, религиозный страх.

Отсутствие: жизнь незначительная.

Возвышение безымянного пальца, или Солнца, или Аполлона, прекрасного и благородного бога искусств. Качества: все то, что блестит, делает блестящим; вкус во всех прекрасных вещах, тихая душа; любимая религия. *Излишества:* любовь к золоту, к чванству, стремление к славе во что бы то ни стало, нахальство, низкая зависть. *Отсутствие:* монотонная жизнь, подобная дню без Солнца.

Возвышение мизинца, или Меркурия – прекрасного, элегантного вестника богов. Качества: разум высшего мира, бодрость духа, красноречие, разумная и честная спекуляция, быстрота в действии, подобная быстроте в мыслях. *Излишества:* Меркурий есть также бог воров; откуда воровство, грубость, ложь, недоверие, наглая торговля, невежество. *Отсутствие:* недостаток способности ко всему тому, что составляет знание или коммерцию.

Возвышение большого пальца, или Венеры, богини красоты, матери любви. Это возвышение образуется корнем большого пальца. *Качества:* волокитство, желание нравится, обязанность любить, благосклонность ко всем, любезность, вежливость, честная любовь. *Излишества:* распутство, наглость, качество непостоянства. *Отсутствие:* хладнокровие, эгоизм, недостаток энергии и души.

3. Ладонь руки. – Ладонь руки разделена на три пояса: *Мир материальный,* который занимает на ней весь низ; *Мир естественный,* который занимает всю середину; *Мир божественный,* который занимает всю верхнюю часть.

Ладонь руки выпуклее других возвышений, чем те, которые мы начинаем рассматривать, и бороздчатее тех линий, которые мы будем исследовать.

Возвышение Марса находится против возвышения Венеры или большого пальца, на краю ладони руки. *Качества:* все качества бога войны.

Излишества: гнев, жестокость, наглость, кровожадность. *Отсутствие:* трусость, ребяческая глупость, недостаток хладнокровия.

Равнина Марса. Возвышение Марса, представляя качества бога, потому что он представляет сопротивление – излишество возвышения Марса, который олицетворяет собой борьбу, является в виде равнины Марса в горсти ладони руки.

Возвышение Луны. Возвышение Луны занимает с возвышением Венеры половину ладони. Таким образом, соединенные они образуют *мир материальный.* Луна, это целомудренная Диана, капризная Феба. *Качества:* воображение, сладкая меланхолия, сентиментальная поэзия, стыдливость, любовь к уединению и к тайне. *Излишества:* искаженное воображение, отчаяние без причины, непостоянные желания, грусть. *Отсутствие:* недостаток идей, поэзии, безотрадность, положительность.

4. Линии. – Возвышения, о которых мы говорили, при их основании ограничены линией, которая представляет в горсти руки первую прямую черту буквы М.

Эта первая линия названа *линией сердца.* Она означает доброе сердце, развитие страстей.

Линия, которая следует ей и которая делает прямую черту середины буквы М, называется *линией головы.* Она означает здравое суждение, ясный ум, а также твердую волю.

Третья линия, или последняя, прямая черта буквы М, округляя возвышение большого пальца, есть самая большая. «Она подобна ручью, стремящемуся вниз с холма». Называют эту линию *линией жизни,* это знак прекрасного характера.

Различные изменения в качествах трех главных линий суть результаты ветвей, которые их удлиняют или разделяют, *крестов, звезд, созвездий, кругов, точек, треугольников, цепей, полос, тончайших линий* и других час-

7 Зак. 37313

тиц, представляемых ими иногда в горсти руки, на возвышениях или на фалангах пальцев; частиц, которые ясно различаются и о которых следует читать в серьезной книге г-жи Desbarolles.

Линия, умолчать о которой здесь я не в праве, есть та, которая образует полукружие выше Сатурна и Аполлона, т. е. среднего и безымянного пальцев.

Эта линия, которая берет начало между указательным пальцем и средним, и, теряясь между безымянным и мизинцем, названа *кольцом Венеры.*

Свойства *кольца Венеры* уже видны из ее имени. Это пылкая любовь, слепая, сладострастная; это разврат.

Если эта полукруглая линия разломана в той и другой руке и составляет как бы развалины, положенные одна подле другой, то это означает наклонность к противоестественному удовлетворению страстей.

Если она двойная, тройная, дурно обрисованная, но всегда ломаная, то это означает любовь и привычку к уединенным удовольствиям, влечение ко всем сценам разврата; и если эти линии глубоки, распутство, доведенное до последних пределов.

Если вместо того, чтобы быть скрытым вначале, между безымянным пальцем и мизинцем кольцо Венеры скрывается на корню этого последнего пальца, то этим указывается та гибельная страсть, которая для своего насыщения употребляет грубость, ложь, воровство.

Хиромантики придают большое значение цвету линий. Цвет служит всегда к распознаванию темпераментов.

Бледная линия указывает на темперамент флегматический, и, следовательно, лимфатический. Линия *красная* – человека сангвиника, холерика. Линия *желтая* означает темперамент желчный.

Багровая линия есть знак меланхолического темперамента.

В кабалистике *красный* цвет означает стремление к идеалу, силу; *белый* – разум, спокойствие; *багровый* – влечение к материальным интересам, злу, беспорядкам.

ОСОБЕННЫЕ ПРИМЕТЫ В ХИРОМАНТИИ ВОРОВ И УБИЙЦ

Провидение наложило на каждое ничтожное существо тип особенности. Следует включить в эту категорию: женщин распутных, жадных и коварных, о которых я буду говорить в отделе, посвященном мошенницам, *воров* и людей, инстинктивно стремящихся к *убийству*, убийц. Понятно, что мы можем указывать только общие черты для этих различных типов. Исключения найдутся сами собою.

Воры. – Вообще, воры имеют пальцы длинные, тощие, сухие, узловатые и лопатчатые. Хиромантия дает им форму решетки или креста на возвышении Меркурия. Крест, оконечности которого изгибаются вовне, указывает вора, который не остановится и перед убийством.

Убийцы. – Люди, *стремящиеся к убийству*, или убийцы с весьма красною кожею или зеленою. Люди с красною кожею будут стремиться к убийству через гнев или разврат; другие по инстинкту делать зло. Первые имеют глаза блестящие, дикие и устремляющиеся, другие имеют глаза мутные, жестокие. Те и другие с руками дурно сложенными, с искривленными пальцами, с толстым большим пальцем, особенно, если рука крепкая. Различают на их руках, если не у всех, то по крайней мере у некоторых из них следующие линии: линии малоглубокие, но цвета темного, на суставе пальца Меркурия; – линия сестра жизни, но только внизу; – линия головы весьма толстой, с маленькими линиями цвета темного; – линия головы сопровождаемой кругом или двумя кругами; – линия головы, образующей угол с линиею сердца, но отделенная от жизненной; ногти чрезвычайно короткие и изогнутые; - линия жизни надутой при отделении, между большим пальцем и указательным; – красные пятна, замечаемые без всякого порядка на линии жизни; О две фигуры полукруглые в долине Марса; – линия жизни чрезвычайно; грубой во всем ее продолжении; – линия сердца загнутая при своем отделении, и, спускаясь, образующая полукруг на линии головы, где она теряется, приближаясь к линии жизни; крест в равнине Марса указывает также на человека сварливого, жаждущего драки, ссор.

Иногда находят истину в сновидениях: исследуя форму тени, можно восстановить форму и того предмета, который бросает эту тень. Раво, исследуя тень истины, находит самую истину.

7*

§ 5. ПЛАСТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

Всякое органическое существо представляет собой нечто единое, какую-то замкнутую систему, части которой соответствуют друг другу и помогают достижению их назначения взаимным противодействием.

Этот принцип, положенный знаменитым натуралистом Кювье в основу различия существ между собою, Лафатер приложил уже с большим успехом к различию индивидуальностей тех существ и преимущественно людей.

По Лафатеру, почти безразлично можно принять за основание суждения о качествах индивидуума голову или тело, лоб или руки, лицо или ноги, черты лица или движения рук.

«Ибо, – говорит он, – природа все производит из одной материи и притом все связывает воедино: спину с головой, плечи с руками, руки с пальцами и т. д. Все идет из корня в ствол, из ствола в ветви, из ветвей в листья, плоды, цветы».

Итак, все в человеке истекает из одного, и в одном содержится все; каждая часть носит в себе характер целого.

И как каждая часть тела имеет отношение ко всему телу, то и форма всего тела зависит от формы каждой его части, взятой отдельно.

Вот почему все имеет длинную форму, когда голова длинна; все кругло, когда голова кругла; все угловато, когда угловата голова.

Вот почему в человеке все однородно: форма тела, лица, стана, кожа, нервы, кости – любовь, ненависть, страсти.

К этим пластическим, физическим и моральным рассуждениям знаменитый цюрихский пастор прибавляет еще следующие.

Существует полная гармония между строением тела человека и его характером. Чтобы убедиться в этом, достаточно изучить крайности: великанов и карликов, жирных и тощих.

То же соотношение замечается между формой лица и формой тела. Обе этим формы находятся в согласии с чертами лица; эти явления суть результаты той однородности, о которой мы говорили.

Покажите кому угодно голову горбатого так, чтобы остальное тело было спрятано, и он сразу узнает, что эта голова принадлежит горбатому.

Вот характеристические признаки, приписываемые Лафатером различным частям тела человека, по которым можно узнать о состоянии нравственных его качеств.

Шея. – У кого шея длинная и тонкая, тот флегматик и малодушен.

У кого она большая и толстая, тот владеет физической силой и великодушием сердца.

Толстая, неповоротливая шея служит признаком гневливости и заставляет опасаться паралича.

Гибкая шея обнаруживает эластичность ума и тела.

Если она очень крепкая, то это служит признаком тяжелого и необщительного характера.

Уродливая шея указывает на недостаток разума.

Совершенно правильная шея есть неопровержимое свидетельство серьезного и самостоятельного характера.

У злого человека шея бывает покрыта рельефно выдающимися жилами.

Шея наклоненная вперед свидетельствует о любопытстве и жадности.

Наклоненная на левую сторону, она указывает на мудрость и знание.

Наклоненная направо она есть признак бесстыдства и мотовства.

Плечи. – Широкие плечи служат признаком здоровья и силы.

Косые плечи служат признаком противного; но вместе с тем они означают деятельность, хитрость и ум.

Широкие, высокие и круглые плечи означают преобладание материи, особенно у женщин, как говорит об этом Дебаролль.

Широкие плечи с незаметными почти грудями обнаруживают женщину-мужчину, честолюбивую, гневливую, алчную, с мужскими инстинктами, но дурными; ибо переход одного пола в другой всегда несчастлив и бывает причиной нездоровья или уродства.

Грудь. – Плоская или впалая грудь обнаруживает слабость.

Слишком волосатая грудь свидетельствует о силе и в то же время о сильной склонности к сладострастию.

Живот. – Небольшой, сжатый живот есть признак энергии и деятельности.

Большой и выпуклый живот указывает на чувственность и леность.

Бедра. – Крепкие, обильные нервами бедра свидетельствуют о солидности и большой энергии.

Худые бедра указывают на бессилие и остроумие.

Короткие бедра принадлежат злому и завистливому.

Мохнатые бедра указывают на сладострастие.

Колени. – Мясистые колени указывают на трусость и слабость или мягкость характера.

Сухие и костлявые колени означают силу, деятельность, хороший характер, но иногда бесстыдство.

Кривые колени принадлежат изнеженным и насмешливым.

Ноги. – Хорошо сложенные и жилистые ноги служат признаком телесной силы и благородства сердца.

Дурно сложенные и мягкие ноги обыкновенно указывают на робость, малодушие, бездействие.

Тонкие ноги обнаруживают слабость умственных способностей.

Если ноги тонки, но жилисты, то они обнаруживают иногда чувственность и почти всегда живость ума.

Мохнатые ноги служат неоспоримым доказательством неудержимой склонности к физическим удовольствиям любви.

Ноги (ступни). – Маленькие и толстые ноги служат признаком мягкого характера.

Совершенно маленькие и тонкие ноги означают смелость и деятельность.

Остерегайтесь людей, у которых длинные и тонкие ноги.

Толстые, большие и жилистые ноги обнаруживают людей сильных телом и характером.

Руки. – Крепкие, хорошо сложенные и соответственные с прочими членами тела, принадлежат доброму человеку, хорошего характера и великодушному.

Худые руки, мягкие, гибкие указывают на слабость тела и духа.

Худые, но жилистые руки обнаруживают предприимчивую деятельность и живость ума.

Толстые и жирные свидетельствуют о неразвитости ума, большой нежности темперамента.

Мохнатые руки, как грудь и ноги, указывают на непреодолимую наклонность к чувственным удовольствиям.

Кисти рук. – Всякая кисть руки должна быть в совершенной гармонии с остальными частями тела.

Кости, нервы, мускулы, кровь и кожа рук составляют продолжение костей, нервов, мускулов, крови и кожи всего тела, ибо одна и та же кровь обращается в сердце, в голове и в руках.

Кисть руки имеет тем более ясные и поражающие физиономические признаки, что их нельзя замаскировать.

Поэтому самый искусный хитрец и лицемер, самый опытный притворщик не может ни изменить формы руки, ни дать ей другое очертание, ни изменить мускулов руки. Он может скрыть от физиономиста признаки руки не иначе, как не показывая ее вовсе.

Подвижность рук также не менее явственна. Эта часть нашего тела самая деятельная и самая богатая сочленениями. Более двадцати сочленений и связок способствуют и препятствуют ее движениям.

Подобная деятельность, конечно, представляет множество физиономических признаков, которые объясняют свойства тела, темперамента ума и сердца.

Поэтому-то *рука* сделалась предметом науки *хиромантии*, о которой мы говорили в предыдущем параграфе.

Служат ли сейчас исчисленные нами пластические признаки неопровержимыми доказательствами истины?

Если мы искали в каждой части тела признаки, способные служить к разрешению заданной нами себе задачи, как это мы сделали по отношению к частям лица, то это не значит, что мы в этих признаках искали решения задачи, но только с помощью их мы желали достичь этого решения.

Мы хорошо знали, что эти признаки не могли быть ничем иным, как только основами к гипотезам более или менее близким к истине.

Тем не менее мы сделали попытку; потому что в нашем предмете приблизиться, хотя не совсем близко, к истине почти все равно, что найти ее.

§ 6. МИМИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Наше суждение о людях, которых видим в первый раз, мы выводим не только из формы их глаз, носа, рук и пр., не только по чертам лица мы можем судить об их характере, но преимущественно по выражению их взгляда, по способу их разговора, по положению тела, по жестам, одним словом, по всему, что передает нам их благородные и порочные страсти.

Жесты служили наилучшим способом выражения; так что в театрах выражение лица скрывалось под маскою, а судьи Ареопага для избежания искушения слушали ораторов только в темноте.

Демосфен, по словам одного историка, производил еще более эффекта своими жестами, чем своим красноречием.

Это потому, что жесты и наружные движения тела нашего наиболее способствуют к выражению наших чувств, желаний, боязней, и хороших, и дурных ощущений.

Лафатер, согласно со Стерном и Бриюйером, говорит, что мудрый берет свою шляпу совершенно иначе, чем глупый. В самом деле, характер человека обнаруживается в самых мелких его действиях; всякое движение тела, походка, осанка – все это выдает человека опытному физиономисту.

Однако походка и осанка бывают природны только отчасти, так как чаще всего к ним примешивается подражание. Но эти подражания и привычки, получаемые вследствие подражания, все-таки бывают результатами природы и первобытного характера.

Натуральные или притворные, быстрые или медленные, страстные или холодные, однообразные или различные, гордые или покорные, смелые или робкие, скромные или бесстыдные, благородные или низкие, приятные или гнусные, грозные или приветливые жесты различаются между собою тысячами образов, по множеству разнообразных чувств, темпераментов и характеров, от которых зависят эти жесты.

Звуки голоса составляют также род жестов, которые зависят от нерва, дающего с помощью своих различных разветвлений движение некоторым мускулам шеи, гортани, и тем самым способствующего произведению членораздельных звуков голоса или речи.

Проповедники, ораторы и актеры знают, сколько необходимы жесты для хорошего выражения звуков.

Движения головы и верхних частей тела всегда соответствуют речи; в нашей природе все симметрия или соответствие и заменяемость: когда голова двигается в помощь речи, тогда руки спокойны, и наоборот, голова остается в покое, когда руки, по удачному выражению Эрнеста Менольта, выбивают слоги. Когда нет соответствия между речью и жестами, то это будет патологический порок; тогда не говорят, а болтают, лепечут.

Звуки голоса, сверх того, различаются по темпераментам и характерам и совпадают замечательным образом со страстями и нравственными качествами лиц.

В этом отношении еще замечательно то, что во всей Италии, по словам профессора Изабо, обозначаются в паспортах свойства голоса лица – высокого, глубокого, сильного, слабого, приятного, резкого, натурального или фальшивого – как существенная часть примет.

Верно то, что жесты и вообще все движения человеческого тела зависят от наклонностей, темперамента и характера каждого человека. Известно, что жесты мудрого отличаются от жестов глупца; походка и осанка желчного отличны от походки и осанки флегматика; походка и осанка сангвиника – от походки и осанки меланхолика; жесты и движения честного человека от жестов и движений мошенника.

В самом деле, так как мозг находится в связи с органами всех чувств и произвольных движений, то отсюда следует, что, управляя чувствами и мускулами, а следовательно, и конечностями, мозг приводит в движение каждую часть тела и определяет ее движения, положение и пр., смотря по свойству и степени страстного действия, которое та часть тела назначена исполнять.

Допуская, с Галлем и Спурцгеймом, что движения всегда совершаются по направлению органов, мы должны допустить, что всякий жест зависит от разных физиологических причин.

Например, орган, деятельность которого определяет чувство благосклонности, находится в передней части головы, поэтому чувство благосклонности выражается наклонением головы вперед. Отсюда различные формы приветствий, вежливости, благосклонности, которые заставляют голову двигаться в разные стороны.

Равным образом орган почтения, находясь вверху головы, заставляет подыматься голову вверх; глаза и руки подымаются к небу для выражения благоговения к Богу; руки то прижимаются к груди, то простираются к предмету почитания, смотря по тому, что желает выразить человек – радость, надежду или смирение и покорность воле Божией.

Человек, чувствуя величие и всемогущество Бога, проникнутый благоговением, смиряется, простирается в прах...

По тому же закону, орган самолюбия и гордости, находясь в задней части головы, заставляет голову подыматься и подаваться назад.

Всмотритесь в *гордеца* и вы заметите в самом спокойном его состоянии характеристический признак его гордости.

«Я не знаю, – говорит Гегель, – ни одного народа, у которого бы *гордость* не заставляла людей подымать голову и становиться на цыпочки, чтобы казаться выше своего роста».

Гордый, желая положить свою руку за жилет, кладет ее как можно выше, другой же опирается в бок, выставляя локоть вперед, чтобы занять как можно более места в ущерб другим.

Если *кроткий* и *покорный* захочет выразить свойственное ему чувство скромности, покорности или почтительности, то его жесты будут совершенно противоположны. Голова и тело наклонятся, сколько возможно более под влиянием апатии органа гордости.

Твердость имеет свой орган в самой вершине головы; поэтому во время его энергического действия голова и тело должны держаться перпендикулярно.

И действительно, когда человек принимает твердое намерение не отступать от своих планов, то он всегда совершенно выпрямляет тело, слегка приподымается от земли, вытягивает шею и храбро идет навстречу всем препятствиям.

Таким положением тела выражается непоколебимая *воля*.

Так как орган храбрости находится в нижней части мозга, сзади ушей, то во время его действия голова немного подается назад и входит в плечи.

Для выражения *храбрости* и твердости тело принимает одинаковое положение; ноги разделяются друг от друга, чтобы дать более солидности и твердости осанке; мускулы сокращаются; голова понижается; плечи подымаются; зубы сжимаются; глаза угрожают противнику; наконец, протянутые руки и сжатые кулаки представляют готовое сопротивление всякому насилию.

Таково выражение *инстинкта самозащиты* когда оба *органа-близнеца* действуют с равной энергией; ибо если действует только один орган, тогда голова должна наклониться на один бок, соответствующий действующему органу.

Робость, напротив, выражается нерешительным, трусливым жестом, которому робкий напрасно старается дать угрожающее выражение.

Орган *насмешливости* и *хитрости* также находится в задней части головы, но немного впереди и выше ушей.

Поэтому во время его действия голова и тело подаются вниз и вперед.

Посмотрите на мимику хитрого мошенника, который радуется удачному плутовству; он идет волчьими шагами, слегка наклонив голову, бросает выразительные взгляды по сторонам, показывая пальцем на свою жертву, он слегка толкает вас локтем, давая тем знать о своем *плутовстве*.

Заключение. – Для изучения физиономики, или искусства узнавать характер и умственные и нравственные качества человека только по наружным признакам, когда члены тела находятся в спокойном состоянии, для этого необходимо наблюдать эти признаки во время действия различных частей тела, т. е. должно начать с мимических признаков, что мы уже и сделали.

Постараемся теперь доказать, что эти признаки не химера и что значение их подтверждается множеством ежедневных примеров.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ УЗНАННЫХ МОШЕННИКОВ ПО ВЫШЕОПИСАННЫМ ПРИЗНАКАМ

ПРИМЕТЫ С ПОМОЩЬЮ ФОТОГРАФИИ

Если бы было можно извлечь из пыли канцелярий и остроумных конторок г. советника Бонвилля кипы юридических драм с их развязкой в Ассизном суде, а из этих кип видеть пролог каждого преступного дела в кабинете следственного пристава, где скальпель исследующего судьи обнажает тайную мысль преступника, как скальпель Галла и Шпурцгейма обнажает оболочку его мозга – какой бы это был любопытный и полезный труд!

В особенности он мог бы принести громадный результат для нравственной физиологии человека, если бы при точном описании обстоятельств *совершенного преступления* можно было найти точное фотографическое воспроизведение черт *виновного деятеля.*

Эту возможность практического применения фотографии к обозначению примет преступника я показал в записке,

поданной правительству в 1854 году, после моего собственного успешного опыта в одном из наших центральных домов.

Император, как меня уверяли, казался живо пораженным обозначением двадцати типов преступников и двадцати соответствующих биографических описаний, которые я имел честь представлять его величеству и всем его министрам.

Г. Дюко, один из них, сделал больше. Г. Дюко, морской министр, призывал меня к себе два раза для совещания о средствах исполнения моего проекта, который он решился применить на галерах, но преждевременная смерть лишила его возможности осуществить мою мысль, так хорошо им понятую, и с тех пор эта мысль осталась в своем зародыше, погруженная в пыль забвения.

Может быть, она когда-нибудь явится на свет, чтобы принести плод, как всякая идея нововведения и прогресса, на радость ее автора или на славу другого. Sic vos non vobis.

Вот несколько примеров, которые помогут ей созреть и докажут, что Дагерр мог бы сделать из Лафатера Лапласа.

МАРКИЗА БРЕНВИЛЬЕ И М Е ТИКЕ

17-го июля 1676 года умерла на эшафоте знаменитая отравительница Мария д'Обре, жена маркиза Бренвилье, полковника королевских армий, осужденная на казнь за последовательное отравление своего отца, двух братьев, своего ребенка, мужа и т. д., помогаемая в этом ряду преступлений сообщником ее беспутств, гнусным Сент-Круа. Вот что известно каждому.

Но не всякому известно, что череп этого чудовища женского пола, долго сохраняемый в Версальском музее, был показываем за подлинный всем любопытным.

И еще менее известно то, что подлинность эта была френологически доказана сомнительной доктором Леруа несколько лет тому назад.

Рассмотрев этот череп, ученый доктор сказал: «Это не может быть череп Бренвилье, ибо хоть он и свидетельствует о твердости и склонности к разрушению субъекта соединенными с подозрительностью и хитростью, но тем не менее он представляется между прочими органами несовместимым с известным характером отравительницы, орган чадолюбия и почтительности в соединении с любовью к тщеславию, развитою в высшей степени. Притом состояние костей показывает

особу моложе Бренвилье, которая, как известно, была казнена, имея уже с лишком за пятьдесят лет. К тому же череп не соответствует росту маркизы, которого мерку нам точно сохранила современная хроника». Итак, если эта голова принадлежала не Бренвилье, то кому же принадлежала она?

Номер инвентария Версальской библиотеки ответил случайно на этот вопрос несколько времени спустя. На этом номере было: голова м-е Тике. Это было открытием для смотрителя.

В знаменитых *судебных делах* (Causes celebres) прочли следующее: оставшись рано сиротой, высокая ростом и прекрасная лицом Анжелика Карбье выбрала себе супругом г. советника Тике, того из своих многочисленных обожателей, который своим великолепием и щедростью сильнее других польстил ее тщеславию.

После двух лет супружества и безграничных трат фальшивые спекуляции поглотили состояние г. Тике. Его жена, лишенная средств к удовлетворению своих фантазий, решилась от него избавиться, чтобы снова выйти замуж.

Подкупленный ею сторож убил несчастного мужа выстрелом пистолета в упор.

Ничто в поведении м-е Тике не обозначало, чтобы это преступление было ее делом, так она умела ловко обмануть начавшиеся исследования. Тем не менее по некоторым признакам ее арестовали.

Перед своим отправлением в тюрьму она захотела обнять своего ребенка и покрыла его поцелуями и слезами.

Осужденная на смерть, она просила и получила утешение религии самым поучительным образом.

В день казни она выказала удивительную твердость: не слабея, смотрела она, как всходил на эшафот ее сообщник, и сама помогала в приготовлениях к своему последнему туалету.

Таким образом оправдалась оценка черепов доктора Леруа, и френология восстановила его настоящей обладательнице тот череп, который долгое время легковерное невежество приписывало маркизе Бренвилье. Как всякая наука, френология ошибается только тогда, когда от нее требуют не то, что она может дать.

ЛЕЖЕ (Leger)

В то время, когда я изучал право в Париже, я имел несколько раз счастливый случай слышать в салоне доктора Галля его рассуждения о черепах, преимущественно

по поводу индейских и малайских голов, присланных ему доктором-естествоиспытателем Петром Диаром из Кандернагора и Батавии через его брата Ипполита Диора, моего соотечественника и друга, одного из самых замечательных умов французской магистратуры.

Мне также посчастливилось присутствовать не раз на уроках знаменитого анатомиста и слышать развитие его системы – «системы природы», как он ее называет на своем древненемецком языке.

В 1823 году знаменитый профессор давал у себя уроки нескольким посвященным слушателям. Так как эти слушатели были большею частью ученики медицины, допущенные в госпитали, то они легко могли увеличить его дорогую коллекцию черепов. Несмотря на запрещение профессора, они успевали завладеть головой какого-нибудь замечательного субъекта, который умирал на их глазах.

Не один раз Климор доставлял им подобные подарки для пользы науки.

В этот год казнен был в Версале злодей, которого преступления почти беспримерны в летописях Ассизного суда. Несколько студентов решились овладеть его головой: им это удалось... И в этот же вечер голова казненного была на столе учителя.

«О безобразная голова!» – воскликнул Галль при первом взгляде на нее. Потом взял ее в руки и тщательно ощупал со всех сторон. «Эта голова, – сказал профессор, – злодея, доведенного до преступления неукротимым порывом страстей. Физическое сладострастие и животное стремление к его удовлетворению преобладало над всеми чувствами этого несчастного. Притом он должен был иметь очень ограниченный рассудок, характер мрачный и склонный к разрушению. Его свирепые желания, развращенные уединением и лишениями, достигли той степени преступления, когда все средства, даже убийство, стали нипочем для удовлетворения его животной природы».

Говоря это, Галль указал на узкий лоб, на всеобщее вдавление передней части головы, на развитие средних лопастей боковых частей, местопребывания хитрости и склонности к разрушению. Он особенно заставлял взглянуть на шею, широкую при основании головы, где должен был волноваться и кипеть при жизни огромный мозжечок, подавляя своей тяжестью всю остальную часть мозга.

Он прибавил, показав на несколько костяных наростов, или острых костей, выдающихся в нижнем составе головы, что только это болезненное расположение могло придать свирепым действиям преступника характер животности и беспутства, необъяснимый иначе.

Всякий слушал в глубоком молчании и благоговейном удивлении слова учителя, ибо, не зная, он рассказал историю и объяснил преступление казненного по имени Леже, которого голова только накануне пала под топором гильотины.

Вот чем был и что сделал Леже.

Увлекаемый дикой меланхолией своей природы, этот человек двадцати восьми лет удалился под скалу среди пустого леса департамента Сены и Уазы; там он охотился за дичью, которую ел сырой. Однажды молодая девушка лет пятнадцати проходила мимо его берлоги; увидев ее, Леже бросился как голодный волк на свою добычу, схватил бедного ребенка и увлек в глубину леса. Там, насытив свою страсть, злодей упился ее кровью, страшно изуродовав тело бедного ребенка. После этого Леже 3 дня спал возле трупа своей жертвы, и только вороны своими криками отогнали его прочь от общей добычи. Тогда-то, убежав, злодей попал в руки правосудия.

На вопрос испуганного судьи, зачем он пил кровь убитой, он холодно дал этот зверский ответ: «Я хотел пить!..»

Таким образом, в руках Галля череп чудовища был разгадкой преступления.

МАГДАЛИНА АЛЬБЕР (Madeleine Albert)

В анатомических коллекциях мало найдется черепов, где бы выпуклость убийства так ясно обозначалась как на черепе Магдалины Альбер де Мулен (Allier), казненной в начале этого столетия почти за невероятное число убийств, совершенных ею не в силу ненависти, мести, ревности, просто скупости, чувств, волнующих большую часть обыкновенных убийц, но в силу того страшного удовольствия, которое это чудовище испытывало, по ее собственному признанию, в убийстве кого бы то ни было.

Магдалина Альбер, не представлявшая никакого умственного повреждения, была замечательно хороша собой, но красота ее носила характер зловещий. Череп этой девушки представляет за каждым ухом выдающийся полукруг, более развитый, нежели у какого бы ни было индивидуума, будь то мужчина или женщина: это выпуклость убийства, достигшая своего *maximuma*.

ИЗАБО (Izobeau)
Les cerebelleux du bagne de Toulon
(О развитии мозжечка).

Все френологи и большая часть ученых физиологов согласны в том, что низшие лопасти черепного мозга, т.е. мозжечок или затылок имеют прямое и преобладающее влияние на склонность к физической любви.

Откуда происходит это эротическое действие мозжечка? Науки не могли еще на это ответить. Но что наука бессильна объяснить теорией, то наблюдения могут скорее проявить в фактах.

Здесь же факты говорят громче, нежели ученые рассуждения.

Ко множеству примеров, доставленных по этому поводу доктором Галлем и его учениками, доктор Вуазен добавил наблюдения, составляющие неоспоримый аргумент. Опыт этот следующий.

В 1838 году главный доктор госпиталя Бисетра будучи в Тулоне, захотел проверить доктрину Галля относительно мозжечка. Случай ему благоприятствовал, так как некоторые из каторжников должны были судиться за насилие. Он отправился на галеры, где директор отдал в его распоряжение целое отделение преступников, состоящее из 376 осужденных. Вуазен их по очереди осматривает, и, ощупав всех, отделяет 22 человека, число, равное тому числу несчастных, которых чувственность и зверство их страстей туда отправили. И действительно, 13 из этого числа подверглись своей участи за изнасилование, а 9 были обозначены как опасные по своим нравам.

Опираясь на этот засвидетельствованный результат, доктор Ловерн (Lauvergne), главный медик Тулонских галер, рассказывает два следующих факта в своей книге *«Каторжники»:* обычный посетитель приюта разврата, человек, преданный всем заблуждениям безнаказанности, получил однажды в сильной стычке удар палкой по затылку. С этой минуты его пороки в известном отношении прекратились навсегда.

Одна дама, склонная к чувственным наслаждениям, женщина с широким затылком, упала и сильно расшиблась. Толчок, полученный ею, произвел перемену во всем ее существе: она стала бесчувственна как мрамор и возымела явное отвращение к тем удовольствиям, которые любила прежде.

В хирургической клинике госпиталей примеры подобного рода не редки. Спросите любого доктора военного госпиталя, и он вам покажет людей молодых, сильных, хорошо сложенных, не испытавших никогда известных болезней, людей, которые должны отказаться от супружеской жизни, от всякой идеи о семействе, единственно вследствие ударов сабли, полученных в нижнюю часть черепа, заключающую в себе мозжечок. Есть такие, у которых после долгих страданий рана залечивается только тогда, когда мозжечок окончательно уничтожен. Соответствующий детородный член в этом случае бывает окончательно изувечен, как будто он был местом раны, последовавшей за неизлечимой операцией (Изабо).

ВОЛК, СОБАКА И ГАЗЕЛЬ

Я говорил ниже о голове *барана-каторжника*, находящейся в анатомическом музее Тулонских галер.

Инспектируя тюрьмы департамента Вары, я видел в Драгиньянской (Draguignon) тюрьме голову человека характером совершенно противоположную этой бараньей голове.

Это было нечто вроде головы *человека-волка*, очень худого, с маленькими стекловидными глазами, с челюстью, вооруженной длинными клыками, которая подавалась вперед как будто каким-то судорожным движением. Странные жесты этого человека живо меня поразили. Его руки не брали пищу, а кидались на нее, как на добычу. Он был осужден за убийство ребенка в лесу, тело которого он хотел скрыть под зажженным сухим хворостом.

Возле него скорее лежал, нежели сидел, заключенный с не менее странной физиономией. Он имел толстый, длинный нос, откинутый лоб и подбородок, кроткие глаза, осененные длинными кудрявыми волосами, пряди которых висели по обеим сторонам лица на манер ушей пуделя. Его обвиняли в сообщничестве с *человеком-волком*, от которого он часто получал и хлеб, и побои, собирая с ним хворост в лесу. Я выразил ему мое удивление, видя его таким кротким. «Что вы хотите, – ответил он, – он заставлял меня ходить за собой как собаку». Как видите, его нравственный мир соответствовал физическому виду.

Рядом с ним находился юноша с маленькой головой и с чрезвычайно кротким и смирным взглядом, напоминавшим газель или левретку. И в самом деле, своими свойствами этот молодой заключенный похо-

8 Зак. 37313

дил на этих животных. Эти примеры показывают, до какой степени животные тенденции человека могут ясно обозначаться единственно устройством органов чувств. Вот пример еще более поразительный.

ХИДЕКЕР – ЧЕЛОВЕК-ЛЕВ (Hiedeker)

Однажды, объясняя мне свою теорию о животных стремлениях человека, главный доктор Тулонских галер сказал: «Рассматривая физиологически каторжника, я никогда не упускаю случая уловить его животное стремление, и если этот человек один из тех лишенных разума существ, действующих одним инстинктом, то я не могу не признать закона подражания или аналогии источником великих, или странных мономаний. Хотите вы одно из моих доказательств» – прибавил он.

Тут ученый доктор привел мне в пример одного преступника, посещенного поэтом Мери, который внушил поэту несколько драматических страниц.

Преступник этот по имени Хидекер (Heideker) был осужден за убийство жены и зятя и за покушение против всех тех, кого он подозревал в похищении у него сердца жены. Когда я его увидел в первый раз, говорил доктор, он в цепях лежал в своей темнице, мое присутствие возбудило в нем припадок мании к убийству. Если бы вы могли, как я, видеть этого человека, вы согласились бы, что в его животных движениях было что-то неукротимо львиное: он ревел, рвал свои цепи и стучал зубами как дикий зверь. Его свирепый и мрачный взгляд держал в отдалении галерных сторожей, которые обыкновенно ничего не боятся. После припадка я велел отнести его в мою палату и удержал в постели посредством фуфайки. Один из всех его окружавших, я мог к нему приблизиться, погружая мою руку в целый лес его щетинистых, черных волос, я один мог вперить мой взор в страшный и холодный взгляд его глаз, который в конце концов мне все-таки удалось смягчить подобно Ван-Гамбургу (Van-Hambourg) или Картеру (Carter). При этой перемене я узнавал доброго Хидекера, вахмистра 12-го полка егерей, удалившегося в Фресвинлер после 7-летней службы, примерного мужа до той злополучной минуты, когда он потерял любовь к единственной женщине, которую любил, к своей жене!.. В продолжение 18-ти дней, этот человек употреблял нечеловеческие усилия мускулов. Каждый припадок смертоубий-

ства, возбужденный взглядом на сестру милосердия или на знакомого каторжника изменял его в несколько минут: от передергиванья мускулов головы, лица и шеи он становился похож на дикого зверя.

То спокойный, то страстный, этот человек в свои тихие минуты был добр и откровенен. Тогда глаза его дышали грустной и кроткой улыбкой. «Доктор, – говорил он мне с горестью, – не оставляйте своей руки на моей голове, потому что может случиться несчастье, за которое я не отвечаю».

И вдруг его волосы подымались дыбом, взор блестел ненавистью, у рта появлялась пена и зубы стучали, внезапно прерывая речь. Итак, для Хидекера нравственная природа переходила ежеминутно от инстинкта к рассудку, от животного к человеку.

Однако мой вид скоро стал его выводить из себя, и каждый раз он как будто хотел меня укусить. Завидев меня издали, он начинал страшно лаять подобно бешеной собаке.

В минуты отсутствия рассудка он выражал свою ненависть ко всему окружающему лаем, которому он, как думают, выучился у сторожевой собаки.

Скажем в заключение, что голова и лицо его, похожие сначала на льва, скоро стали походить на морду бульдога. Этот человек жил 38 дней, поддерживаемый только холодной водой да удивительной жизненностью свой природы. Вы спросите у меня френологического анализа Хидекера? Я его поместил в моем Sepulchretum. Он соответствует идеям Галля.

РОБЕРТ СЕНГ-КЛЕР и ДОМА-ДЮПЕН
(Robert-Saint-Klair et Daumas-Dupin)

Однажды вечером января 1829 года, в долине Монморанси в Атенвиле, двое молодых супругов у себя дома были найдены убитыми двумя иностранцами, которых они приняли в своей харчевне Круа-Верт (Kroix verte). Убийцами были два каторжника, бежавшие с Рошфорских галер, куда их отправил Ассизный суд, осудивший их на вечную каторгу. История этих людей – длинный ряд преступлений. Скованные вместе за одни и те же преступления, они возымели друг к другу страшную симпатию благодаря сходству своих душ. На галерах их звали не иначе, как братьями по оружию. Одного из них называли Дома-Дюпен. Это был старый служака, относи-

6*

тельно образованный, умеющий писать и говорить, не глупый, но отталкивающего вида. Его тонкие губы, острый нос, раздутые ноздри, его желтые и проницательные глаза давали страшное выражение его чудовищной голове, которая, постепенно суживаясь кверху, была широка у челюстей, и, покрытая длинной гривой рыжих волнистых волос, представляла собою смесь тигра и льва. Ужас, внушаемый им, был так силен, что одна из тех несчастных, которые отдаются первому встречному в Парижских приютах разврата, отвергла его притязания при одном взгляде на него. Другой назывался Роберт Сент-Клер. Глаза у него были косые, взгляд пугливый, волосы редкие и гладкие, тело слабое, вид добродушный. Несмотря на эту кажущуюся слабость, Сент-Клер был одарен удивительной силой и испытанным мужеством. Несмотря на свою кроткую наружность, он превосходил в зверстве своего товарища, Сент-Клер был ужасом галер. Он возымел мысль о побеге и исполнил ее. Два беглеца бросились вместе с высоты стен, окружающих Рошфор. Сент-Клер спустился благополучно. Дюпен переломил ногу и остался на месте. Его товарищ взял его на плечи и под этой страшной тяжестью, в цепях, он, почти не останавливаясь, перешел болотные равнины Шаренты. Он же посоветовал убийство в Монморанси и принял на себя большую часть преступления. Совершив убийство и разделив добычу, преступники бежали в разные стороны. Пойманный несколько времени спустя в Италии, Дюпен был отправлен во Францию, судим, осужден на смерть и казнен. Что же касается Сент-Клера, то самые деятельные поиски не могли ничего сделать. Узнали только, что он прошел Пьемонт, потом Швейцарию, потом Германию и остановился на границах Турции. Там думают, что он вступил в один из полков, ограждающих границы двух империй. Через несколько времени услыхали, что в одной стычке с хищниками, наполняющими эти страны, он пал, явив чудеса храбрости. Таким образом, этот злодей умер смертью храбрых, пораженный пулею в сердце.

В 1830 году, в один прекрасный осенний день, целая толпа путешественников собралась за общим столом отеля «Европа» в Дофине. Разговор шел о вероятностях систем Галля и Лафатера, которыми много занимались в эту эпоху. Один *черный господин* – впоследствии узнали, что это был один из лионских докторов, известный своими френологическими изысканиями, – особенно рассуждал с видом знатока. Он утверждал, что все важные обстоятельства, имевшие наибольшее влияние на нашу жизнь,

должны непременно оставить глубокие следы на лице, этом безошибочном зеркале души, что возвращение к одним и тем же мыслям, неотступность угрызений совести или сильные страсти искажают известным образом черты лица, и что эти знаки в соединении с френологическими открытиями, отныне приобретенные наукой благодаря Галлю и Шпурцгейму, достаточны для того, чтобы открыть наблюдателю характер и свойства людей, даже объяснив их прошлую жизнь, что, наконец, ошибка для него тут невозможна. Понятно, что при последних словах *черного господина* все принялись просить его, чтобы он дал доказательство hic et nunc своей удивительной науки, на просьбы он охотно согласился, говоря каждому или каждой об их приключениях. Известно из Gasette des Tribunaux, сообщившей мне эти подробности, что убеждение было общее, полное и что наука черного доктора нашла только *одного неверующего*! Этот *неверующий* был бледный господин, молчаливо сидевший в конце стола, где никто за исключением черного доктора на него не обращал внимания. «Если б все то, что вы говорили, была правда, – заметил бледный господин, – то надо было бы сжечь преступника, открывшего такую тайну правосудию – ибо это значило бы насиловать тайны природы, а природа слишком добрая мать, чтобы выдавать своих детей. Итак, довольно, милостивый государь, ваша система – ложь, а когда бы ей и удалось сказать правду, то все-таки это была бы случайная правда. Вы это хорошо знаете!»

«В сущности, – возразил доктор, смотря пристально на говорившего, – в сущности, вы, пожалуй, и правы. Ибо чем более я на вас смотрю, тем более я колеблюсь прочесть на вашем лице честного человека – обвинительные следы, открытые мне моей ложной наукой... о Боже мой... вы были бы ни более, ни менее... как вор или убийца!..» При этих словах незнакомец бешено вскочил со своего места, готовясь пустить стулом в голову доктора, когда вдруг внезапное появление жандарма с хозяином гостиницы парализовало его руку. «Недалеко отсюда было украдено серебро этой ночью, – провозгласил жандарм, – и я имею приказ искать вора здесь. Не выпускайте никого». Как будто движимые электричеством, взоры всех обратились к незнакомцу. Украденные вещи были найдены в его чемодане. Преступника арестовали. Это был Роберт Сент-Клер, сообщник Дома-Дюпена, убийцы из Монморанси. Его казнили в Версале, где я его видел в марте 1831 года.

ВДОВА ГУЕ (la veuve Houet)

Обстоятельства были следующие: 13 сентября 1821 года, утром, когда вдова Гуе собиралась пить кофе, который она по своему обыкновению варила сама за избежанием расхода, она зачем-то вышла из своей квартиры на улице св. Жака. За несколько же минут до этого к ней приходила какая-то известная личность. С тех пор вдова Гуе более не возвращалась. Куда она пошла? Что с ней стало? Никто ничего не знал. Она никому до этого ничего не говорила. Ее дочь замужем за г. Робертом, не более других знала об участи матери, ибо с некоторых пор они почти не видались. Полиция начала розыски, но все было тщетно. Хотя экономная до скупости вдова Гуе слыла богатой по соседству, молва гласила, что она имеет более 200 т. фр. Будучи нрава вспыльчивого и неуживчивого, она, впрочем, как известно, врагов не имела. Жизнь вела уединенную, особенно с тех пор, как отдала дочь за г. Роберта, с которым она не сошлась по каким-то денежным делам. Это последнее обстоятельство, совпадая с общей идеей об убийстве, бросило подозрение на ее зятя. Роберт был арестован в 1822 году в первый раз и в 1824 году во второй, но оба раза освобожден за неимением ясных улик. Так как убийство осталось недоказанным, то вдова Гуе сочтена отсутствующей, над ее имением назначен опекун, а дочери, г-же Роберт, положена пенсия в 1200 фр. Такое состояние дела продолжалось почти десять лет. Роберт сдал свою торговлю, которою жил, удалился в уединенное местечко в Бургон с женой, впавшей почти в сумасшествие, когда неосторожный разговор в кабаке поднял дело в ту самую минуту, когда закон десятилетней давности давал право его потушить. В одиночестве, постигшем Роберта вследствие его арестов и подозрений в убийстве, у него остался только один приятель, некто по имени Бастьен (Bastien), столяр, человек без правил и чести. С некоторых пор Бастьен стал часто посещать Роберта, с которым вел таинственные разговоры. Их часто видали вместе в поле, рассуждающими о чем-то с жаром: один, по-видимому, что-то доказывал, другой с опасением восставал против убеждений, но наконец оказался убежденным. О чем говорили они? Что происходило у них? Вот что старались узнать все те, кому случалось их видеть. Однажды, когда Бастьен пил в пограничном кабаке с одним из своих приятелей, он начал сильно восставать против Роберта, говоря, что если Роберт не ответит ему на письмо, которое он завтра пошлет по почте, то он подаст ко взысканию с него

суммы на 25 т. фр., не дожидаясь получения давно ожидаемого наследства *«старухи»*. «Это не то, что он мне обещал, – прибавил Бастьен, – за важную услугу, которую я ему сказал... О, если бы я знал...Впрочем, довольно, надо, чтобы и он в свою очередь поплатился так или иначе!»

Тайно спрятанный агент полиции все слышал. Письмо Бастьена было перехвачено, и писавший его арестован вместе с тем, кому письмо было адресовано. Между прочими угрозами письмо Бастьена заключало следующее: «Помни сад Вожирарской улицы, 81... Мертвые могут возвращаться!...» Несколько дней спустя судебный следователь в сопровождении доктора Роя ле Лурра (Rous de Lourry) и могильщиков находился в саду означенного дома, того именно дома, где Бастьен жил в 1821 году. Роберт и Бастьен были приведены порознь, чтобы присутствовать при поисках, которые кончились тем, что был найден под кучей извести труп с веревкой на шее, превратившийся в скелет. С этой минуты стало ясно, что особа, погребенная здесь, была задушена. Но какое живое существо оживляло этот скелет? Вот в чем заключалась вся важность вопроса.

Бастьен при виде трупа переменился в лице, Роберт остался неподвижен. Были приглашены эксперты. Г. Орфила (Orfila), декан медицинского факультета, спрошенный первый, счел долгом пригласить г. Дюмутье, не говоря ему ничего об обстоятельствах преступления, заставивших к нему обратится. Осмотрев со вниманием голову, знаменитый профессор анатомии решил, что по ее удлиненной форме сзаду наперед она должна принадлежать женщине. Состояние черепных швов показало, что особа была немолодых лет и что погребена, должно быть, давно. Продолжая свои исследования, анатомист уверял, что по внешним знакам черепа, особа, которой он принадлежал, вероятно, обладала вспыльчивым характером и отличалась скупостью, и прибавлял много других подробностей, совершенно согласных с теми сведениями, которые сохранились о вдове Гуе. Можно себе вообразить действие этого анализа на тех, кто слишком хорошо знал эту историю! Два столетия назад подобная разгадка, как заметил г. королевский прокурор, привела бы ее автора на костер. Но действие это было еще поразительнее, когда скелет, принесенный в заседание Ассизного суда оправдал изречение Бастьенова письма: «мертвые могут возвратиться». Убитая действительно возвратилась, чтобы доказать свою тождественность единственно черепными знаками своей головы. Это-та тождественность заставила осудить на вечную

каторгу в августе 1833 года Бастьена, нанятого исполнителя преступления, и Роберта, его гнусного нанимателя, избавленных милосердием присяжных от эшафота, которого они вполне заслуживали.

Я видел этих двух злодеев в Бисетре перед их отправлением на галеры в Брест. Я напомнил Бастьену ужасную сцену обнаружения трупа. «Что меня наиболее поразило, – сказал он, – так это исследования г. Дюмутье. Его пророчество сдавило мне горло как веревка. Я убежден что если бы он в то время, взглянув на меня, сказал: «вот убийца», я бы ответил: «да, это я!»

ВИЛЬГЕЛЬМ ГРАНЬЕ (Guillaume Granie)

Во время моей первой ревизии острога в Мюре (Murez) и исправительного дома в Тулузе в 1841 году, там еще помнили страшную драму, случившуюся десять лет тому назад.

В Мюре один разбойник по имени Вильгельм Гранье, тот самый, который имел зверство сначала убить свою жену, потом отрезать ей голову, прибавил к этому злодейству новое преступление, убив крышкой лохани своего товарища по заключению, и это без всякого повода с его стороны, просто из одного чувства плотоядности. Он уже бросился на другого заключенного с целью поступить с ним так же, когда, прибежав на крики первой жертвы, сторож и его помощник успели не без опасности связать его и вторично предать в руки правосудия. В Тулузе, куда его перевели, Гранье поклялся избегнуть эшафота самоубийством.

«Я сам себя казню, – говорил он, – и это, несмотря на все ваши предосторожности, единственно для того, чтоб лишить вас удовольствия видеть мою казнь». Гранье, сберегаемый днем и ночью, решился уморить себя голодом. Это решение он исполнил, не принимая в продолжении 63 дней ничего, кроме колодезной воды. К концу этого времени он умер в страшных конвульсиях, не желая принять утешений религии, несмотря на неотступные просьбы священника. Его тело крепкой организации, роста 5 футов с дюймами, весило только 52 фунта. Что же касается до его черепа, то внимательный анализ тюремного доктора привел к следующим заключениям: нашли заметную впадину тотчас сзади слухового органа, признак плотоядности, или склонности к разрушению. На средней части и на верху головы Галль указывает 3 возвышенности, свидетельствующих *о чудесности* и любви к Богу,

снисходительности и *почтительности.* У Гранье же была впадина на этом месте. Наконец, на той линии, где Галль помещает пребывание *твердости, упорства, осторожности,* у Гранье нашли огромную шишку.

Можно ли найти что-нибудь более убедительное или, по крайней мере, более способное разрешить френологическую проблему?

ВИДОК (Vidocq)

Человек, одаренный смелостью ума удивительной, неслыханной дерзостью в исполнении задуманных предприятий, страшной изобретательностью, силой и ловкостью непомерной, человек столько же принадлежащий миру честных людей, как и миру мошенников, этот человек долгое время был стражем одного и грозой другого, прежний каторжник (за фальшивый паспорт) и начальник полиции, этот человек, играя двойную роль в жизни, представлял собою самые удивительные контрасты характера, нравов и поведения. По очереди разговорчивый и осторожный, откровенный или скрытный, храбрый или хвастливый, он имел все качества своих пороков и все пороки своих качеств. По обыкновению разговор его был столько замысловат, как и его молчание, и хитрость столько же двусмысленна, как и самоуверенность. Веселый с виду, он никогда ничего не делал не обдумавши, скорый в исполнении своих планов, он никогда не допускал свои действия опережать мысли, и случайные удары его всегда были ударами рассчитанными; если же иногда и казалось, что он что-либо делал ex abrupto, то уж наверное у него это было давно подготовлено. Вульгарный по наружности и языку, он обладал умом тонким и чувствами возвышенными. Сердце его было так же добро, как манеры грубы. Великодушный до расточительности, преданный до самоотвержения, он являлся иногда бережливым до скупости, злобным до ненависти, до мщения, мстительным до измены. Полезный везде и всюду требуемый, он считал себя необходимым в полиции, и в силу этого превосходил самого себя в ловкости и отважности, свидетельством может служить знаменитое воровство на Фонтенблосской границе, о котором я буду говорить впоследствии.

Чтобы доказать свою ловкость, он пренебрегал всевозможными опасностями. Из всех риторических фигур, которые он знал не учившись, самыми любимыми его были преувеличения и гипербола; его рапорты полиции были

наполнены ими; правда была всегда донельзя разукрашена. Я читал самые сумасбродные из них. Свидетельством служит опять то же воровство, или, скорее, знаменитая мистификация воровства на Фонтенблосской границе, о котором я только что говорил. Его честность имела свои недостатки: она была преувеличена в его действиях, как добродетель, в которой сомневаются, и в ней действительно сомневались, благодаря его титулу прежнего каторжника, а между тем плутовство, которое в молодости привело его на каторгу, само по себе не имело ничего подозрительного, но осуждение было тем не менее тяжестью, которую он влачил всю свою жизнь, и плутовство, которое его мотивировало, стало эмблемой всей его жизни, так как обман все-таки составлял его сущность. Наружный вид этого человека как нельзя более соответствовал внутреннему содержанию. Среднего роста, хорошо и крепко сложенный, он гордо держал на короткой, мускулистой шее свою выразительную голову, осененную густыми волосами красноватого оттенка. Его лоб был широк, как и его грудь; нос приплюснутый, с открытыми ноздрями,торчащие уши, рот большой и улыбка отважная, губы сжатые, щеки полные и упругие в молодости, отвислые в старости, скулы выдающиеся, глаза круглые, зеленые, маленькие и проницательные, они блестели порой, как карбункулы, из-под его нависших, густых бровей. Его толстый живот, широкие плечи, маленькие ноги, короткие и мускулистые руки доканчивали этот портрет. Его подвижная физиономия принимала по его воле всевозможные оттенки, однако хитрость преобладала над прочими. Его всегда хриплый голос ревел во время припадков гнева, а смех скорее походил на язвительную усмешку. Он ходил скоро и, хотя был неутомим, легко потел, и тогда запах, им издаваемый, бросался прямо в нос. Кабинет начальника 1-го отделения г. Кросньера (Crosnier), которому были подведомственны тюрьмы, и где я часто имел случай встречать эту личность в 1832 году, нуждался в проветривании каждый раз, когда он оттуда выходил. Нужно ли говорить, что этот человек назывался Видок?

Однажды в 1837 г. Фоссати (Fossati), один их первых френологов Европы, был приглашен адвокатом Карлом Ледрю (Ledru), анализировать череп одной личности, об имени которой у него просили позволения умолчать. Внимательно его ощупав и осмотрев, г. Фоссати объявил,

что он никогда не встречал подобного черепа. Он показал всем присутствующим прекрасный, широкий лоб, правильные размеры головы и т. д., и результатом его исследования были следующие слова к г. Ледрю: «В незнакомце, которого череп вы мне представили, заключаются три отдельные лица: лев, дипломат и сестра милосердия».

Портрет поразительно верного сходства, который был бы еще ближе к истине, если бы к его черепной характеристике ученый-френолог прибавил это физиономическое трио: обезьяна, лисица и старый болтун.

ЛЯСЕНЕР (Lacenaire)

Нигде индивидуальность преступности не выступает так ярко, как в Лясенере. Если молодой человек, рожденный от преступных родителей, без воспитания, без подпоры, без средств, слабый умом и телом, управляемый одним инстинктом, с развращенным вкусом и беспутными привычками, если такой молодой человек совершает воровство и в одну из минут заблуждения доходит до преступления, а преступление кончается убийством, то это еще легко понять, но если человек зрелых лет с разумом вполне развитым, принадлежащий к честной семье, получивший сначала религиозное воспитание в семинарии, потом литературное в коллегии, научившись правилам порядка и чести в одном из полков, одаренный сверх того необыкновенным умом, увлекающим красноречием, очаровательным характером, привлекательной наружностью, замечательной твердостью души, без малейшей наклонности к какому бы то ни было пороку, если такой человек систематически, холодно, некоторым образом философски, доходит до того, что становится вором, фальшивым делателем, убийцею, то это делается непонятным, и было бы беспримерным, если бы Лясенер, подходя под все эти условия, не поразил мир своими ужасными злодеяниями.

Известно, что Лясенер в ноябре 1835 года был приведен в Ассизный суд Сены с двумя из своих сообщников – Аврелем и Франсуа, содержавшихся, как он, в центральном доме в Пуасси и судимых между прочими преступлениями за покушение убить и ограбить конторщика улицы Montorgueil и, кроме того, за двойное убийство, совершенное несколько дней тому назад над неким Шардоном и его старой больной

матерью в Пассаже Cheval-Rouge, на улице St. Marten. Дерзость преступников была так велика, что, совершив свое кровавое дело, Лясенер, надев платье убитого, отправился со своими сообщниками в Китайские бани, чтобы, отмыв следы преступления, весело окончить вечер в театре Varietes!..

Ниже я привел ужасное слово этого человека, вот несколько других: «в политике, как в игре, можно быть или обманщиком или обманутым. Политика – страсть; тут ставишь свою голову. Моя страсть – золото. Я ужасаюсь пустоте моего кармана. Средства должны согласоваться с целью. Я убиваю человека, как пью стакан вина» и т. п. Как у некоторых безумных, так и у великих преступников можно нередко встретить большую правоту в суждениях в соединении с правотой в поведении, и это без всякого отступления с прямого пути во всех суждениях и действиях, за исключением одного пункта, – только одного! – но здесь разум является помраченным, утраченным.

У Лясенера, как у большой части преступников, только в высшей сравнительно степени, благодаря его воспитанию и пониманию, этот один пункт, которого ему не доставало, была совесть! Совесть у него была окончательно уничтожена, убита. Это была *немая*, как зовут ее плуты на своем энергическом a r g o t.

Но не думайте, чтобы эта немота, это отсутствие совести, было делом случайным, злом, которым он якобы заразился в Пуасси.

Это зло он носил в самом себе, он только перенес его в Пуасси, где оно окрепло и разрослось от соприкосновения с другими мошенниками. Это зло свойственно ему было так же, как свойственно немым от рождения глухонемота. Вот почему все, что трогает, волнует чувствительные сердца, было недоступно этой окаменелой душе. И все это прекрасно выразил г. Брошань (Brochant), его официальный адвокат в своей красноречивой речи к присяжным: «Сердце этого человека из мрамора! Его душа окаменела, ни тени угрызений совести, ни тени раскаяния. Индифферентный как материя, он не знает ни боязни, ни надежды. Он убивает без малейшего волнения. Его не тревожат даже сновидения. Эта холодная нечувствительность при виде жертв, это спокойствие перед вами совершенно естественны, эта вечная улыбка на губах, эта ясность ума, позволяющая ему сочинять стихи или песню накануне его осуждения, это состояние духа в присутствии, где он, по-видимому, придает большее значение литературным прениям, не-

жели судейскому приговору... эта доверчивость в атеизме, это хладнокровие у эшафота!.. Все это до такой степени меня поражает, смущает, что мне кажется, будто этот человек, владеющий рассудком, не более как помешанный, больной, безумный!.. Посмотрите, с каким спокойствием он ждет вашего приговора, как он обвиняет самого себя, чтобы возбудить вашу суровость! Он на нее рассчитывает. Но обманите его ожидания. Как! Неужели смерть за такое множество преступлений? Но что для него смерть, которой он не боится? Нет, нет! Этого было бы слишком мало. Свяжите его, заприте, поставьте в невозможность вредить, но не убивайте. Пусть, обремененный цепями, в одежде каторжника, он живет и чувствует всю гнусность своей жизни!..»

Он был осужден на смерть и казнен 8 января 1836 года с Аврилем, который был исполнителем его преступлений, Франсуа был осужден на каторгу. Лясенер имел 34, а Франсуа 25 лет.

В самый день казни трупы преступников попали под скальпель анатомистов.

Вот результат черепных исследований после аутопсии. Авриль среднего роста имел атлетические формы; голова большая, широкая, развита с боков и т.д. Лясенер казался меньше Авриля, с формами более пропорциональными, изящными. Лоб у него был довольно высокий, но откинутый назад, виски широкие, продолговатое лицо его носило характер правильности, но, к сожалению, было маской, под которой скрывалась душа развратная и страшно преступная. Глядя на его голову, казалось, что нужны были всевозможные усилия порока, чтобы человек мог так низко упасть. Лясенер, по признанию френологов, имел органы, которые могли нейтрализовать его дурные инстинкты. Но он хотел быть и был тем, чем хотел.

Впрочем, орган разрушимости был у него очень характерным, орган хитрости непомерно велик, орган воровства менее других; органа религиозности не было вовсе. Органы твердости, осторожности и тщеславия были сильно развиты, особенно последний. Этот орган известен у френологов под именем органа одобрительности (approboterite). Он свидетельствует о самолюбии, качестве, которое сильнее других способствовало к распространению страшной известности Лясенера.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НРАВСТВЕННЫЙ ВЫВОД ОРГАНИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ И ЗНАКОВ, УПОМЯНУТЫХ В ДВУХ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВАХ

Считая вероятным и математически доказанным нравственное значение каждого из различных физических знаков, представляемых анатомической организацией человека, и специально наружным видом его мозга, нужно и можно ли вывести оттуда, что человек есть пассивное и слепое орудие рока, от которого ничто не может его избавить, и что действия его, будучи необходимым следствием причины, сущность которой заключается в его же организации, неизбежно следуют по заранее начертанному пути, с которого сойти он не может? Этот физиологический вопрос крайне важен уже потому, что он усложняется другим не менее важным теологическим вопросом о первородном грехопадении, сделавшем «человека рабом греха». Этот двойной вопрос, который есть не что иное, как вопрос о свободной воле, ведет за собой рассуждения, которые не могут иметь здесь место. Я его рассматриваю под его двумя видами в произведении, которое намерен издать в скором времени под заглавием *«Чувственные органы наших страстей»* (Organologie des passions) – это труд, в котором читатель найдет, надеюсь, решение великой проблемы. Здесь же скажу, что вдвойне обманется тот, кто, опираясь на принцип причинности, выведет то заключение, что человек не в состоянии управлять своими действиями, потому что они обусловливаются или наследственностью греха, или сущностью нашей организации. Говоря теперь только об организации, скажем, что мы рождаемся с таким первобытным типом, развитие которого остановить не можем: всякий имел свой собственный темперамент, самому себе свойственную форму, и что разумеют о теле вообще, относится к мозговым органам в особенности, как правильно заметил доктор Лязиов (Laziauve).

Но если образование наших частей непроизвольно следует начальному плану бытия, значит ли это, что наши действия должны подчиняться порывам наших страстей? Вовсе нет. И доказательством этого служит то, что силы наших страстей всегда соразмерны с силами нашего сопротивления.

Нападающие силы, т. е. впечатления, слабы у субъектов слабого темперамента и характера. Если они упорно действуют на разум энергической организации, то встречают равно энергический отпор, способный их победить. Реакция всегда пропорциональна действию; меркой служит тот же нервный ток. В этом случае воля может совершенно изменить их первоначальный характер, подобно тому, как кислота может изменить цвет, переменив его на другой, простой или сложный.

С другой стороны, опыт доказал, что человек способен примениться ко всевозможным видоизменениям физическим и нравственным, влиянию которых он подвергается.

Не случается ли нам видеть, что сильные организации слабеют среди покоя и изнеженности городской жизни, тогда как слабые крепнут и мужают вследствие пищи, воздуха и сельских трудов.

Не случается ли видеть, что *естественный темперамент*, т. е. тот, с которым индивидуумы родятся, переходит в приобретенный, т. е. такой, который формируется впоследствии от влияния различных обстоятельств? Не видишь ли, наконец, как крепнет мускульная система от упражнения в гимнастике? Почему же нравственной и умственной гимнастике не иметь то же действие на мозг? На этот вопрос отвечают, что гимнастика нравственная и умственная не может иметь действительного влияния на череп, состав которого противится этому влиянию, но что если оно и простирается до известной степени на череп ребенка или юноши, пока он еще не вполне развился, то бывает совершенно ничтожно и недействительно над черепом взрослого человека, когда он уже приобрел такую степень твердости, дальше которой идти не может.

Чтобы опровергнуть этот аргумент, который на первый взгляд кажется неопровержимым, достаточно вспомнить результат двух физиологических выводов, которые я постараюсь объяснить моим читателям.

Первый относится к образованию черепа и мозга и их видоизменениям с возрастом. До рождения оболочка мозга не имеет твердости, за исключением некоторых точек, которые впоследствии будут костями черепа. В минуту рождения костное состояние черепа быстро твердеет. До полного развития индивидуума, черепу недостает известной толщины; многие из его частей остаются чрезвычайно тонкими и твердеют только с летами...

Что же делает мозг все это время, заключенный в свою оболочку? Он постепенно растет и развивается, и, развиваясь, он придает свою форму оболочке, с которой соприкасается, так что не мозг получает форму от черепа, как это обыкновенно думают, а череп получает свою форму от мозга, кость, несмотря на свою твердость, уступает постоянным усилиям мягкого, волокнистого вещества (le diploe) ноздреватого мозга, заключенного между стенками черепа; «губчатый состав, получающий питание из сердца, и оживляющий череп, как это доказал Кювье и т. д.» *(Беро)* (B e r a u d) .

После рождения череп продолжает прогрессивно уступать мозгу, пока тот продолжает расти, и тонкие стенки черепа продолжают без всяких усилий принимать форму мозга. Там постоянно происходит, как это заметил Галль, порча, отделение соков, питание, разложение и составление вновь.

По мере поглощения молекулярных частиц мозга отделяются другие и занимают место первых до тех пор, пока длится параллельное увеличение черепа и мозга, отделение соков преобладает над поглощением, череп и мозг менее отдают, нежели получают (Изабо).

Но что же бывает по окончании роста? То же, что бывает и с человеком, достигнувшим зрелого возраста, и имеющего вполне развитые череп и мозг. Теперь является другой физиологический вывод, о котором я говорил выше. Этот вывод относится к феномену, о котором еще менее известно что-нибудь, именно: великий физиологический факт непрестанного возобновления с рождения до смерти всех частей, из которых состоят все живые существа, человек так же, как и животные.

Питанием с одной стороны, выпотением и прочими жизненными отправлениями с другой, физический человек получает и теряет каждую минуту своей жизни, частички самого себя. Возобновление бывает полное, периодическое, что я доказываю до очевидности в моей *органологии страстей...*

Оттуда видоизменения, так часто замечаемые в манере видеть и действовать, почти всех людей в течение их жизни, видоизменения, которые приписывают переменчивости индивидуальных мнений или политических событий, тогда как большей частью они не более как продукты перемены расположения духа, характера, темперамента, вследствие все-таки непрестанного возобновления черепа и мозга каждого индивидуума. По мере того как одни частички исчезают, а другие

появляются и занимают место первых в мозгу или в черепе, содействуя дальнейшему развитию головы живого существа, те из них, которые составляют череп, должны естественным действием этого непрестанного возобновления принять форму верхней части мозга в прямом соприкосновении с внутренней частью черепа. На этом основана френология.

Отсюда следует, что человеческое существо – сначала ребенок, потом юноша, наконец взрослый человек, постепенно развиваясь, проявляет способности, наклонности дурные или хорошие, но всегда соответствующие кругообращению его мозга и свойственные каждому индивидууму. Отсюда удивительное разнообразие человеческих черепов.

Предоставьте человека самому себе, без руководителей, без принципов – и он получит склонность к дурным инстинктам; кругообращения мозга, соответствующие этим инстинктам, будут преобладающими, если он не обратит своего внимания и не употребит своей силы воли к их порабощению (Изабо).

Но не до такой же степени человеческая свобода наклонна к дурным инстинктам вследствие первоначального греха или недостатков нашей организации, чтобы наш разум не мог их победить? Достаточно только, чтобы мы были неутомимы и тверды в своих добрых намерениях. Правда, что способность твердого хотения, принцип отлагательного действия (le principe potentiel), служащий выражением нравственной силы, требует крепости нервов, разума и сердца, редко встречающихся вместе в одной и той же организации, но природа – по данным ей законам – и тут сумела вознаградить за эти недостатки. Большая часть отправлений совершается перемежающимся образом и могут сделаться совершенно пассивными. Пищеварение напр. не беспрестанно действует, сила мускулов не постоянно же в упражнении и т. п. То же самое в способностях нравственных и умственных: страсти представляют промежутки, в продолжение которых человек освобождается из-под их власти. В эти-то минуты молчания, говорит доктор Лязиов, человек может вникнуть в самого себя, измерить всю опасность страстей, чтобы добрыми намерениями предохранить себя от их возвращения. Тут религия по справедливости может быть верным средством против искушений.

Таким образом, хоть иногда свободная воля и поддается упорству страстей, но большею частью превышает их и независима от причины, т. е. организации.

9 Зак. 37313

Остается сделать последнее замечание на этот важный случай, именно то, что природа выказывает явное и, можно бы сказать, исключительное предпочтение тем способностям, которыми ею оделены все живые существа, т. е. таким, которые поддерживают и распространяют существование родов и индивидуумов, – предпочтение, которое доктор Вуазен выводит главным образом из того, что животные инстинкты и наклонности проявляются в жизни прежде нравственных и умственных способностей, которые тем не менее скорее слабеют с летами, а иногда даже и вовсе не проявляют своего существования без всякого ущерба нашим жизненным отправлениям, как мы это нередко видим у идиотов, иногда же исчезают временно, как то случается с умалишенными, когда какие-нибудь препятствия неизвестного рода помешали развитию человеческой головы. Отсюда тот вывод, что те способности человека, которые он наравне делит с животными, чрезвычайно деятельны и живучи сами по себе, тогда как способности нравственные и умственные нуждаются в поддержке внешними предметами и некоторым образом во вторичном творении, чтобы приобрести то развитие, к которому они способны для полного руководства иными действиями (Вуазен).

Не можем не упомянуть здесь о спасительном евангельском учении относительно различных степеней силы свободной воли: «Господь откроет слабым сокровища Своего милосердия, и каждый из нас будет судиться за дела свои, смотря по тем дарам, которые он получил.» Отсюда же и это заключение общественной нравственности, которое, увы, чаще проявляется в теории, нежели на практике, что если общество по справедливости многого требует от того, кому много дало, то не менее было бы справедливо, если бы оно немного требовало и с того, кто немного получил.

Cui multum datum, multum quaeretur ab eo.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ARGOT – ВОРОВСКОЙ ЯЗЫК ПЛУТОВ

Во всем своем значении слово argot значит скорее скрытый косвенный язык нежели производный от главного, племенного наречия, язык, который употребляется во всех мастерских, чтобы выразить известные ве-

щи, известные понятия, искусства прямо сюда относящиеся, что не так легко можно было обозначить общим языком. Науки, искусства, сцена, кафедра, магистратура – имеют свою особенность в языке, подобно тому, как ее же имеет торговля, финансы, промышленность, книгопечатание и т. д. Но к языку плутов относится так называемое argot в его прямом значении. Об этом-то argot я и хочу поговорить.

Во-первых, откуда происходит это слово? Происходит ли оно от простой передачи букв от известного бездельника по имени Ragot, который жил во время Людовика XII, и откуда произвели ragoter, что значит охать, стонать, ворчать, жалобно припевать на манер нищих, по словам Ле-Диша (Le-Duchot) в его заметках о Рабеле (Rabelais). Или происходит ли оно от города Argos в Греции, потому что множество слов воровского языка перешло от греков по замечанию де Фюрстьера (de Furetiere).

Или, может, от apvos otiosus, которое означает слово jargon, наречие, по мнению Шарля Нодье.

Или не берет ли оно начало от Argus, символа бдительности, обмануть которую стремятся все мошенники, как думает Франциск Muchel?

Не происходит ли оно от латинского слова ergo, по подражанию ergo школ – манера говорить, которая только там и употреблялась, по словам Кювье? Или от слова ergoterie – ссора, спор, которое выговаривали в XVII столетии argoterie, а мы впоследствии сделали ergutie, как говорит Кузен в своей книге о г-же Сабле.

Но каково бы ни было происхождение этого слова, вот происхождение вещи. Когда всевозможные унижения и крайности доходят до своего maximuma, тогда отчаянная нищета решается вступить в борьбу против счастья и господствующих прав, борьбу страшную, где то силой, то хитростью, но всегда свирепо и вредно, она поражает общественный порядок своими пороками и преступлениями. Нужды этой борьбы выдумали свой боевой язык. Этот язык – argot. Нет сомнения, что воры прежних времен имели свой argot, подобно нынешним, т.е. специальный язык, который они употребляли или для сообщения между собою, или для того, чтобы скрыть свои тайны от правосудия, а планы – от своих жертв.

Но история и древняя поэзия ничего не оставили нам о похождениях и языке Картушей и Мандринов Афин и Рима, ничего о тех памятных неизвестных людях, quosfama obscura recondet, как говорит Виргилий.

История и поэзия средних веков были не так суровы, ибо писания этих времен испещрены арготическими словами, и с тех пор argot все шел, усовершенствуясь, обогащаясь, обобщаясь до такой степени, что «теперь, –говорит один автор XV столетия, – нет такой ничтожной девчонки, которая бы не говорила этим языком».

«Потому-то, конечно, – говорит Генрих Этьен, – жаргон, которым объясняются между собой их толпы, никогда не доходил до большого совершенства».

Argot возвысился даже в XV столетии до степени литературного тона. «Литература становилась все более и более выразительной, карикатурной и смешной по мере того, как сюжеты ее делались мрачнее и ужаснее. Понятия о тюрьмах переходили в шутку, настоящий карнавал мысли, где смерть играла роль буффона» (Les mauvaies garcons).

Два завещания известного поэта того времени Франсуа Виллона (Francois Villon), вора по профессии, и его jargon и repues franches, поэзии, написанные языком argot, где только и говорится, что о плутах, возбудил удивление знаменитого Клемана Моро*). (Clement Morot), а Монтан говорит по этому случаю, что он лучше хотел бы, чтобы его сын учился говорить в тавернах, нежели в школах (Esseus 3, 8).

Что же удивительного после этого, если гг. Ройе, Август Барбье в Mauvais garcons, Бальзак во многих из своих сочинений, Евгений Сю в Mysteres de Paris, В. Гюго (Victor Hugo) в dernierjour dun Condamne и в Miserables посвятили нас в тайны argot, и что один ученый, корреспондент университета, Франциск Мишель, сделал из него специальное сочинение величиною в 8-ю долю листа под заглавием *«Статья Сравнительной Филологии argot»* (Париж. 1856 года. Типография Дидо, книжный магазин Лекривена и Тубона.)

---

*) Смотрите предисловие Клемана Моро в его издании произведений этого знаменитого вора-поэта. La legende de maitre Pierre Faifeu не менее интересна в этом отношении. Любопытный образчик подобного же рода произведений может представить «La Vie genereuse des matois, gueux, bohemiens et cajoux», содержащая описание их образа жизни, привычек и языка Пешоном де Рюби (Pechon de Ruby).

В сущности, что же такое argot?

Никто не ответил так красноречиво и живописно на этот вопрос, как автор «Les Miserables»: « argot есть не что иное, как гардероб, где язык, имея нужду скрыть что-нибудь дурное, переменяет свой костюм. Он облекается в слова-маски и в рубище-метафору. Таким образом, он является ужасным. Он уже не идет, а прихрамывает; он ковыляет на костыле в *Двор чудес,* на костыле, превращенном в дубину. Он называется нищенством и гримируется всевозможными чудовищностями; он ползет и извивается – двойной символ пресмыкающегося. С этой минуты он способен на всякие роли: он является мутным, двусмысленным у фальшивого делателя, отдает медянкой у отравителя, как сажа черен у поджигателя, а убийца кладет на него свою кровавую печать.

Argot – язык, ставший каторжником. Каждый слог отмечен; слова обыкновенного языка становятся будто отмеченными раскаленным железом палача. Некоторые словно еще дымят. Та фраза производит на вас действие внезапно обнаженного плеча преступника, заклейменного ужасным знаком. Метафоры там иногда так дерзки, что чувствуешь, будто они на железном ошейнике. Argot есть ли язык? Соглашаются в том или нет, но у argot есть свой синтаксис, своя поэзия. Это язык. Если, благодаря чудовищности некоторых вокабул угадываем, что им говорил Мандрин, то по великолепию некоторых метонимий (Metonymies) чувствуешь, что он исходил из уст Виллона (Villon). Это целый язык в языке, нечто вроде болезненного нароста, вредная прививка, произведшая растение-паразит, которое имет свои корни в древнегалльском стволе, паразит, которого зловещие листья покрыли целую половину языка.

Это можно бы назвать первым видом, вульгарной наружностью argot. Но для тех, кто изучает язык так, как его следует изучить, т.е. как геологи изучают землю, argot является настоящим наносом. Вникнув в него поглубже, найдешь под древнефранцузским народным языком, провансальский, испанский, итальянский, английский, немецкий, романский, латинский, наконец, кельтский и язык басков.

Образование мрачное и странное. Подземное здание, сообща построенное всеми плутами. Каждая проклятая раса клала свой слой, каждое страдание положило свой камень, каждое сердце дало свой кремень. Толпа душ дурных, прекрасных или озлобленных, прошедших жизнь и исчезнувших в вечности, все там и как будто еще виднеются под формой чудовищного слова.

Вот названия некоторых из этих слов, какие я дал в статью: Argot du Dictionnaire de La Conversatoon, но исправленные и прибавленные по словарю argot Видока и Сравнительной Филологии argot Франц. Мигнеля.

Abbaye de monte a regret – прежде виселица, теперь гильотина.
Abuler – прийти, прийти к концу, родить.
Affaire – имеющееся в виду воровство.
Affe – жизнь, душа.
Affranchi-ie – развращенный, переставший быть честным.
Affranchir – развратить, научить тайнам воровства.
Affurrer, или affuher – обмануть.
Agobille – снаряд, орудие.
Aile – рука.
Allumer – видеть, смотреть.
Andouille – человек без энергии, без характера.
Antiffer – заманивать лаской, женить.
Arnache – обман.
Babillard – исповедник.
Balader – выбирать, искать.
Balai – жандарм.
Balle – голова. физиономия.
Bollon – зад.
Banque – согласие между плутами.
Bottanh – сердце.
Batterie – обман, ложь.
Battoir – кисть руки.
Beurre – деньги монетой.
Bouffarde – трубка.
Boulangere – дьявол.
Bouliner – воровать.
Cafarde – луна.
Camarde – смерть.
Caner – кончиться, падать, умереть.
Cardeuil – полицейский комиссар.
Carline – смерть. Намек на отсутствие носа у скелетов, как у мертвых.
Cavaler – убежать.
Chasse, chassis – глаз, глаза.
Chene – (faire suer le chene) – убить человека, пустить ему кровь.
Cigogne – палата юстиции, префектура.
Colas, colin – шея.
College – тюрьма.
Coloquinte – голова.

Coquer – доносить.
Craches – говорить.
Cramper – бежать.
Crosse, crosseur – Народное министерство.
Crucifix a ressort – пистолет, ружье.
Ceusene – префектура полиции.
Cuit – (etre) – осужденный.
Cupidon – лоскутник.
Curieux – следственный судья, президент.
Daron, oune – отец, мать.
Darelant – любовь.
Decunilles – спасаться, бежать.
Decarrade, decarres – выход, выходить, уйти.
Devidage – [illegible] речь.
Diable – [illegible] искуситель.
Dix huit – [illegible] заметки у башмаков (18 – два раза 9).
Dominos – [illegible]
Dure – [illegible].
Ecorne, ee – [illegible]нный.
Egrugeuir – [illegible].
Endermir – [illegible], убить.
Epange d'or – [illegible]ий, поверенный.
Ebatier – уб[illegible]
Escargot – [illegible].
Farquer – [illegible].
Fauctarts – [illegible].
Faucher – отр[illegible].
Fretilie – со[illegible].
Fievre cerebrale – обвинение, ведущее за собой смерть.
Fioler – нож.
Fleur de moi – девственность.
Fandriere – карман.
Fric-frac (faire) – взлом, звукоподражание.
Frileux-se – трус, трусиха.
Gazon – парик.
Gerber – обвинить, судить.
Geries – судья.
Harpe – решетка, железная загородка.
Harpions – руки, пальцы.
Hoputol – тюрьма.
Incommode – фонарь.
Jouer du violon – пилить кандалы.
Juduiter, judasses – целуя, обмануть.
Jidee – префектура полиции.
Juge de paix – палка.
Juste (la) – Ассизный суд.

Lessive – защитительная речь.
Lessivant – защитительная речь.
Limace – рубашка.
Laurde – дверь.
Luisant – день.
Lumignon (le grand) – солнце.
Lycee – тюрьма.
Molade – заключенный.
Moladie – заключение в тюрьме.
Marchand de lauts – жандарм.
Mec – господин, король.
Mec des mecs – Бог.
Medecine – защитительная речь.
Medecin – адвокат.
Messe du diable – допрос обвиненного.
Mordaute – пила.
Mouchailler – смотреть, как мухи, которые видят, не смотря.
Maucharde – луна.
Mousseline – кандалы преступника, белый хлеб.
Muette – совесть.
Msuicien – турецкий боб.
Nettoyer – воровать.
Ombre (faire ou mettre a l') – убить.
Onguent – деньги.
Profande – погреб, карман.
Pelure – пальто, редингот.
Peter – жаловаться правосудию.
Philosophes – дурные башмаки.
Pipe (casser su pipe) – умереть.
Piquepou – портной.
Pivert – пружина часов, зубчатая, как пила.
Plume de beauce – солома.
Pre – галеры.
Quilles – ноги.
Quinquet – глаз.
Raccaurcir – гильотинировать.
Roffale – нищета.
Raisine – кровь.
Refroidir – убить.
Rousse (la) – полиция.
Roussin – полицейский агент, сыщик.
Sauce – выговор, исправление, наказание.
Sorbonne tete – голова.
Sorgue – ночь.
Tasse (la rgande) – море.
Tiravts – чулки.

Firemonde – акушерка.
Tirer le chausson – убежать.
Tocquante – часы.
Tomber malade – быть арестованным.
Tournote – ключ.
Tronche – голова.
Valser – бежать.
Vaner – уходить.
Vesse (avoir le) – бояться.
Veuve (le) – прежде виселица, теперь гильотина.

Как бы ни был богат арготический язык, он все-таки не может перевести каждое французское слово на соответствующее ему арготическое. Когда вы хотите сказать слово на argot, и не находите надлежащего ему значения, – присоедините к нему только окончание mare. Становясь argot, оно делается непонятным, особенно когда погружено в кучу других еще более непонятных слов. Таким образом, если я не знаю как назвать парикмахера на воровском наречии, я говорю: perruquemare и т.д.

Предлоги, члены, наречия те же, что и в обыкновенном языке. Синтаксис тот же в том смысле, что арготические фразы составляются, сообразуясь с правилами французской грамматики, так что у argot нет свойственного только одному ему синтаксиса. Слова, из которых он состоит, заимствуются от естественного языка индивидуумов, которые им говорят с той разницей, что смысл их разнится более или менее от общепринятого значения и более аллегоричен. Метафоры и аллегории кажутся его главным основанием, потому что особенность языка, который хочет все сказать и в тоже время все скрыть, заключается именно в изобилии фигурных выражений. Метафорой вор прикрывает замышляемое воровство, заключенный – свой побег.

Изображать словами предметы есть основание всякого человеческого языка. Это можно назвать гранитом. Argot размножает слова подобного рода, слова непосредственные, собранные отовсюду неизвестно кем и когда, без этимологии, без аналогии, без производства, слова одинокие, варварские, иногда чудовищные, но имеющие странную силу выражения, слова, которые какбудто живут.

Argot питается языком. Он его употребляет по желанию, он из него черпает и часто ограничивается тем, что грубо и кратко его искажает. Чаще всего, чтобы сбить с толку слушателей, argot невнятно прибавляет ко всем словам языка род гнусного хвоста, окончания на

aille, на orgue, на iergue, или на uche. Пример: Vaujiergue trouvaille bonorgue ce gigotmuche *)?

Фраза, которой Кортуш спрашивал у тюремщика доволен ли он предложенной ему суммой за способствование к побегу.

Окончание на mare в большом употреблении в настоящее время. «Подлое и гнусное наречие, отзывающееся грязью, зачумленное отродье тины и мрака.

Оно кажется в самом деле страшным зверем, созданным для ночи, которого вывели на свет из его берлоги. Думаешь видеть что-то ужасное, живое и щетинистое, что дрожит, ищет мрака, грозит и косо озирается. Вот слово похожее на кости, другое на померкший, кровавый глаз, вот фраза, напоминающая клешню морского рака. Все это живет той странной живучестью вещей, которые организовались среди расстройства.

Да, но исследуйте, рассмотрите каждое слово, и вы увидите, какой глубокий смысл виден под его шутовской или чудовищной оболочкой. Argot, будучи языком разврата, скоро развращается. Кроме того, стараясь вечно спрятаться и видя себя понятым, он убивает там все, к чему ни прикоснется. Таким образом argot подвигается, расстраиваясь и составляясь вновь, – темная и быстрая работа, которая никогда не прекращается. Он больше пройдет в 10 лет, нежели обыкновенный язык в 10 столетий. Язык Кортуша был бы теперь непонятен для Лясенера. Слова этого языка постоянно бегут, как люди, которые их произносят (р. 400). Впрочем, время от времени именно вследствие этого движения старинный argot появляется вновь и делается новым. Законом же ему служит постоянное движение, и язык по-прежнему богат остроумными выражениями, гибкими, энергическими, живописными. Говоря об argot, Charles Nodies говорит, что вообще он составлен умно, потому что составлялся по необходимости и людьми, у которых в уме недостатка не было».

Но в argot есть что-то еще, кроме ума. Посмотрите, у злодея две головы: одна, которая рассуждает о его действиях и управляет его жизнью, другая, которую он имеет на плечах в день смерти. Голову, которая советует ему преступления, он зовет sorbonne, а ту, которая искупает его злодеяния, la tronche.

---

*) Находите ли вы вкусной эту баранью ляжку?

Когда у человека только рубище на теле и преступления на сердце, когда он пришел к двойному уничижению, нравственному и материальному, выраженному под его двояким видом словом queux, нищий, он готов на преступление, как хорошо выточенный нож, – у него два лезвия: его ловкость и злость.

Что такое галеры? Горячие уголья проклятия, ад. Каторжник зовет их Pagot, связка прутьев. Наконец, какое название дали мошенники тюрьме? *Школа, лицей.* «Целая пенитенциарная система может выйти из этого слова», – говорит с глубоким смыслом Виктор Гюго.

Все, что я писал от себя о нравственной реформе тюрем заключается, действительно, в этом слове.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

БОЛЬШЕ ЛИ ТЕПЕРЬ МОШЕННИКОВ, НЕЖЕЛИ БЫЛО ПРЕЖДЕ?

Да, теперь больше мошенников, нежели было прежде; никогда в прежнее время не совершалось столько и таких важных преступлений, как теперь.

Вот, по крайней мере, что говорит и повторяет laudatores temporisacti.

Но правда ли это? Чтобы решить научным образом этот вопрос, надо доказать, возможно ли сравнение эпохи с эпохой, народа с народом. Т.е. может ли то и другое сократить расстояние веков и промежуток мест настолько, насколько эти точки, обозначенные в своих крайних границах, представляют между собой тождество слов, вещей, нравов, предрассудков, законов, обстоятельств общественных или политических и т.д. Иначе это сравнение было бы безрассудством, и то, что оно представило бы в результате за истину, в сущности было бы только ложью.

Сравните напр. статистику злодеяний и преступлений, совершенных ежегодно против нравов во Франции, со статистикой преступлений подобного же рода в Воодском кантоне в Швейцарии. Если вы сравните одни цифры, представленные той и другой статистикой, то найдете большую сумму безнравственности в Лозанне, нежели в Париже.

Между тем, это совершенно ошибочно. Отчего?

Потому что большая часть преступлений против нравов, не подлежащих уголовному суду во Франции, считаются преступлениями в кантоне В. Напр. проституция, терпимая нашими законами, карается древним консисторьяльным законом, поддерживаемым в уголовном своде законов в Швейцарии. То же самое относительно простого блуда вне супружества, за который тамошний закон наказывает равномерно обоих преступников вместе. Приложите этот закон во Франции и скажите, не изменится ли совершенно результат ваших сравнений?

Что же до сравнительной криминальности настоящей и прошедших эпох, та же разница законов и нравов не допускает что-нибудь сказать в пользу или во вред нашему времени.

Отодвинемся назад к XIII столетию.

В эту эпоху до революции 89 года преступления блуда, насилование природы, дуэль, магия, святотатство, отступничество, кощунство, богохульство и другие преступления в оскорблении религии и короля, предвиденные или непредвиденные законом, давали лестнице преступлений удивительный размер, совершенно вне пропорции изменениям, которые она испытала потом.

С другой стороны, шельмование, тайное наказание, допрос, позорный столб, публичное покаяние, пытка, колесование, растопленное олово, огонь и другие ужасные пытки, которые законная воля судьи умела так страшно разнообразить, давали лестнице наказаний характер прогрессивного увеличения в их применении, характер, имеющий устрашающее влияние, долженствующее в свою очередь упасть при нынешней системе смягченных наказаний. Итак, несходство нравов и законов между нашим и XVII веком не допускает никаких точек соприкосновения криминальности двух эпох и никакого нравственного сравнения и оценки.

Что же касается сравнительной таблицы цифр преступлений обеих эпох, то это мне кажется не более возможным.

Во-первых, в первое время не было официальной статистики преступлений во Франции, статистика, существующая ныне, ведется только с 1825 года, вещь, которая делает невозможным определение ежегодной цифры преступлений и злодеяний, совершенных до этой последней эпохи.

Во-вторых, газеты прежних времен не могут дать настоящей цифры преступлений, совершенных в империи при старинных законах, ибо цензура, которой были подчинены эти газеты, не допускала никакой публичности в криминальных

делах, тогда как теперь этой же публичности придаются не только важные злодеяния, но даже самые простые ошибки. Вследствие этого и кажется, что в нынешнее время преступлений больше, нежели прежде. Это гласность сделала то, что в настоящее время криминальность составляет такое поле в журналах, с которого благодаря любопытству публики собирают двойную и тройную жатву в один и тот же год. Это как граненое стекло, в котором одна и та же фигура появляется десять раз в один момент.

Действительно, стоит лишь совершиться преступлению, как периодическая пресса возвещает о нем всем частям империи. Потом следит за каждым шагом процедуры и во все время прений рассказывает самые ужасные подробности. Из этого выходит то, что преступлений кажется больше, нежели их есть на самом деле, и этот самый факт опровергает мнение тех, кто говорит, что плутов и мошенников больше теперь, нежели прежде.

Еще более оправдывает эту мысль тот факт, что теперь больше доказанных преступлений, нежели прежде. Эта доказанность значит ли, что их действительно больше? Нисколько. Она происходит единственно от того, что полиция приобрела более ловкости, и что наказания, потеряв свою строгость, сделались чаще.

Вдобавок (решим предварительно, что нельзя вести параллель в преступлениях различных эпох) достаточно вспомнить о варварстве прежних наказаний и смягченности нынешних, с одной стороны, с другой, о меньшей плотности народонаселения, чтобы безошибочно заключить, что нравственность доброго старого времени подвергалась меньшей критике, нежели какой ее подвергает критика наших времен.

Это заключение выводится не из одних рассуждений, оно выходит из логики фактов. Разверните, например, Грегуара Тура, Фредегера или хронику Норманов, вы там ничего не увидите, кроме воровства, насилия, поджогов, отравления, убийств. Хотите ли вы подойти к более близкому времени, эпохе более цивилизованной, к блестящему, воспетому веку Людовика XIV? И что ж? Вы видите, что в 1665 году 12 тысяч жалоб поступает по очереди к королевским комиссарам за важные преступления всякого рода, что было 276 повешенных, 96 изгнанных, 44 обезглавленных, 32 колесованных, 28 осужденных на каторгу и 3 к кнуту. Т.е., что в 1665 году были судимы и наказаны смертной казнью в одной провинции в два раза с половиной большее число людей, нежели теперь это слу-

чается в целой Франции, потому что средним числом империя представляет не более 4800 криминальных дел, и не более 50 человек осуждается на смертную казнь.

Не свидетельствует ли это достаточно, что великий век был особенно велик преступлениями, и Буало, известный поэт того времени, говорит то же самое в своей сатире, где он рассказывает о всевозможных преступлениях, совершающихся в Париже. Заметьте еще, что Буало получил пенсион в качестве историографа Людовика XIV. Чего бы он не прибавил к своему описанию, если б ему не платили! Поэтому-то один из поэтов нашего времени, Мери, восклицает, подражая прозопопее Фабриция: «О Буало, что сказал бы ты теперь, видя перед собой Париж, когда-то тобой осыпанный эпиграммами. Боже! Что стало с теми ворами, которые наполняли улицу Neuve-des petits Klamps, разбивали стекла выстрелами из пистолетов по захождении солнца, опустошали улицу Saint-Honore во всю ее длину, держали совет на площади des jnnocents и убивали смертных на Pont-neuf. Как, неужели теперь гуляют безопасно целую ночь по бульварам! Не секут более сторожа, преобразовавшегося в сержанта? Да зато какие же это были сторожа? Пьяный патруль из 4 инвалидов, готовых продать свои пищали, чтобы поиграть в брелан. Как все переменилось, профессия уличного вора окончательно пала!»

Из этого видно, что сатира Буало была не фантазией, не метафорой, эта корреспонденция, ставшая гласною, корреспонденция известного лица и вовсе не поэта, содержащая точные подробности о криминальности этой эпохи.

«Только и говорят, – пишет Гюи-Патен (Guy Patin) в 1668 году, – что о домашнем воровстве, о лакеях и горничных, обкрадывающих своих господ и идущих на виселицу».

Гюи-Патен прибавляет: «В 1650 году в Париже вешают много воров; – в 1653 в Париже казнены многие фальшивые делатели, воры и убийцы; – в 1659 только и делают, что вешают или колесуют; – в 1664 – в окрестностях Парижа днем и ночью воруют и убивают; – 1666 – случаются частые казни воров и фальшивых делателей; – в 1667 только и слышим, что о воровстве, убийстве и других преступлениях; – в 1669 только и говорят, что об убийцах и мошенниках, смертые казни беспрестанны...»*)

А между тем сколько преступников избегло казни и даже правосудия, или благодаря тому страху, какой они

---

*) Избранные письма Гюи-Патена. Гага, 1718, 3 toma In Новые письма, 1734 года.

внушали, или посредством помилования, которое без труда могли выхлопотать люди богатые или высоко поставленные!

Однако не всем удавалось спастись, и корреспонденция доказывает, что в те двадцать два года, которые она обнимает, мир мошенников не один раз подвергался в лице своих сообщников мечу правосудия.

Вот несколько подробностей, которые мы почерпнули из этой корреспонденции – они поучительны.

Фальшивые делатели. Фальшивые делатели в письменных делах публичных и частных и подделыватели печатей многочисленны. Между ними есть каноник, архидиакон, адвокат, два нотариуса и президент окружного суда.

Между лжесвидетелями два доктора Сорбонны. Между фальшивомонетчиками в числе тридцати – один хирург, племянник первого королевского врача, два медика, священник, настоятель, судья, два джентльмена.

Воровство. 19 случаев домашнего воровства и 9 – на большой дороге. Между ними 4 открытой силой, 11 учиненных с убийством, 26 соединенных с другими отягчающими обстоятельствами. В числе публичных или замечательных воров находят банкиров, благородных лиц, сыновей государственного советника, а между ворами больших воров: прокурорского клерка, советника счетной палаты и много джентльменов.

Убийство. 30 обозначены Гюи-Патеном, из которых 3 учинены днем, а 5 других с обстоятельствами, которые превышают преступления *Мингра* (Mingrat), *Дакалонгов* (Decalongue), Лясенеров и других известных бандитов нашего времени.

Таким образом, в 1667 году контролер в доме сына великого Конде убит своими людьми колотушкой.

В 1649 г. одна графиня и ее дочь после попыток убить мужа и зятя во время охоты или отравить его раны подкупом врача соединяются и душат его своими руками.

В 1655 г. сын прокурора парламента без всякого повода, без всякой причины холодно убивает свою жену ударами ножа.

В 1657 г. нежный сын одного джентльмена помогает ворам убить своего отца, чтобы разделить добычу.

В 1668 г. помощник прокурора Парижского парламента пытается убить одного из своих друзей взрывом, посылая ему шкатулку, наполненную порохом и пулями. Наконец, в 1668 г. воры убили в отеле епископа и его камердинера, разрезали его тело на несколько частей и бросили в отхожее место.

Отравление. Гюи-Патен говорит о двух отравлениях, совершенных в 1657 и 1665 годах двумя женами над их мужьями, из которых один был писатель, а другой советник счетной палаты. Он приводит еще 4 случая отравления, совершителями которых были лакей, аптекарь и двое духовных лиц. И все это, не считая злодеяний слишком известной Бренвилье (Brinvilliey), которая отравила отца, братьев, мужа, сестер и т.д., не считая также ужасных покушений, к которым привела гнусная скупость кавалера и аббата де Ганж (de Ganges) против их злополучной невестки, покушений, где за отравлениями следовало несколько убийств, совершенных среди белого дня с зверским хладнокровием.

Возмущения. В 1859 году сборщик податей, которого велено было арестовать, убивает четырех стражей, сопровождавших исполнителей правосудия, и избегает таким образом исполнения приговора.

В 1669 году лакеи производят ужасное восстание около Парижских ворот, чтобы освободить двух преступников, мужчину и женщину, шедших на эшафот, восстание, где много было убитых и раненых.

Преступления разного рода. Между множеством разных преступников известны картезианские монахи Кармелоты и дочь президента Парижского парламента.

Между поджигателями – джентльмен и доктор.

Наконец, между людьми дурного поведения 3 светских священника и два монаха.

Таким образом, когда теперь большая часть преступлений самых важных совершается виновными, принадлежащими к низшим классам общества, в XVII стол., напротив, высшие ступени криминальности достигаются благородными судьями, государственными советниками, докторами и т.д.

Прибавим, что в рассказе Гюи-Патена о смертных казнях он приводит: 88 повешенных, 7 казненных на костре, 12 обезглавленных, 56 колесованных; что составляет 163 смертные казни. И какие казни! В промежуток 22-х лет, т.е. вдвое больше против того, что в такое же пространство времени (от 1825 до 1842 г.) произнес Парижский Ассизный суд, хотя плотность народонаселения увеличилась, а произнесено было только 67 смертных приговоров.

Из этого следует, что из сравнения, которое хотят установить между числом и важностью преступлений прежнего времени с числом и важностью преступлений нынешнего нельзя видеть нравственного превосходства одной эпохи над другой.

Настоящее время обвиняет себя в этом, как и во многих отношениях. По крайней мере оно слишком злоупотребляет против самого себя в заседаниях Ассизного суда, где преступление периодически получает наказание, вменяемое ему уголовным законом, оставляя в самом глубоком забвении, какбудто они не существовали для него, заседания Французской академии, где определяются премии за дела добродетели, и столбцы Moniteur, где через три месяца печатают о действиях честности, мужества и преданности, которые особенно отличают наш трудолюбивый класс, составляя, можно сказать, его исключительную принадлежность.

Порок гремит больше невинности, преступления производят более шума, нежели дела добродетельные.Сколько есть тайных добродетелей, которые бы могли вознаградить за все публичные скандалы нашего времени. Один ученый академик, Барант, выставил эту истину на вид в своей красноречивой речи, полной трогательных рассказов, в заключение которой сказал, что наши нравы лучше нравов наших предков.*)

Заключение, которое два уважаемых писателя гг. Фредерик Локк и Кули д'Арагон (Frederic Lock et Couly d. Aragon) сделали общедоступным, публикуя собрание рапортов, прочтенных во Французской академии о добрых делах, заслуживших Монтионову премию (prix Monryon), два тома, где только говорится о благотворительности, мужестве, преданности, пожертвованиях; где на каждой странице видим героя или праведника.

Но не одна случайная черта мужества или добродетели делает достойным награды в глазах академии – тут нужна продолжительность действий, постоянство в самопожертвовании, привычка к самоотречению; это – поддерживаемый героизм, постоянство терпеливых и мужественных усилий, труд долголетней преданности.

Не достаточно ли этого, чтобы помирить настоящее время с его самыми жестокими хулителями и обнадежить себя в том, что наш бедный век может стать великим веком для наших правнуков. Достаточно одной истории основания Монтионовой премии, чтобы доказать, что мы не хуже наших предков! Когда эти премии раздавались в первый раз в 1783 году, знаете ли вы, что случилось? Madame de Ривароль (Rivarol), служанке которой академия назначила премию за то, что она помогала своей госпоже в ее нищете, из-за гордости и неблагодарности вздумала отказываться от благодея-

*) Месячное заседание Французской академии в августе 1855 года.

10 Зак. 37313

ния, которым пользовалась. Это произвело скандал, но тем не менее было. Могло ли бы это случиться теперь?

Другая нравственная история того же времени: первая премия, назначенная за произведение наиболее полезное нравам, была предметом спора между двумя дамами тогдашнего большого света, madam de Жанлис (M-e de Genlis) и madam d'Эпиней (m-e d'Epinay). Во всей Франции не нашлось конкуренток более добродетельных!

Г. Барант говорит с насмешкой по этому поводу: «М-е Д'Эпиней, у которой было несколькими любовными историями больше, чем у ее соперницы, одержала верх.Она была первая, которую венчала академия. Теперь уже таких не венчают».

Не от этого же нравственность века падает!

Что такое напр. грешки времен великого Императора в сравнении с чудовищными грехами времен великого Короля? Неужели теперь были бы возможны позорные дела времен регенства и Людовика XV?

Самая наша литература, которую обвиняют в безнравственности, стыдлива и степенна в сравнении с литературой доброго старого времени. Хотя я и не отрицаю, что *Фанни, Бовари, Антуан, Керар* (Antoine Querard) и другие новейшие произведения в том же роде издают не совсем хороший запах. Но за то и такие романы, которыми упивались некогда пресыщенные аппетиты, производят на людей вкуса и чувства скуку и отвращение – чувства, которых, конечно, не испытывали наши отцы, приученные к чтению le Sapho, les Lijoux indiscrets, le Libertin de qualite, le Portier des Chartreux, Juctine и т.д., произведений, читаемых с жадностью молодежью прошлого века и оставленных теперь вовсе.

В настоящее время не только слэстолюбивые сочинения маркиза *де Сада* (de Sade) или Дума Majae (compere Mathien), но даже вольности и игривые картины Рабле, Ренье, Бюссо Рабютело, Талемин de Pes (Tallement des Reaux) и даже Вольтера и Сен Симона не найдут места ни в библиотеке, ни в кабинете порядочного человека.

Брантом, прежде читаемый в кружках, не читается более даже в будуарах, и новое издание его Amnas лежит покинутое, несмотря на свой заманчивый титул, у книгопродавцов низшего сорта. Не смотрят более на *Фоблаза* и романы Паго-Лебрена (Pigault Lebrun) – устарели до крайности.

Да!.. Но Любовь Мишле (Michelet), возразят мне. Как бы ни был велик успех при появлении этого странного трактата супружеской физиологии, ибо в сущности это не что иное – это книга, которой маркизы XVIII в. наслаждались бы за своими ужинами, теперь не читается более, и даже не видишь нигде. Нигде, возразят мне, т.е. везде!

«То есть, – отвечу я г. Кювилье Флери (Cevillier Fleury), – она прошла по свету молчаливо, со смесью дерзости или стыда, удивляя одних, скандализируя других, но ни в ком не оставив здорового впечатления или хорошего воспоминания».

Та или другая эпоха должна быть судима по собранию сочинений серьезных и строгих, а не нескольким эксцентрическим индивидуальностям, делающим скандалы на улицах. Можно ли судить о нравах народа по нескольким пьяницам и о его нравственности по нескольким бродягам? Впрочем, уже давно известна мания нападать на все настоящее, унижать свое время, вести процесс со своей страной, вызывать тени умерших по поводу дурной книги, дурного романа, дурного дела.

Мы все, как Альсест, противопоставляем *старую песнь всему, чему удивляются* в наше время.

Проповедники, моралисты, поэты, критики прошлого времени только и делают, что жалуются на пороки своих дней и хвалят без конца добродетели прошлых лет.

У Лябрюйера (L a b r u y e r e) есть страницы, которые заставляют содрогаться. Буало – бич плохих поэтов и рассказчиков, предает анафеме разврат Парижа своих дней, «где одно искусство в ходу, искусство ловко воровать».

Где горделивый порок выдает себя за властелина,
И идет с митрой на голове и с посохом в руке.

Какому епископу нашего времени может относиться этот бичующий упрек последнего стиха, тогда вполне заслуженный? Неужели монсеньорам Келену (Q u e l e n), д'Афру (d'A f f r e), Сибуру (S i b o u r), Морло (M o r l o t), Дарбою (D a r b o y) – этим почтенным прелатам, которых стремление направлено к одному владычеству – владычеству добродетелей, полный образец которых они собой представляют.

Разве в наше время какой-нибудь кардинал де Роган компрометирует себя в скандальной интриге, подобной интриге в *C o l l i e r d e S e i n e*?

Разве теперь новый Jarente осквернит любовью какой-нибудь Гинар (G u i n a r d), епископский дворец в Орлеане, который его настоящий наместник, монсеньор Дюпанлу (D u p a n l o u p), возвышает таким чистым блеском?

Разве в наши дни чудовищный аббат Дюбуа мог бы найти до того слабого папу, чтобы осквернить своей грязью римскую пурпуровую мантию?

Нет, нет, весь этот позор стал теперь невозможен, потому что все епископы, папы и священники нашего времени обновились благодаря цивилизации, против которой они же столько кричали.

Возвращаясь опять к моим «овцам», т.е. к моим плутам скажем, что же такое la haute et basse pegre, составляющая сюжет этой статьи, и что такое le troisieme dessous des Miserables Виктора Гюго, в сравнении с этой ужасной Truanderie старой Франции, которой Grand Coestre и обширную организацию я описываю в специальной заметке в конце этого тома!..

Что же в сравнении с Мандрином Гойлерор (Queulemer), Бабет или Клаксу (Claquesous)?

Что такое шайки Лемера и Суфляра (Soufflard) в сравнении с шайками Пуналье (Poulailler) и Катушей?

По поводу всего этого, пораженный чудовищностью воровских дел, безнравственностью, развратом, которыми были запятнаны общество, правосудие столько же, как и мир мошенников тех времен, известный католический писатель сделал замечание, которое должно найти здесь место, а верность суждения которого не может не поразить всякого. «Прежде, – говорит автор «Этюдов о христианстве», – преступления были публичные, общественные, делаемые обществом; теперь же есть только преступления частные, да и те носят характер болезненности, эксцентричности, свидетельствующих скорей о сумасшествии, нежели об испорченности».

«Прежде, – продолжает тот же автор, – испорченность не была принадлежностью только некоторых душ, она была в духе общества, в законах, в мнениях, в учреждениях, в привычках, словом, проявлялась во всей жизни. Теперь же, я не боюсь это сказать, испорченности стало меньше, и каковы бы ни были отступления частных нравов, уровень общественной нравственности, за исключением времен переворота, шел, возвышаясь».*)

Я предоставляю это мнение чистосердечного и просвещенного католика на внимательное рассмотрение епископства и папства для будущих их пасторских посланий и циркуляров, в которых придется снова рассуждать о Moderna Civilitas.

---

*) Nicolas Etudes sur le Chirstianise.

Теперь, когда мы имеем общее понятие о физиономии мира мошенников, проникнем глубже в недра нашей задачи, рассмотрим в подробности intus et in cute, анализируя все разнообразие плутовского племени.

Это будет предметом второй части этой статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРВОЕ

СТАРИННЫЕ НИЩИЕ И ДВОР ЧУДЕС

В средних веках и до конца царствования Людовика XIV существовала во Франции ассоциация мошенников, известная под названием Нищих (truands), центром действия которых был Париж.

Это слово truands, может, происходит от старинного существительного tru, обозначавшего *подать*, именно потому, что не платя никакой, она сама собирала очень значительную с кошельков честных людей, которым приходилось таким образом расплачиваться за свою жизнь.

В Париже *Нищие* обитали в отдаленных берлогах, называемых сначала *башнями* (tours), потом *дворами* (Cours), впоследствии, в распространенном значении, *Дворами чудес*. Такими были специально некоторые переулки, ограды и глухие улицы, соседние или принадлежащие к улицам *Трюандра, Мортельри, Франкбуржуа* и т.д.

Но самым знаменитым из всех этих дворов был тот, который сохраняет это имя до сих пор, он находился недалеко от Порт-Сент-Дени, между улицей Нев-Сент-Совер и глухим переулком Филль-Дье. Он состоял, говорит Саваль, из значительного пространства, окруженного со всех сторон строениями низкими, углубленными, темными, безобразными, построенными из глины и грязи и наполненными нищими бродягами.

Это население питалось разбоем, жирело в праздности, жадности и во всевозможных пороках и преступлениях. Одним из основных законов этого места было не думать о завтрашнем дне. Никто не имел ни веры, ни нравов. Там не знали ни крещения, ни причащения, ни брака. Поклонялись они только изображению Бога Отца, которое похитили в какой-то церкви, и которому они каждый день молились. Разврат женщин и девушек доходил до крайности. Многие давали денег тем из мужчин, от кого были у их подруг дети, чтобы в свою очередь иметь детей и посредством их выпрашивать милос-

тыню (Sauvae). Все эти разбойники нищенствовали в кварталах, назначенных их начальником *великим Костром* (le grand Coestre). Покрывая столицу огромной сетью мошенников, похищали мужчин, женщин и детей обоего пола, чтобы продать их вербовщикам или переправить в Америку. На улицах они представлялись хромыми, горбатыми, изувеченными солдатами и выставляли напоказ свои ложные язвы, но едва возвращались в свои Дворы, они снова становились здравы и невредимы. Отсюда эти дворы и получили название *Дворов чудес*.

Экзекуторы, комиссары и другие агенты полиции не могли туда проникнуть, не рискуя быть побитыми или вовсе лишиться жизни. Эта страшная ассоциация бандитов имела своего верховного главу, свою общественную организацию, свой собственный язык, argot, который традиционно переходил от одного поколения воров к другому (см. выше).

Вот полная классификация членов этого странного общества с обозначением обязанностей каждого.

Главный начальник ассоциации *Нищих* назывался, как я уже сказал, *великий Костер*. В собрании картин этого времени под заглавием *«Книга поговорок», содержащих описание жизни нищих*, этот начальник нищих представлен одетым в изодранную мантию, с суковатой палкой в виде крюка в руке. Он сидит на спине вора кошельков, *на их* argot mion de boule, и на этом живом троне принимает дань своих подданных. У его ног стоит таз, куда каждый кладет свои приношения, что на их языке называется cracher au bossin. Один из главных приближенных этого начальника, стоя на эстраде, читает и объясняет приказы законодателя этого страшного народа.

Cagoux, или archi-suppots, – главные приближенные великого Костра управляли кварталами, или провинциями. Они обучали нововступивших своему языку, преподавали искусство обкрадывать купцов, резать кошельки, которые тогда носили на поясах, приготовлять мазь для фальшивых ран и уметь обманывать народ своими жалобами или ловкими штуками. Это первое отделение состояло из учеников или развратных духовных, которые в виду их старания к делу нищенствования освобождались от всяких податей, платимых подданными своему начальнику. Они эксплуатировали те провинции, на которые им указывал великий Костер. Их также называли narquois, или людьми de la petite, или decourte epee, потому что они носили ножницы для обрезки кошельков.

Сиротами называли мальчиков, которые в числе трех или четырех бегали на улицах почти нагие, дрожа от холода.

Marcandiers были «эти взрослые бездельники, которые ходили по улицам в хороших фуфайках и плохой обуви, большею частью по два, крича о себе, что они купцы, разоренные войной, пожаром или другими случайностями».

Bifodes в сопровождении своих вымышленных жен и детей, просили милостыню с свидетельством в руках о том, что огонь небесный истребил их дома и имущество.

Les malingreux назывались те, которые выставляли напоказ небывалые раны и болезни. Одни придавали себе фальшивую твердость и величину живота, уверяя, будто страдают водянкой; другие растравляли раны на руках и ногах и, собирая милостыню в церквах, говорили, что они отправляются за исцелением ко святым местам.

Les capous были плуты, которые христарадничали по кабакам, ловко подбирая все, что им попадало под руку.

Les pietres ходили на костылях, представляя калек.

Les polissons таскались большею частью вчетвером, одетые в фуфайки без рубашек, в шляпах без дна, с сумкой на плечах и с бутылкой на боку.

Les francs mitoux, повязывая грязной тряпкой свои лбы, представляли больных, падающих в обморок, и делали это так натуралью посредством тугой перевязи на руке, что не только обманывали прохожих, но даже самих докторов.

Les callots представлялись излеченными от коросты и говорили, что получили это чудесное исцеление в Сент-Рене.

Les hubauns показывали свидетельство, в котором было сказано, что, укушенные бешеной собакой, они молились св. Гюберту и получили исцеление.

Les sabouleux притворялись, будто подвержены падучей болезни и в конвульсиях падали на землю, испуская изо рта пену посредством кусочка мыла.

Les coquillards представлялись телеграммами из Сент-Жака и Сент-Мишеля.

Les courtauds de boutange просили милостыню и мошенничали только зимой.

Такова была, по словам Дюлора, эта страшная ассоциация мошенников и законных нищих, которая в течение нескольких веков обирала Париж и образовала в нем то обширное племя дикарей, которые не признавали ни совести, ни цивилизации.

Эта безнравственная и грозная ассоциация, возбуждая заботливость Людовика XIV, служила в то же время предметом потехи для его придворных. Зрелище одного из тех нищих, которые, возбуждая сострадание, в то же время обрезывали кошельки у тех, кто подавал им милостыню, казалось до того забавным, что в 1863 году оно служило, говорит Соваль, забавой королю и сюжетом входа в королевском балете «Ночь». Никогда, говорит этот писатель, быстрые превращения этих обманщиков не были лучше представлены; Бенсерад приготовляет нас к ним довольно изящными стихами. Лучшие танцоры изображают привратника и жильцов *Двора чудес* серенадой и монфами до того забавными, что все зрители признались, что ни в одном балете не было такого потешного входа.

В половине XIV века принимали меры против беспорядков в Париже и в окрестностях, производимых ленивыми нищими и ворами, не имевшими тогда еще той организации, которую я только что описал.

30 января 1350 года король Иоанн дал следующий знаменитый приказ полиции королевства: «Если, спустя 3 дня после этого, сказано в нем, *все нищие и бездельники* не освободят Париж и другие города ведомства, они будут отведены в тюрьму, где останутся на одном хлебе в течение четырех дней. Если же по освобождении из тюрьмы по окончании срока они снова будут праздны, не найдут мест и занятий, их ожидает позорный столб, в третий же раз они будут изгнаны из этих мест и заклеймлены».

Если этот строгий приказ и разогнал нищих, принудив некоторых к работе, то все-таки это продолжалось недолго, и из того, что они подверглись строгим мерам видно, что они по-прежнему остались ленивыми, ведя ту жизнь, которая была им так дорога.

Таким образом, несмотря на все приказы полиции, они сумели так хорошо утвердиться на той почве, которую эксплуатировали, что основали род корпорации, о которой я говорил в начале.

В 1656 году был основан *l'hopital general* с целью поместить туда все это безобразное население, избавив от него Париж, но это удалось лишь на время, если только удалось.

Шесть лет спустя после его основания прокурор парламента донес в требовательном акте «о беспорядках, воровстве, убийствах, совершаемых днем и ночью в городе и в окрестностях бродягами, нищими и мошенниками, из которых некоторые, если и не воруют сами, то служат шпионами ворам, и так же, как они, виноваты».

Парламент, отдавая справедливость этому акту, приказал, чтобы все солдаты без должностей, все бродяги, носящие шпагу, все нищие, уроженцы вне Парижа, удалились на место своего рождения под опасением кнута и клейма для здоровых, галер для изувеченных, женщин же ожидали плеть и публичное бритье».

Но строгость этого приговора и многих других только уменьшила, а не уничтожила зло, и лишь со времени 89 года население нищих, возведенное до 40 тысяч, по словам некоторых историков, шло все уменьшаясь до того, что их ассоциация, которую в наши дни напоминает la camorre de Naples, предмет нашей будущей заметки, кончила тем, что превратилась в camorre, описанную Виктором Гюго *в его* Miserables, и есть не что другое, как la haute et basse pegre, которую настоящая статья старается пояснить под именем (le monde des coquins) мира мошенников.

ПРИМЕЧАНИЕ ВТОРОЕ

La camorra И КАМОРРИСТЫ НЕАПОЛЯ

Camorra Неаполя и la haute pegre Парижа имеют между собой такую аналогию (хоть эта аналогия и не достигает высокой степени бандитства, первый образец которой представляет *нищенство* (truandrie), что наши читатели должны быть благодарны за те подробности полные интереса, которые Correspondance de Rome только что публиковала об этой знаменитой ассоциации политико-плутовской, К. обеих Сицилий.

La Camorra есть древнее тайное общество, происхождение которого столь же известно, как и этимология этого слова: camorra, camurra, gamorra.

Camorra имеет своих сановников, свои уставы, свое ученичество, свои испытания, свои степени дворянства.

Ее закон – право сильного, его конечная цель – эксплуатация слабого сильным; собрания каморристов происходят на галерах, в игорных домах, в казармах, в дурных местах, их место действий – везде.

Каморристы не имеют им одним свойственного костюма: они встречаются в лохмотьях среди улиц, их также видишь изящно одетыми на публичных гуляньях.

Дворянство, буржуазия и туземное низшее население доставляют им свою долю, буржуазия еще может меньше двух остальных классов.

Общество делится на два больших отделения: *внутренние* и *иностранные* дела. Путешественники, багажи, дилижансы, железные дороги, пароходы, отели и т.д. принадлежат ко второму отделению, первые разветвляются до бесконечности, смотря по сущности работы. Таким образом, к одному из этих разветвлений относится то высокое искусство воровать, которое не имеет себе подобного в свете, что очень хорошо знают иностранцы. Вор, прослуживший курс в Неаполе, может быть всюду принят; он может, способом только ему свойственным, сделать платок, часы, портмоне и т.д. Это не вор, это почти артист, любящий искусство для искусства. Другому разветвлению предоставлены азартные игры. Члены его считаются артистами в подменивании игорных карт – они умеют отлично обыграть игрока или заплатить ему фальшивыми деньгами. Они встречаются большей частью в кафе-ресторанах, у бильярда, хорошо одетые, причесанные, услужливые, с улыбкой на губах и всегда с полными карманами.

Каммористы, занимающиеся воровством, поистине бесчисленны, но как бы ни было их много, им все-таки нужна помощь этой толпы хромых, кривых, прокаженных, слепых, более или менее действительных, нищенствующих днем и спящих ночью на открытом воздухе по улицам Неаполя. Lazzoroni, которых ошибочно считают трудящимися для себя, в самом деле только помогают каммористам, от которых получают плату. Для всевозможных случайностей у них есть свой условный крик: когда они слышат мерный шаг патруля, они мяучат; если они [illegible], значит, идут два обхода; если идет один человек, они кричат по-петушиному; они чихают, если прохожий бедняк и читают громко Ave-Maria, если завидят того, кого ждут.

Контрабанда составляет еще одно из разветвлений *каморры*, даже из самых значительных, которая находится в наилучших отношениях с таможенными чиновниками.

Наконец, есть такие *каммористы*, которые спекулируют браками, кредитными письмами и сыновьями семейств. Другие укрывают краденое, делают фальшивые ключи, берут в месяц 100%, ловко овладевают контрактами, вмешиваются в продажи, в тяжбы, в сделки под предлогом своих услуг, но, в сущности, чтобы всем воспользоваться.

Те из *каммористов*, которые заведуют *иностранными делами*, пребывают большей частью на станциях железных дорог или в гавани. Они всегда безукоризненно одеты, предлагают свои услуги *даром* и с такой приветливой улыбкой, что поневоле их принимаешь. В конце же всегда чего-нибудь недостает в туалете дам или в вещах мужчин.

Очень рано, каждое утро, они собираются у ворот виллы Nazionale и собирают дань с каждого проезжающего кучера. Другие берут подать с хлеба и хлебных растений, ввозимых чрез Vicaria. Они знают всех крестьян, и беда тому, который не остановится по первому знаку шайки.

Целые толпы каммористов наводняют с утра Марсово поле, куда окрестные поселяне приносят на продажу плоды, яйца, козлят, кур, молоко, творог и т.п. То же самое происходит на мосту Магдалины, у ворот Капуи и на площади Марше. Каждый крестьянин платит каморре волей или неволей, это уж неизбежно, как подать съестных припасов.

Большая часть доходов идет в центральную кассу общества или служит содержанием пленных каммористов, часть идет на помощь бедным, на погребение мертвых, на пенсион, выплачиваемый сиротам и вдове того из членов каморры, который умер на службе.

Всякое оскорбление, обида или обвинение во вред каммористу доносятся в совет чрез референдория и вписываются *в квитанции общества.* И тогда беда зачинщику! *Каморра* имеет свою иерархию: неофит называется tamurro, потом он становится piccioto, потом picciotо di sgara, потом camorrista, и наконец, если в нем признают талант, camorrista proprietario, а иногда даже capo di societa. Каждое повышение получается, так сказать, ударом ножа: tamurro может сделаться capo di societa, только убив на дуэли своего начальника. Новопоступивший может достигнуть высших степеней каким-нибудь необыкновенным поступком.

Скрытность – для каммористов закон, который они никогда не преступают. Многие из них, раненные своими же товарищами, никогда их ни за что не выдадут.

Каморра – общество огромное, имеющее протекцию и поддержку в самых высших слоях общества; оно, как сетью, покрывает весь Неаполь во всевозможных направлениях.

Правительство в отношении его было до сих пор бессильно. Благодаря ему и разбойничеству город был в осаде.

Каморра имеет, конечно, свое argot, ей свойственное наречие. И французское argot заимствует из него с давних пор, хоть Парижская haute pegre этого не знает, разные вокабулы, обороты речи, внесенные к ним итальянскими плутами (*смотр. по этому поводу* Etudes de philologie comparee sur l'argot Франциска Мишеля, Intrad.p.25).

Моро-Кристоф Л. М.
М 80 Мир мошенников: Анатомия, Физиология человека. Оформление Н. Малова. – М.: Федерация, 1993. – 160 с.

ISBN 5-86167-003-X

Автор, будучи инспектором французских тюрем, многое видел, изучил, поэтому по темпераменту, строению черепа, взгляду, рукам, по расположению бровей и так далее может определить вора или убийцу.

Терпеливый Моро-Кристоф тщательно изучил все части человеческого тела, поэтому, сняв с мошенника шапку, он мог сказать: этот человек мошенник.

Книга рассчитана на массового читателя.

$М\frac{1910000000-004}{ЛР040561-93}$ Без объявл.

ББК 19.10

Мир мошенников

Соч. А.М. Моро-Кристофа

Ответственный редактор
С. Паршиков
Художник Н. Малов
Корректор Н. Соломатина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.07.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4. Тираж 75 000 экз.
Цена договорная. Зак. 37313.

Набрано и сматрицировано в компьютерном центре издательства «Федерация».
Адрес издательства: 125883, Москва, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии АО «Молодая гвардия».
Адрес АО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-86167-003-X

«Волшебная лампа» – сказки казаков-некрасовцев, М.: «Федерация», 2 п.л. ISBN 5-86167-001-3. Цена – договорная. 100000 экз. 1993 год.

В книге – три сказки. В «Волшебной лампе» рассказывается о том, как старик освобождает из-под камня девочку и она дарит ему волшебную лампу. Благодаря ей он строит город, женится на царской дочери, но однажды жена крадет лампу и отдает отцу-царю. Что из этого получается – читатель узнает из книги.

Вторая сказка «Про царицу Лютру», колдунью. А третья – о казаке-охотнике, помогающем лесным зверям. Как они помогли охотнику одолеть змея и злую жену, читатели узнают из книги.

«Золотой сад», сказки казаков-некрасовцев. М.: «Федерация», 2 п.л. ISBN 5-86167-005-6. Цена договорная. 100000 экз. 1993 год.

Книга состоит из трех сказок. В первой «Золотой сад» рассказывается о том, как царь выковал себе золотой сад, в который повадилась прилетать птичка. Не столько съест яблок, сколько напортит. У царя три сына, по очереди они хотят поймать птичку. Что из этого выходит – в книге.

В сказках «Иван Охотник» и «Орел и Карга» происходят удивительные истории с колдуном, волшебным цветком, говорящим конем.

«Кочеток и охотник» – сказки казаков-некрасовцев. М.: «Федерация», 2 п.л.ISBN 5-86167-002-1. Цена – договорная. 100000 экз. 1993 год

Главные действующие лица этой книги – звери. Здесь рассказывается о бурмистре леса Котофее Ивановиче, который женился на Лисице. Медведь, бирюк и заяц хотят познакомиться с бурмистром... Чем заканчивается знакомство ребята узнают из книги.

В сказке «Кочеток и Охотник» – история охотника, который освободил змея, придавленного упавшим дубом. Змей дарит ему изумрудное зернышко, полизав которое, охотник начинает понимать язык птиц, деревьев, зверей...

В следующей сказке идет спор между Рыбаком и Змеей – чем платят за добро? Они спрашивают у быка, коня, ишака. Все отвечают, что им за добро платят злом. Что было дальше? Ответ – в книге.

«Игра, конструктор, самоделка», сокращено «ИКС» – детский журнал. Подписной индекс в каталоге 73178.

«ИКС» задуман как сборник игр, конструкций и самоделок. Каждый его номер – своего рода загадка, тест на сообразительность. Взяв в руки ножницы и клей, ребята смогут из журнала сделать летающего змея, собрать увлекательную игру под названием «Звездные войны», склеить точную копию храма Василия Блаженного или Собор Парижской Богоматери...

По подписке журнал выходит раз в месяц с июля 1993 года.

Заинтересованные в приобретении сказок и журнала «ИКС» организации и частные лица могут обратиться в издательство «ФЕДЕРАЦИЯ» по адресу:

125883. г.Москва, ул. Правды, 24.
Тел: 257-22-90; 257-23-17.
Факс: 257-20-97.

